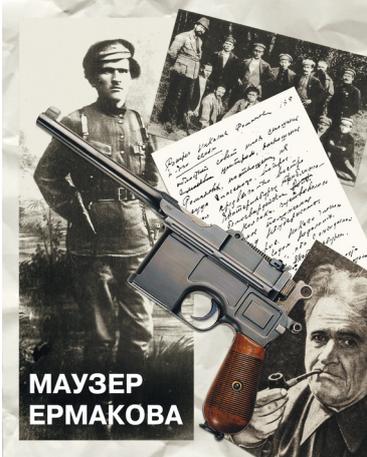

Юрий Жук

ЦАРЕУБИЙЦА

Историческое расследование убийства Николая II и Его Семьи

МАУЗЕР
ЕРМАКОВА

Юрий Жук
Цареубийца. Маузер Ермакова
Серия «Все тайны истории»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6247922
Жук Ю. Цареубийца. Маузер Ермакова : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078547-6

Аннотация

Эта книга – новая работа известного историка и исследователя Ю.А. Жука, которая расскажет о жизненном пути цареубийцы П.З. Ермакова, а также поведаст читателю историю его личного оружия – пистолета Маузер К-97/12 № 161474, много лет считавшегося «орудием казни Николая Романова».

Особое место в книге занимают воспоминания П.З. Ермакова о «тобольской эпопее Романовых», а также об убийстве «бывшего царя и его семьи», снабженные обширными авторскими комментариями. Вокруг имени Ермакова – человека весьма низкого интеллектуального уровня, но отчаянно смелого и патологически жестокого – вплоть до настоящего времени циркулируют всевозможные слухи. Автор раскроет многие тайны, связанные с одним из убийц Царской Семьи.

Содержание

От автора	4
Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	56
Эпилог	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66
Комментарии	

Юрий Жук

Цареубийца. Маузер Ермакова

От автора

Среди непосредственных участников убийства Царской Семьи наиболее «колоритной» фигурой был Петр Захарович Ермаков – человек весьма низкого интеллектуального уровня, но отчаянной смелости, граничащей с паталогической жестокостью. Поэтому неудивительно, что вплоть до настоящего времени вокруг его имени циркулируют всевозможные слухи, большинство из которых на деле не имеют ничего общего с реальной действительностью.

Так, например, наиболее живучим оказался слух о том, как после расправы с агентом Екатеринбургского отделения пермского ГЖУ Н.Н. Ериным (кличка «Летний»), П.З. Ермаков якобы лично отрезал последнему голову пилой с целью сделать невозможной дальнейшую идентификацию его трупа. И хотя этому, с позволения сказать, «факту» не имеется какого-либо документального подтверждения, слух этот тем не менее продолжает существовать и зачастую используется многими исследователями вплоть до настоящего времени.

Наряду с таким ходят также слухи о том, что, состоя в должности инспектора мест заключения, П.З. Ермаков якобы по собственному почину и с особой страстью лично расстреливал заключенных, осужденных на смерть в ходе сталинских репрессий.

Однако и это не более чем непроверенные слухи. Ибо единственно подлинной, так сказать, особой страстью П.З. Ермакова была любовь к «зеленому змию». Любовь, которую он пронес через всю свою жизнь, насыщенную многочисленными событиями, напрямую связанную с историей нашего государства.

Без сомнения, Петр Ермаков – яркий представитель революционера-боевика, а проще говоря – бандита с большой дороги, прикрывающегося революционными идеями для осуществления своих меркантильных целей, главная из которых – карьерный рост и личное обогащение за чужой счет. Вступив на этот преступный путь незадолго до начала революционных событий 1905–1907 гг., он начинает действовать по принципу «грабь награбленное!», претворяя тем самым в жизнь учение «вождя мирового пролетариата» В.И. Ульянова (Ленина). Ибо именно в это время на путь революционной борьбы становились многие молодые люди, немалая часть которых являла собой попросту паразитирующие отбросы общества в виде не нашедшего себя в жизни уголовно-преступного элемента.

Работая слесарем на Верх-Исетском металлургическом заводе, Петр Ермаков изначально был вовлечен в революционную деятельность своими старшими братьями. По их же совету он начинает посещать и социал-демократический кружок, занятия в котором вела бывшая выпускница Санкт-Петербургских «Курсов воспитательниц и руководительниц физического воспитания П.Ф. Лесгафта», К.Т. Новгородцева (впоследствии – супруга Я.М. Свердлова), по рекомендации которой П.З. Ермаков в 1906 году вступает в РСДРП.

Попытки властей угомонить активность молодого большевика Петра Ермакова в виде почти годового нахождения в тюрьме по делу «Летнего», а также высылка в далекий Вельск поначалу охлаждают пыл юного революционера. По окончании срока ссылки он возвращается на Урал, где, что называется, «залегает на дно». Однако ненадолго...

С началом событий Февральской смуты П.З. Ермаков выходит «из подполья» и вновь оказывается в самой гуще захлестнувших страну революционных событий. А после Октябрьского переворота он создает свой собственный красногвардейский отряд из рабочих Верх-Исетского металлургического завода, в составе которого участвует во многих боевых

эпизодах Гражданской войны на Урале, главным из которых стало его непосредственное участие в убийстве Царской Семьи.

Представленная на суд читателей работа посвящена именно этому трагическому событию, одним из главных участников которого стал П.З. Ермаков. Посему рассказ наш пойдет не просто в виде простого изложения отдельных фактов его биографии, а по авторскому замыслу будет существенно дополнен материалом, имеющим непосредственное отношение к его личному оружию – пистолету Маузера К-96/12 № 161474, который П.З. Ермаков на протяжении многих лет выдавал за «орудие казни бывшего царя и его семьи».

Книга «Маузер Ермакова»¹ рассчитана на широкий круг читателей, которые, безусловно, узнают для себя много нового и интересного по данной теме.

Настоящее издание состоит как бы из нескольких частей, каждая из которых является логическим продолжением предыдущей. Посему его основная часть – «Маузер Ермакова» – дополнена документами из личного архива П.З. Ермакова, его воспоминаниями 1920–1940-х гг., а также рассказами о самом П.З. Ермакове, написанными различными авторами в разное время.

Особое место в книге занимают воспоминания П.З. Ермакова о «тобольской эпопее Романовых», а также об убийстве «бывшего царя и его семьи», снабженные обширными авторскими комментариями.

Работая над книгой, автор постарался использовать большинство имеющихся в его распоряжении источников в виде статей и книг, отрывки которых также размещены на страницах настоящего издания. Помимо этого, работа «Маузер Ермакова» снабжена многочисленными фотографиями, большинство из которых публикуется впервые, так как, несмотря на свою широкую известность, какого-либо выверенного биографического материала (кроме написанных и заполненных с его слов автобиографий и анкет) о жизни и деятельности П.З. Ермакова фактически не существует.

Данная книга – первая в задуманной автором серии книг о цареубийцах и их соучастниках: Я.М. Юровском («Палач из Каинска»), М.А. Медведеве-Кудрине («Колун революции»), Ф.Н. Лукоянове, Г.П. Никулине, И.И. Родзинском, В.М. Горине, И.Я. Кайгородове и др. («Преступления без наказания. Уральская ОблЧК в годы Гражданской войны»), выпуск которых он надеется осуществить в ближайшее время.

Автор выражает свою особую признательность Т.А. Боговаровой, А.С. Выголову, А.М. Кручинину, М.М. Лебедеффу-Донскому Л.Ф. Муртузалиевой, кандидату исторических наук В.М. Хрусталеву и В.В. Шитову за оказанную ими неоценимую помощь в деле работы над настоящим изданием.

¹ Основой для данной работа послужила моя монография «Маузер Ермакова», написанная еще в 1995 году и переданная тогда же прокурору-криминалисту Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьеву в качестве дополнительного материала, с целью его возможного использования в производимом им следствии по делу «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 гг.». Основной акцент в таковой делался на абсолютно новую трактовку известных фактов, непосредственно связанных с подготовкой и механизмом проведения самого «расстрела» Царской Семьи, исходя из реального числа его непосредственных участников, а также возможного количества произведенных ими выстрелов по своим жертвам.

Предисловие

Занимаясь изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи, мне не раз приходилось бывать в Екатеринбурге, в котором наряду с прочими многочисленными зрелищными очагами культуры есть и Свердловский государственный объединенный историко-краеведческий музей (СГОИКМ), основу которому положили коллекции Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ), основанного в 1870 году.

В числе его многочисленных фондов имеется и оружейный, коллекция которого насчитывает многие десятки единиц огнестрельного и холодного оружия, которые на сегодняшний день представляют одну из самых крупных коллекций военного и охотничьего оружия на Урале.

Одним из музейных предметов этой коллекции является пистолет Маузера К-96 мод. 1912 г., зав. № 161474, который ранее принадлежал бывшему Военному комиссару Верх-Исетского района г. Екатеринбурга П.З. Ермакову (1884–1952), принимавшему непосредственное участие в убийстве Царской Семьи. И что именно из этого пистолета лично им было расстреляно большинство содержащихся в доме Ипатьева Романовых в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

И надо сказать, что на протяжении многих лет эта версия поддерживалась многими уральскими исследователями, уверенными, что именно из этого оружия были убиты Венценосные Мученики.

Упоминание о Маузере Ермакова впервые попало мне на глаза во время ознакомления с книгой Э.С. Радзинского «Господи... спаси и усмири Россию. Николай II. Жизнь и смерть», где он со ссылкой на фонд архива Свердловского обкома КПСС, приводит текст акта приема-передачи этого пистолета в Уральский Истпарт. А немногим позже я нашел в статье Д.В. Боровикова и Д.В. Гаврилова «Расстреляны пролетарской рукой» еще одно упоминание об этом пистолете и ходившей вокруг него «красивой легенде» о том, что он якобы был в пользовании у П.З. Ермакова еще со времен революции 1905–1907 гг.! (Это пистолет-то модификации 1912 г.!).

Все эти обстоятельства меня весьма заинтересовали, так как к тому времени я уже был знаком с известным фото П.З. Ермакова (сделанном не ранее 1919 г.), на котором тот был запечатлен с револьвером Нагана на боку, помещенном в самодельно сшитую кобуру...

В свою очередь, именно они же натолкнули меня на мысль, что данное оружие не имело никакого касательства к убийству Царской Семьи, а досталось П.З. Ермакову лишь некоторое время спустя.

Мне стало интересно, и я решил, что называется, копать глубже, результатом чего и явилось предлагаемое на суд читателя авторское исследование, позволившее приоткрыть завесу над еще одной, пусть и небольшой, но все же тайной, имевшей непосредственное отношение к гибели Царской Семьи и Ее верных слуг.

Глава 1

Из истории пистолета Маузер к-96/12

Прежде чем перейти к изложению известных автору фактов, невозможно не дать хотя бы некоторые пояснения относительно самих пистолетов этой системы, напрямую связанных с темой настоящего исследования.

Маузер К-96 – исключительно мощное и надежное оружие – был разработан фирмой братьев Маузеров, впоследствии ставшей хорошо известной под наименованием Waffenfabrik Mauser Oberndorf an Neckar (Оружейная фабрика Маузера в Оберндорфе на реке Некар).

Но и сама история появления этой фирмы также требует некоторого пояснения.

Ее основатель – Пауль Петер Маузер родился 27 июня 1838 года в немецком городе Оберндорфе. Уже с 12 лет он пошел по стопам своего отца, начав свои «рабочие университеты» на местной оружейной фабрике. Поэтому из всего образования у будущего знаменитого оружейника была лишь начальная школа.

В 1868 году Пауль Питер Маузер совместно со своим старшим братом Вильгельмом Маузером и американцем Чарльзом Нарисом запатентовал в США через свою фирму «Gebruder Wilhelm und Paul Mauser» казнозарядную винтовку, которую в 1871 году германские княжества Пруссия и Вюртемберг приняли на вооружение своих армий под наименованием М/1871. Разработанная винтовка стала одной из лучших оружейных систем того времени, и как признание их безусловного успеха в деле конструирования оружия стала продажа Королевского Оружейного Завода, который братья Маузеры приобрели у Правительства Вюртемберга в 1872 году за 200 000 южно-германских гульденов (флоринов). Новое предприятие, именуемое теперь «Gebruder Mauser und Cie» (фирма «Братья Маузер и компаньоны»), возглавил старший брат Вильгельм, а после его смерти, последовавшей в 1882 году, его брат Пауль.

В 1884 г. Пауль Питер Маузер назначил нового управляющего – Фиделя Федерле, который был одним из трех братьев-конструкторов, работавших на этой фабрике. В 1893 г. братья Федерле разработали совершенно новый вид автоматического пистолета. А еще через два года – 15 марта 1895 года представили его доработанную версию, работа над которой велась уже при участии самого Пауля Питера Маузера и старшего мастера Гайзера, впоследствии получившую название Mauser K-96. (С-96). Конструкция Ф. Федерле была запатентована на имя Пауля Питера Маузера: сначала в Германии^[1], а затем в Великобритании в 1896 году.

1 августа 1896 г. это новое оружие было продемонстрировано членам оружейной комиссии в Штутгарте, и, в частности, Министру обороны Княжества Вюртемберг Шульцу фон Шоттенштайну.

Начиная с 1897 г. производство пистолетов К-96 было поставлено на поток, а свое первое боевое крещение он прошел в годы первой Англо-Бурской войны 1899–1902 гг. Так как именно в это время стал почти что сакраментальным девиз одного из ее героев – генерала Бен Вильхена: «Met Got En Die Mauser!» («С Богом и с Маузером!»).

До 1908 года на заводе в Оберндорфе было произведено около 70 тысяч пистолетов Маузера К-96, получивших прозвище Broomhandle^[2]. Особенностью этой модели была вынесенная перед спусковой скобой магазинная коробка (так называемый, постоянный магазин), которая наполнялась патронами из специальной обоймы. Другими особенностями этого оружия было шахматное расположение патронов, затвор, спрятанный внутри ствольной коробки, блочная конструкция ударно-спускового механизма, а также регулируемый прицел и деревянная кобура, которая могла выполнять функции приклада, что давало воз-

возможность использования этого пистолета как легкой карабина. Магазин пистолета был рассчитан на 10^[3] специально разработанных для него бутылочных патронов калибра 7,63 мм. А упомянутый выше передвижной (секторный) прицел был насечен на 1000 м^[4]. Но, несмотря на то, что пистолет Маузера мог вести прицельный огонь на расстояния, недостижимые для других пистолетов, означенная на прицеле цифра «1000» была все же не более чем рекламной акцией, значительно превышающей предел действительности огня. Ибо на расстоянии километра рассеивание пуль по ширине превышало 4, а по высоте – 5 м. Но при стрельбе до 100 м, то есть на дистанцию, весьма значительную для эффективного огня пистолетов других систем, пули из Маузера ложились в круг диаметром всего 30 см.

Работал пистолет Маузера К-96 по принципу использования энергии отдачи при коротком ходе ствола, а запираение канала ствола осуществлялось при помощи качающейся личинки.

Как уже говорилось выше, к пистолету Маузера К-96 был разработан специальный патрон калибра 7,63 мм (7,63 mm Mauser), обладающий очень высокой начальной скоростью пули в 430–450 м/с^[5].

Начиная с 1900 года у пистолетов Маузера появились серьезные конкуренты – пистолет Георга Люгера (Борхардта-Люгера) «Парабеллум» кал. 7,65 мм и 9 мм, а также пистолет Браунинга этого же калибра, но выпущенный под специально разработанный под него патрон 7,65 mm Browning. На их фоне отчетливо проступили недостатки К-96: большие размеры, неудобство заряжания, сложность изготовления и сборки-разборки, чувствительность к загрязнению. В итоге, даже в самой Германии пистолет Маузера был принят на частичное вооружение конных егерей лишь в 1908 году, да и то из-за недостаточного количества выпускаемых пистолетов Люгера. Но при этом потребовалось изменить калибр самого пистолета до 9 мм под новый патрон (9 mm Mauser), то есть как и у штатного «Парабеллума», сконструированного под патрон 9 mm Parabellum. (Такие пистолеты Маузера были помечены цифрой «9» красного цвета, вырезанной на рукоятке, поскольку при возможной путанице во время стрельбы 9-мм патроном к пистолету Люгера из пистолета Маузера кал. 7,63 мм происходил разрыв ствола.)

Широкая кампания по рекламе Маузера, а также отменные боевые качества этого пистолета почти сразу же snискали ему большую популярность среди охотников, путешественников, а также просто любителей оружия во всем мире.

С 1896 года по интересующий нас период пистолет Маузера выпускался нескольких моделей, основное различие которых заключалось, главным образом, в их дизайне. Это соответственно модели «К-96»: 1896, 1898, 1903, 1905 и 1912 гг., наиболее распространенной из которых была последняя, именуемая «К-96/12» с длиной ствола 140 мм.

В Российской Империи первые пистолеты Маузера появились в 1897 году и впоследствии получили наименования «Маузер № 2»^[6] или «Маузер в колодке». Всего за какие-то несколько лет он становится настолько популярным, что даже вошел в число рекомендованных Военным Министерством систем пистолетов, которые разрешалось приобретать русским офицерам для ношения в строю взамен состоящего на вооружении 3-линейного форменного револьвера Нагана обр. 1895 г.

В 1913 году Воздухоплавательная Часть Главного Управления Генерального Штаба по ходатайству Великого Князя Александра Михайловича, определила пистолет Маузера К-96 «как принадлежность аэропланов», но наряду с этим пистолеты данной системы состояли на вооружении автомобильных и мотоциклетных частей.

А еще через несколько лет Маузер стал одним из самых популярных пистолетов в России. И это несмотря на его отнюдь не дешевую коммерческую стоимость! Так, приобретение этого пистолета в оружейных магазинах дореволюционной России обходилось его покупателям, что называется, «в копейчку». Например, согласно Прейскуранту цен № 7

Оружейного магазина и склада Торгового дома Ф. Фальковского и М. Широкомятенко в г. Москве на 1913–1914 гг. его стоимость для пистолета обычной работы составляла 38 рублей, а для пистолета, выполненного в варианте «Люкс», – 45 рублей. (Для сравнения: стоимость револьвера Нагана обр. 1895 г. составляла 26 рублей.)

Следует также сказать, что особой популярностью у гражданского населения России пользовалась укороченная модель пистолета Маузера К-96/12 с длиной ствола в 98 мм, поему было неправильным считать, что подобная разновидность этого пистолета появилась только лишь в начале 20-х годов.

В годы революционного лихолетья и Гражданской войны Маузер стал одним из самым популярных пистолетов в России. А помощь Белым Армиям их бывшим союзником – Великобританией обернулась тем, что пистолеты Маузера попали в Среднюю Азию, к так называемым басмачам.

После смерти Пауля Питера Маузера, последовавшей в 1914 году, его фирма несколько раз реорганизовывалась и начиная с 1922 года стала именоваться как *Waffenfabrik Mauser AG Oberndorf a/N* (Акционерное Общество Оружейная фабрика Маузер в Оберндорфе на р. Некар). А в качестве своего клейма избрала «бочку» – фирменный знак по форме бочки, внутри которого находилось слово «MAUSER», которым теперь клеймилось все выпускаемое ею оружие.

По условиям Версальского соглашения между Германией и странами-победительницами, немецкие оружейные заводы не имели права выпускать ручное огнестрельное оружие с длиной ствола более 100 мм. Поему уже в 1920 году фирмой «Маузер» был начат выпуск пистолетов К-96/12, так называемой «Полицейской модели», имевших длину ствола 98 мм и укороченную рукоятку. А так как прошедший Гражданскую войну пистолет Маузера снижал себе небывалую популярность, в середине 20-х – начале 30-х годов минувшего столетия Торгпредство СССР в Германии закупало у фирмы «Mauser A.G.» пистолеты этой системы. (Об этом будет сказано более подробно в одной из последующих глав.)

Со временем массовое распространение в СССР пистолетов Маузера привело к тому, что в июле 1928 г. было решено сделать штатным патроном пистолетный патрон 7,63 mm Mauser. Причем при производстве такового его изначальный калибр 7,63 мм уравнивали с российским «трехлинейным», то есть с принятым на вооружение в РККА калибром 7,62 мм. А в качестве капсюля решили использовать уже готовый, использовавшийся для снаряжения патронов к револьверу Нагана.

Впоследствии базовая модель Маузера К-96/12 неоднократно модернизировалась, так как именно ее отличали отменная баллистика и просто невероятная «живучесть» этого оружия.

Так, испанцы на ее основе разработали несколько моделей пистолета Астра (модель 900, модель 902, модель 903), а также пистолет Асуль ММ31, каждый из которых был снабжен переводчиком режима огня^[7].

Но, к сожалению, автоматические пистолеты, снабженные переводчиком на автоматический огонь, показывали крайне низкую кучность, поэтому ни одна из этих моделей не была принята на вооружение.

В Китае же, где модель К-96/12 получила прозвище «Boxed Cannon», то есть «компактной пушки», ее копии выпускались различного калибра, вплоть до 45 АСР (11,43 мм).

Запасы Маузеров в нашей стране оказались столь значительны, что они были в ходу и во время Великой Отечественной Войны.

Так, в 1943 году гвардии полковник Л.И. Брежнев был награжден именно Маузером К-96/12.

А в ходе боевых операций, проводимых на территории сопредельной с СССР Демократической Республики Афганистан, а также при ликвидации незаконных бандформирова-

ний на территории Чечни и Дагестана порой в качестве трофеев попадались и пистолеты этой модели, разработанной фактически около 100 лет назад!

Но все это будет значительно позже. А сейчас, прежде чем начать наш рассказ о пистолете Маузера К-96/12 зав. № 161474, ознакомим читателя с его основными тактико-техническими характеристиками:

- Длина пистолета – 312 мм (при длине ствола 140 мм);
- Масса (неснаряженного) – 1250 г;
- Калибр – 7,63 мм;
- Емкость магазина – 10 патронов;
- Калибр – 7,63 мм;
- Патрон – 7,63 mm Mauser.

Глава 2

Реликвия Октября

10 декабря 1927 года, то есть чуть более чем через месяц после открытия в Свердловске Уральского Областного «Музея Революции» (УМР), в помещение Уральского Истпарт^[8] пришел хорошо известный в городе старый большевик П.З. Ермаков, который передал его сотрудникам, принадлежавший ему пистолет Маузера К-96/12 (зав. № 161474). Передавая же оный в Истпарт (безусловно, с целью его последующего размещения в экспозиции Уральского Областного «Музея Революции»), он также пояснил, что оружие это является «историческим», так как лично он сам, будучи участником расстрела Романовых в доме Ипатьева, «застрелил из него царя, царицу, наследника, а также одну из царских дочерей».

И хотя на момент убийства Царской Семьи и Ее верных слуг П.З. Ермаков не являлся владельцем данной системы оружия, его желание войти в историю «на правах цареубийцы № 1» доминировало над всем его сознанием.

В соответствии с этим был составлен соответствующий акт, текст которого приводится ниже:

«А К Т

10 декабря 1927 г. мы нижеподписавшиеся научные сотрудники Истпарт Уральского Областного Комитета В.К.П. (б) – т.т. МУТНЫХ В.С., ШАТУНОВ И.М. и Уральского Областного «Музея Революции» – т.т. БАРАНОВ А.В. и ГЕНЗЕЛЬ В.А. приняли от участника расстрела – быв. Царя Николая II у тов. ЕРМАКОВА П.З. револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству тов. ЕРМАКОВА, – был расстрелян Николай II.

УЧАСТНИК РАССТРЕЛА НИКОЛАЯ II (Ермаков)
Научные сотрудники «Музея Революции» (Баранов)
(Гензель)
Истпарт Уралобкома (Мутных)
ВКП(б) (Шатунов)»^[9].

После того как П.З. Ермаков сдал свое «историческое оружие» в Истпарт, скорее всего по его личной просьбе было сделано фото этого пистолета, на котором его бывший владелец оставил свой полуграмотный автограф: «Здан музей истарта 10 декабря 1927».

Впрочем, не исключена возможность и того, что еще одной причиной, побудившей П.З. Ермакова сдать свое оружие в местный «Музей Революции», стало его желание «сравняться в этом деле» с Я.М. Юровским, месяцами ранее также сдавшим свое «историческое оружие» в Музей Революции СССР. Но об этом будет рассказано немногим ниже.

После передачи Истпарту принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера хранился в фондах означенного музея и даже некоторое время экспонировался в его залах. А после расформирования этого учреждения в мае 1946 г. он в числе прочих музейных предметов был передан Свердловскому государственному объединенному историко-краеведческому музею.

22 июля 1952 года, то есть по прошествии почти шести лет, Маузер Ермакова был впервые зарегистрирован в Главной инвентарной книге № 1 СГОИКМ на основании Акта приема-передачи Свердловского Областного «Музея Революции» от 25 сентября 1946 года.^[10]

Вслед за этим этот музейный предмет был зарегистрирован в соответствии с нормами музейного хранения и стал числиться за СГОИКМ под шифром «С/м 508, 0–79»^[11].

В настоящий момент общую сохранность этого пистолета можно считать удовлетворительной, но требующей чистки и смазки.

Говоря же о комплектности такого составляющими деталями, то здесь следует отметить их некоторое отсутствие.

А именно:

- возвратная пружина;
- ударник с бойком;
- упорная муфта;
- предохранитель;
- защелка крепления рамы;
- подаватель;
- пружина подавателя

и др. мелкие детали в раме пистолета.

К числу индивидуальных признаков этого пистолета относится и наличие легкой коррозии по всей его поверхности, а также три сквозных отверстия, одно из которых расположено на месте патронника, а два других – в ближней к нему части ствола. Кроме того, на правой стороне магазинно-спусковой коробки имеются три глухих резьбовых отверстия, предназначенных для жесткого крепления пистолета в экспозициях на вертикальных или горизонтальных поверхностях.

На торце магазинно-спусковой коробки, в верхней ее части в районе курка (не путать со спусковым крючком!), а также с левой стороны ствола – на верхней грани его патронника, имеется четко выбитый и хорошо читаемый заводской номер «161474».

Сохранность кобуры пистолета также можно считать удовлетворительной, но требующей частичной реставрации.

К числу индивидуальных признаков таковой относятся довольно глубокая трещина, находящаяся в ее верхней части, расположенной со стороны крепления чрезплечного ремешка, а также ряд мелких ссадин по всей поверхности.

Все находящиеся на ней металлические части также подвержены коррозии, но в несколько большей степени, чем сам пистолет.

Кроме того, на ее внутренней поверхности (в чреве) имеются затеки половой краски темно-коричневого цвета.

В начале 1987 года по инициативе Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея, а также при поддержке Партийного архива Свердловского обкома КПСС и Государственного архива Свердловской области был выпущен справочно-информационный каталог «Реликвии Октября»^[12], в котором этот пистолет был представлен в разделе «Вещевые предметы» и описан как:

«6. Пистолет автоматический системы маузер образца 1898 г. в деревянной кобуре. Изготовлен на оружейной фабрике «Маузер» в Оберндорфе. Калибр 8,0 мм^[13]. Принадлежал П.З. Ермакову.

С/м 508, 0-79.

Справка: Ермаков Петр Захарович (1887–1951), член КПСС с 1906 г., организатор частей Красной Гвардии на Урале, участник трех революций».

Но оставим на совести работников музея и архивов допущенные ими явные «ляпы», как то: «образец 1898 г.», «калибр 8,0 мм», а также несоответствия в годах рождения и смерти «организатора частей Красной Гвардии на Урале» и постараемся привлечь внимание читателя к личности самого П.З. Ермакова.

Глава 3 «Товарищ Маузер»

Одним из ближайших пригородов Екатеринбурга прошлых лет был поселок Верх-Исетского завода, в котором 1 декабря (18 ноября) 1884 года в семье столяра Захара Степановича Ермакова родился третий сын – Петр^[14].

В юные годы П.З. Ермаков, окончив два класса местной церковно-приходской школы, поступает на Верх-Исетский металлический завод, где работает его отец, – сначала в качестве писаря заводской конторы, а затем ученика слесаря, выучившись на которого, он продолжает свою трудовую деятельность по избранной специальности.

Первые шаги на поприще своей революционной деятельности Петру Ермакову помогли сделать его старшие братья Николай и Степан, которые ранее попали под влияние группы заводских социал-демократов, насчитывающих в то время всего 17 человек. Поначалу они давали ему прочесть нелегальную литературу, которая была рассчитана на людей малообразованных и которая в самой популярной форме объясняла причины социального неравенства, постепенно подводя к мысли, что свои права рабочий класс может отстаивать только в революционной борьбе.

Появление в Екатеринбурге Я.М. Свердлова совпало с началом Русско-японской войны, неудачное начало которой стало благодатной почвой для распространения социал-демократических идей среди местного населения. С образованием Екатеринбургского Комитета РСДРП начали свою работу социал-демократические кружки, занятия в которых проводили его члены – М.О. Авейде и К.Т. Новгородцева^[15]. Появились и первые подпольные «типографии», все оборудование которых поначалу было представлено самыми простыми множительными приспособлениями того времени – гектографами, при помощи которых можно было выпускать за один раз по несколько сотен листовок. Активной деятельности местных большевиков способствовала и поступающая из-за рубежа нелегальная литература в виде газеты «Правда» и всевозможных книжечек-брошюр типа: «Пауки и мухи», «Правда о войне», «Царские поражения и наши требования», «Царские посулы и рабочий класс» и т. п.

Первые поручения Петра Ермакова были связаны с распространением политической литературы и листовок антиправительственного содержания. Справившись с ними, ему поручают более ответственные дела, как то: охрану нелегальных митингов и всякого рода сборищ. Первое из подобных поручений он выполнял в городском театре, где в сентябре 1905 года проходило общее собрание городских и Верх-Исетских рабочих, на которое П.З. Ермаков со своими дружинниками не допустили представителей «Союза Русского Народа», именуемых в пролетарской среде «черносотенцами»...

В погожее летнее время кустовые собрания городских партийных организаций, объединявших несколько как крупных, так и мелких промышленных предприятий Екатеринбурга («Монетку», завод Ятеса, фабрику Логинова, фабрику Макарова, Верх-Исетский завод и др.), проводились в районе Верх-Исетского торфяника, на Зеленом острове, на Сиговом покосе, на Московском тракте за речкой Широкой, за «Генеральской дачей» и на Красной горке. А в холодное зимнее – на частных квартирах визовцев (у весовщика ВИЗа Филиппова, братьев Николая и Андрея Третьяковых, квартира которых на углу Главного проспекта была складом всей нелегальной литературы Екатеринбургского Комитета РСДРП и др.). И, как правило, все эти сборища проводились под неусыпной охраной пока еще слабо вооруженных дружинников, возглавляемых их бессменным предводителем – П.З. Ермаковым.

В январе 1906 года по рекомендации все той же К.Т. Новгородцевой П.З. Ермаков вступает в РСДРП, пребывание в которой как в прямом, так и в переносном смысле выводит его на «большую дорогу».

Следующим «жизненным университетом» Петра Ермакова стала Сводная боевая дружина РСДРП эсеров и анархистов, которую организовал и возглавил близкий друг Я.М. Свердлов Ф.Ф. Сыромолотов по кличке «Федич». (Впоследствии – Уральский Областной Комиссар Финансов.) Непосредственным же его наставником в этом, с позволения сказать, «учебном заведении» стал известный южно-уральский боевик Константин Мячин по кличке «Антон» или «Утиный нос». Проводя занятия на Конном острове, расположенном посреди реки Исети, он делился с дружинниками своим богатым опытом в деле осуществления экспроприаций («эксов»), обучая их особенностям практической стрельбы из огнестрельного оружия, а также проводя занятия по изготовлению самодельных бомб, бомбометанию и подрывному делу. (Впоследствии именно К.А. Мячину Я.М. Свердлов поручит перевоз Царской Семьи из Тобольска в Москву.) Окончив обучение «вторым учеником», П.З. Ермаков становится во главе одной из «пятерок боевиков» и уже сам начинает совершать «эксы», помощь в проведении которых ему оказывают заводские рабочие, вовлеченные им лично в революционно-преступную деятельность.

В ходе проводимого следствия по делу об убийстве Царской Семьи следователь Н.А. Соколов в августе 1919 года допросил жителя Верх-Исетска А.Р. Зудихина, который знал П.З. Ермакова еще до большевистского переворота. Так вот, характеризуя его как человека, он пояснил, что: «Он (П.З. Ермаков. – Ю.Ж.) давно еще занимался грабежами на больших дорогах и нажил таким путем деньги»^[16].

Не менее ярко характеризует П.З. Ермакова и генерал-лейтенант М.К. Дитерихс в своей книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале»:

«1905 г. выводит его на арену “политического” деятеля», что он проявляет сообразно своей совершенно испорченной натуре – выходит на большие дороги и начинает грабить, резать, душить, с хладнокровием и зверством, которые впоследствии поражали даже истых советских деятелей, не останавливаясь ни перед чем»^[17].

И это правда, так как, прикрываясь политической ширмой экспроприаторства, П.З. Ермаков, сколотив банду подобных себе «борцов за народное счастье», насчитывавшую уже к концу 1906 года 52 человека, промышлял разбоем и грабежами в своем родном уезде. Но не все нападения и грабежи приносили бандитам удачу, так как сплошь и рядом налетчики получали вооруженный отпор, потому как далеко не у всех дружинников имелось огнестрельное оружие, дефицит которого со временем ощущался все острее и острее. И Петр Ермаков решил действовать.

Узнав через одного из своих сообщников – кассира Павла Фирсова, когда и как возят деньги на зарплату рабочим и служащим одного из расположенных в округе медных рудников, он составил план нападения на инкассаторов из засады. Первая попытка не удалась, так как экипажи с деньгами проехали ранее сообщенного ермаковцам времени. Однако во второй раз П.З. Ермаков решил быть осмотрительнее и ждать в засаде всю ночь, для чего обустроил свою позицию в том месте, где ведущая к руднику Ключевская дорога делала крутой поворот.

Засев в лесном массиве, он с двумя своими подельниками (одним из которых был бывший матрос «дядя Ваня», а другим – Василий Рябов) стал ждать. Время тянулось медленно, и уже ближе к утру стало казаться, что вновь произошла ошибка в дате или времени привоза денег на рудник. Но все решили подождать еще немного. Расчеты полностью оправдались. Едва лишь полностью рассвело, как два экипажа в сопровождении двух верховых чинов полиции показали из-за поворота дороги. В первом экипаже ехал кассир Фирсов, а во втором – его помощник Тарханеев. Но они почти сразу же заметили людей в масках

и, выхватив револьверы, открыли стрельбу по бандитам. Но так как находившимся в засаде нападать было легче, схватка оказалась неравной, в результате чего были убиты шесть человек, в числе коих оказались оба полицейских, три контролера банка и помощник кассира Тарханеев. Сам же Фирсов, с целью подтверждения своего алиби (по представленной им на следствии версии, ему во время перестрелки удалось незаметно скрыться), был легко ранен в руку одним из подельников П.З. Ермакова.

Результаты «экса» превзошли все ожидания. Было захвачено 12 400 рублей, одна часть которых была пущена на покупку оружия, а другая – передана в Екатеринбургский Комитет РСДРП.

Не остался внакладе и сам П.З. Ермаков, который также получил свою долю за риск, часть которой была пущена на поддержание «боевого духа» и дополнительное оснащение его собственной дружины. Впоследствии П.З. Ермаков будет рассказывать, что именно тогда он приобрел тот самый Маузер, с которым не расставался на протяжении всей своей жизни и который впоследствии передал в Уральский Областной Музей Революции... Но так как приобрести в 1906 году пистолет, модель которого была разработана лишь в 1912 г., это по меньшей мере нонсенс, то оставим все рассказы П.З. Ермакова на этот счет на его совести...

Поднаторев, что называется, во всякого рода преступной деятельности, П.З. Ермаков в августе 1907 года вместе со своими друзьями (все тем же «дядей Ваней» и Вячеславом Кругляшовым – «Вячей») расправляется со своим товарищем по партии Николаем Ериным (по кличке «Летний»), который был уличен в сотрудничестве с жандармами. Не имея должных доказательств и уповая лишь на собственную интуицию, П.З. Ермаков, тем не менее, оказался прав, когда говорил о том, что Н.Н. Ерин – провокатор. *«Я посмотрел на рожу, так и написано, что он провокатор»*, – вспоминал он впоследствии.

Получив согласие своих подельников, П.З. Ермаков 4 августа 1907 года назначает Н.Н. Ерину встречу, во время которой пояснил последнему, что «необходимо отправить одного товарища»... Н.Н. Ерин соглашается, после чего они все вместе идут в район Верх-Исетского кладбища. (В кармане П.З. Ермакова уже лежит заранее приготовленное полотенце, которое он захватил с собой в качестве орудия убийства.) По дороге П.З. Ермаков предлагает присесть, после чего все они сразу же набрасываются на провокатора и, заломив ему руки, начинают свой допрос. Николай Ерин во всем сознается и просит сохранить ему жизнь. Но убийцы неумолимы. Петр Ермаков набрасывает ему на шею полотенце и начинает душить... А так как опыта у него в этом деле еще недостаточно, на помощь ему приходит «дядя Ваня», который наносит Н.Н. Ерину удар ножом в область сердца. После этого ему уже мертвому засовывают в рот полотенце, поверх которого прикрепляют записку с надписью: «Убит за провокацию». (Именно эта записка стала главной уликой в деле Н.Н. Ерина, так как в ходе графологической экспертизы следствие получило неопровержимые улики в причастности к этому делу В. Кругляшова.)

Уже в сентябре В. Кругляшов и П.З. Ермаков были арестованы. А «дядя Ваня» под подозрение не попал. Под тяжестью неопровержимых доказательств Вячеслав Кругляшов был вынужден сознаться в умышленном убийстве. Взяв на себя одного всю вину, он вскоре был повешен, а П.З. Ермаков, за отсутствием доказательств в мае 1908 г. был выпущен на свободу.

Так что, как смог убедиться читатель, никаких «отрезанных голов», предшествующих «отрезанным царским», не было и в помине...

Пребывание П.З. Ермакова в тюрьме добавило ему авторитета среди местного большевистского подполья, и по выходу из Екатеринбургского Тюремного Замка^[18] он избирается членом подпольного Екатеринбургского Комитета РСДРП, который сразу же переводит его на нелегальное положение.

Будучи нелегалом, П.З. Ермакову отводится роль одного из руководителей боевиков, главной задачей которых по-прежнему остаются экспроприации и охрана нелегальных сборищ.

Во время провала Уральской партийной конференции (в результате ареста в марте 1909 года всех ее делегатов, включая Я.М. Свердлову и его гражданскую жену К.Т. Новгородцеву), П.З. Ермаков вновь арестовывается и после годового тюремного заключения этапируется в ссылку, которую отбывает в городе Вельске Вологодской губернии^[19].

В своей автобиографии, написанной в сентябре 1931 г. при вступлении в Уральский филиал Всесоюзного Общества Старых Большевиков (ВОСБ), П.З. Ермаков напишет, что *«По прибытии в ссылку была создана группа ВКП(б) (на самом деле – РСДРП. – Ю.Ж.), вскоре я был арестован и по суду получил ссылку в Тарский уезд...»*^[20]. То есть из сказанного следует, что, находясь в Вельске, П.З. Ермаков непосредственно участвовал в создании группы РСДРП, состоящей из числа находящихся в ссылке лиц, за что и был вновь арестован. А после суда отправлен на поселение в небезызвестный Тарский уезд Тобольской губернии, откуда его освободили события Февральской смуты 1917 г. Причем в данном случае об отбывании им наказания на какой-либо каторге не говорится ни слова! И ясно почему: ведь Тарский уезд был известен как место ссылки еще со времен декабристов!

Но, как оказалось на деле, этот «факт» его биографии был целиком и полностью надуман им самим, так как П.З. Ермаков никогда не отбывал каторгу, а значит, не был и политкаторжанином, за которого выдавал себя многие годы! Ибо еще в 1917 г. большинство документов архива Вологодского ГЖУ было уничтожено во время событий уже упомянутой выше Февральской смуты. А в архиве Уральского Обкома ВКП(б) имелись лишь сведения о том, что *«...По материалам, хранящимся в Областном Партийном Архиве, тов. Ермаков Петр Захарович в 1909 г. привлекался за принадлежность к Екатеринбургскому Комитету РС.Д.Р.П.»*^[21].

Однако менее чем через год, П.З. Ермакову каким-то образом удается получить от Отделения Истпарта^[22] Уральского Обкома ВКП(б) справку (волею судеб датированную 17 июля 1931 г.!), в которой удостоверяется, что он *«...подвергался арестам и ссылкам в 1907 г. и с 1909 по 1917 г. в Пермской, Вятской, Николаевских арестантских ротах и Екатеринбургских тюрьмах»*^[23].

И тем не менее П.З. Ермаков никогда не отбывал каторгу, в какое бы то ни было время!

И прямым доказательством этому – Личный листок по учету кадров, заполненный в конце 1940-х гг. по представленным П.З. Ермаковым сведениям, которые значительно разнятся с таковыми, имеющимися в автобиографии, написанной им при вступлении во Всесоюзное Общество Старых Большевиков. А еще один документ, говорящий в пользу этого обстоятельства, – автобиография П.З. Ермакова, датированная 23 апреля 1946 года, в которой он конкретно пишет о том, что: *«Я в ссылке пробыл до конца 1912 г., вернулся в Екатеринбург для регистрации, но жить на определенном месте не разрешили, пришлось жить в разных местах, но партийных связей не терял и так прожил до 1917 г.»*^[24].

Вот такая существенная разница!

Но главным в этих обоих документах является тот факт, что оба они были написаны после того, как П.З. Ермаков в 1946 году был вызван в УНКВД по Свердловской области в связи с «делом М.А. Медведева (Кудрина)»^[25]. После чего, видимо, решил несколько упорядочить свою подлинную биографию в более правильную сторону.

Так, по представленным им сведениям, он с декабря 1912 по май 1913 года работал слесарем и машинистом на частной мельнице в Кунгуре. С мая 1913 по сентябрь 1916 года – слесарем частных мастерских в Сылве, после чего по декабрь 1917 г. – на Аффинажном заводе^[26] в Екатеринбурге.

Не менее интересные биографические сведения о жизни П.З. Ермакова опубликовал уральский краевед Е.М. Бирюков, который в своей статье «Фотограф «Товарищ Маузер»^[27] сообщает нам о том, что по отбытию высылки в Вельске Ермаков в декабре 1912 года возвращается в Екатеринбург. Но поступить вновь на работу в ВИЗ для него становится проблематичным: как лицо неблагонадежное, он числится в черных списках. Однако со временем П.З. Ермакову все же удается найти работу в качестве агента по продаже в рассрочку швейных машин известной Компании «Зингер», которая дает ему возможность посещать многие квартиры, в числе которых были и конспиративные. А еще Петр Ермаков по заданию Екатеринбургского Комитета РСДРП разносил небольшую материальную помощь семьям тех лиц, которые были арестованы по политическим мотивам. И подтверждением этому – воспоминания давнего друга и товарища П.З. Ермакова А.И. Медведева:

«Услышав последние слова Ильи (брата А.М. Медведева. – Ю.Ж.), я вспомнил аккуратного черноглазого человека с чемоданчиком, которого называли «агент компании «Зингер».

Когда Илью сослали в Сибирь, сестра, оставшаяся с двумя ребятами, стала брать шитье на дом. Весь день она стучала на швейной машинке, на которой золотыми буквами было написано «Зингер», а меня мать отправляла посмотреть за двумя пискунами. (...)

И вот именно тогда время от времени в дом стал заходить этот самый черноглазый молодой человек с чемоданчиком. Сестра уважительно называла его Петром Захаровичем. Он каждый раз долго копался в машине, смазывал ее, а потом, усевшись за стол, что-то записывал в потрепанную книжонку. Проводив его, сестра быстро одевалась и убежала в лавочку, откуда всегда возвращалась с покупками. Это казалось удивительным: ведь только-только она ломала голову, где взять денег?

Но однажды я услышал, как Петр Захарович говорил в кухне сестре:

– Возьмите. Сегодня только пять рублей. А поправится дело, донесу еще. Товарищи просили кланяться.

Помню, что я воротился домой обеспокоенный и поспешил поделиться с матерью:

– Мам, а нашей Марье Петр Захарович деньги носит. Сегодня пять рублей дал и сказал, что еще донесет...

Но мать прикрикнула на меня:

– Всюду-то лезешь со своим носом!.. Не вздумай еще кому такое сказать. Померещилось тебе.

– Ничего не померещилось! – вознегодовал я.

– Ну и молчи, сказала тебе! – и перекрестилась на иконы в углу: – Пошли ему, Господи, доброго здоровья.

– Это кому же? – спросил вошедший в кухню отец.

– Петру Захаровичу! – закричал я, обрадованный собственной догадливостью.

– Просто Захарычу, – сердито поправил отец. – Захарыч правильный человек, что и говорить, пожелать ему доброго здоровья не грех. Все они, Ермаковы, правильные люди – и отец и сыны.

Вскоре после этого странный агент компании «Зингер» исчез. Позже я узнал, что он сидит в тюрьме за «политику»^[28].

А далее Е.М. Бирюков уверяет, что: *«Потом Ермаков вдруг открыл на Опалихе (так называли тогда жилой район Верх-Исетского завода) фотографию. Из заказов предпочитал миниатюры – они очень подходили к липовым документам подпольщиков. Но фотозаведение вскоре привлекло внимание жандармов. Дело пришлось свернуть, и Ермаков уезжает в Кунгур, где стал работать в фотографии Д. Долгушева. Сохранился ряд снимков той поры, они сделаны Ермаковым по всем правилам тогдашней светописы»^[29].*

Версия, безусловно, красивая. Фотограф – Яков Юровский, фотограф – Петр Ермаков. Но, к сожалению, несостоятельна, так как наш герой никогда не был владельцем собственной фотографии. Да к тому же и его общий эстетический уровень вряд ли позволил бы снискать успех в таком непростом деле, требующем определенного понимания чувства прекрасного...

Тем более что, заполняя одну из анкет, относящуюся к 40-м годам, П.З. Ермаков прямо указывает, что с декабря 1912 по май 1913 года работал в Кунгуре слесарем и машинистом на частной мельнице, а затем до сентября 1916 г. в частных мастерских Сылвы. Во всех же остальных (более ранних) своих автобиографиях, он указывает на то, что прибыл в Екатеринбург прямо из ссылки, из которой его освободили события Февральской смуты.

Далее уже сам П.З. Ермаков пишет, что с сентября 1916 по октябрь 1917 года работал в Екатеринбурге слесарем на Аффинажном заводе. Однако сведения эти указывает лишь в одной из своих анкет. А это, в свою очередь, наводит на мысль об очередном лукавстве Петра Захаровича. Ибо вряд ли мог работать П.З. Ермаков на Екатеринбургском платино-аффинажном заводе – предприятии строго режимном, куда в условиях военного времени, деятелям «надежности ермаковского типа» был в принципе закрыт доступ для трудоустройства. И к тому же в данном случае его легенда об «отбытии наказания на каторге» имела бы меньший «успех»: ибо с чего бы это он раньше срока мог объявиться в городе? Если сбежал, то, значит, должен быть на нелегальном положении, а не трудоустраиваться, да еще на столь серьезное в режимном плане предприятие, все работники которого проходили при поступлении повсеместную проверку...

Посему, вероятнее всего, П.З. Ермаков не работал на этом заводе, а вернулся в родной Екатеринбург после февральских событий уже с заготовленной для товарищей легендой «политкаторжанина».

И надо сказать, что на эту удочку попался и генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, который, рассуждая о личности П.З. Ермакова и его роли в деле убийства Царской Семьи, писал:

«Амнистия, дарованная Керенским, освобождает П.З. Ермакова от каторги, а дальше он уже самостоятельно покидает место ссылки и возвращается к себе на Верх-Исетский завод. Здесь он вступает в ряды в то время еще тайных агентов будущей советской власти, куда-то часто уезжает, получает откуда-то крупные деньги и усиленно занимается скупкой оружия»^[30].

Летом 1917 г. П.З. Ермаков принимает активное участие в формировании красногвардейских отрядов города Екатеринбурга, к 4-му району которого тогда относился Верх-Исетский завод^[31], а по окончании формирования отряда Красной Гвардии в своем родном поселке избирается его командиром.

Сразу же после Октябрьского переворота П.З. Ермаков становится одним из самых активных большевистских деятелей в поселке Верх-Исетского металлургического завода, так как еще с весны 1917 года состоит членом Районного и Городского комитетов РСДРП(б), а также возглавляет в своем районе Земельный Комитет ВИЗ. (Должность председателя этого комитета предоставила ему и его людям практически безнаказанную возможность расстрелов на месте без суда и следствия всех тех, кто был хоть сколько-нибудь не согласен с проводимой им дележкой земельных угодий.)

В конце декабря 1917 года П.З. Ермаков во главе сводного Екатеринбургского отряда Красной Гвардии направляется на так называемый «Дутовский фронт», где участвует в боевых операциях. Но уже в феврале 1918 года его отряд (именуемым теперь как 1-й Сводный Революционный Отряд) отзывают назад в Екатеринбург, где бросают на новый участок работы, суть которой заключается в проведении карательных экспедиций местного значения.

Весной этого же года П.З. Ермаков во главе своего отряда вновь направляется на «Дутовский фронт», где вступает в командование 2-й Уральской дружиной, сформированной из рабочих-добровольцев 4-го района Резерва Красной Армии.

Участвуя в боях на Челябинском направлении, он получает пулевое ранение в живот и до конца апреля 1918 года находился на лечении в госпитале города Троицка, после чего переводится в один из екатеринбургских стационаров.

В мае 1918 года он назначается Военным комиссаром 4-го района Резерва Красной Армии Екатеринбурга^[32], должность которого позволяла ему проявить себя с должным размахом.

«Ермаков, – писал М.К. Дитерихс, – выявил свою деятельность рядом невероятных зверств над своими же поселковыми и заводскими жителями. Он окружил себя подобными себе убийцами по натуре и стал грозой для всех окрестных жителей Верх-Исетского завода. Худой, с застывшим лицом, мертвыми, висевшими прямыми нитями волосами как бы плохого парика, он был, как говорили несчастные обитатели окрестных хуторов и закуток, «сама смерть»»^[33].

Как Военный комиссар Верх-Исетского завода П.З. Ермаков имел в своем непосредственном подчинении специальный отряд красногвардейцев численностью 19 человек^[34]. А его ближайшим помощником на то время становится бывший балтийский матрос С.П. Ваганов^[35].

Выписавшись из госпиталя в начале июня 1918 года, П.З. Ермаков вступает в командование отрядом, участвующим в подавлении Верх-Исетского восстания, после чего направляется в Невьянск с аналогичной задачей. Некоторых из руководителей этих восстаний расстреливает лично, о чем с гордостью вспоминает по прошествии лет:

«Были пойманы главари Аранс и учитель Пелехов, и ряд других главарей. Последние мной были уничтожены»^[36].

И поэтому нет ничего удивительного в том, что именно этот человек был отобран партийным руководством Урала в команду палачей-добровольцев, изъявивших желание участвовать в расстреле Царской Семьи.

К личности П.З. Ермакова мы еще вернемся не раз, а сейчас, с позволения читателя, автор позволит себе сказать хотя бы несколько слов о еще одном участнике екатеринбургской трагедии – Якове Юровском.

Глава 4

«Надежнейший коммунист» Яков Юровский

В одном из своих многочисленных писем по поводу наведения порядка и организации должной работы в Гохране В.И. Ленин назвал Я.М. Юровского «надежнейшим коммунистом». Как ни странно, но эта ленинская оценка на сей раз полностью соответствовала истине, так как, куда бы ни посылала партия Якова Юровского и на какие бы посты ни выдвигала, он всегда и везде неуклонно выполнял ее волю.

Янкель Хаимович (после принятия лютеранства в 1904 г. – Яков Михайлович) Юровский родился 1 июля (19 июня) 1878 года^[37] в городе Томске в многодетной еврейской семье.

Его отец – Хаим Ицкович был сыном раввина и происходил из мещан Полтавской губернии. Сосланный в середине 1870-х гг. на поселение в Сибирь, он отбыл в ссылку вместе со своей супругой, поселившись вначале по месту назначенного ему предписания – в городе Каинске^[38]. Но в этом городе он долго не задержался и скорее всего не без помощи местной еврейской общины сумел перебраться в губернский Томск, где стал заниматься торговлей железным хламом и стекольными работами, которые приносили ему весьма скромный доход.

«Отец был стекольщиком, – напишет в 1922 г. позднее в своих воспоминаниях уже сам Яков Юровский. – Семья большая. Нужду терпели огромную»^[39], косвенно подтвердив тем самым, что его отец так и не сумел найти свое должное место в коммерческой жизни этого сибирского мегаполиса. А отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что, памятуя о совершенном им ранее грехе, томская еврейская община просто не пожелала пойти навстречу своему новому члену и не приняла должного участия в его дальнейшей судьбе.

Мать – Эстер Моисеевна (рожд. Варшавская), также происходившая родом из Полтавской губернии, родилась в 1848 году и имела специальность швеи.

Строго соблюдая заветы веры отцов «плодиться и размножаться», в семье Юровских поочередно рождается восемь детей^[40], в числе коих Янкель был третьим ребенком.

Летом 1884 года родители определяют шестилетнего Янкеля на учебу в низшее иудейское учебное заведение – хедер, в каковых в конце XIX – начале XX вв. обучались все дети евреев. Занятия в нем проводил меламед (учитель), собирая обучаемых в помещении «каминерской» молитвенной школы «Талмуд-Тора»^[41], перенесенной в 1881 году в специальное помещение, купленное для этой цели томским купцом 2-й гильдии М.М. Каминером, в Подгорном переулке. Главное внимание в ней уделялось изучению Талмуда и Торы. Помимо таковых в этой школе преподавали азы математики, а также обучали ивриту и идишу. Отдав учебе полтора года, Янкель Юровский получает единственное в своей жизни образование: не сумев окончить и 1-го отделения (два класса) этого начального учебного заведения, он отчисляется из него в декабре 1885 года, видимо, за то, что не проявил к учебе должного прилежания. А может быть, педагоги просто не увидели в юном Янкеле задатков будущего раввина, которой в дальнейшем смог бы пойти по стопам своего деда... Однако, как бы там ни было, вся трудовая жизнь Янкеля Юровского начинается именно с этого времени.

Следующим жизненным этапом нашего «героя» стала первая в его жизни трудовая деятельность на Дрожжевом заводе братьев Кореневских, куда он был отдан отцом для работы «мальчиком на побегушках». На этом предприятии он проработал до 1888 года, то есть по достижении 10-летнего возраста, после чего был отдан в обучение портняжному делу в пошивочную мастерскую Рабиновича. (К этому времени семья Юровских переезжает на

новое место жительства – в дом Дондо^[42], расположенный в центральной части города на Миллионной улице).

«В далекой Сибири, в городе Томске в 1886–1887 гг., – писал далее Я.М. Юровский в своих воспоминания, – сидя летом на бревнах во дворе, размышлял о том, что плохо живется на свете. Думал, как бы это добраться к царю и рассказать ему о том, как плохо живется. Но рассказать так, чтобы он думал, что этот голос исходит откуда-то с неба. Мне было 7–8 лет. Мы жили на «Песках», так называлось предместье, которое ежегодно во время половодья затоплялось. Мы занимали в подвальном этаже небольшую квартирку на Миллионной улице в доме Дондо. Хозяин, мясник, жил наверху, а на улице выходило лавочное помещение, где был кабак родственника хозяина»^[43].

Оказавшись среди богатых соплеменников, маленький Янкель довольно быстро начинает остро осознавать социальную несправедливость, в связи с чем как-то спросил свою мать:

«Почему это мы должны жить в таком подвале, который заливают водой, а дети хозяина (Абрама. – Ю.Ж.) и его родственника кабатчика (Моисея. – Ю.Ж.) живут наверху в хороших условиях». Мать отвечала: «Лучше жить бедным, но честным»^[44].

Но ее ответ его нисколько не удовлетворил, и он продолжал одолевать ее новыми вопросами:

«Почему к синагоге богатый еврей имеет право подъезжать на лошади в праздник, тогда как евреям это запрещено...» И на этот вопрос я от матери получал ответ: «Так как он приносит пожертвования, то ему это простительно». Я тогда тоже подумывал: «Великая штука, если бы у меня были деньги: не пожалел бы и с удовольствием дал другим». С тех пор подобные мысли меня не покидали (и я очень желал выхода из тяжелого материального положения»^[45].

Не позднее июля 1889 года Янкель Юровский уже самостоятельно поступает учеником в часовой магазин Пермана. И работая именно в этом магазине, располагавшемся на Почтамтской улице, он 5 июля 1891 года^[46] становится свидетелем проезда через Томск 23-летнего Наследника Цесаревича Николая Александровича – будущего Императора Николая II.

В этих же воспоминаниях Я.М. Юровский писал:

«В 1891 г. Николай совершал мировое путешествие^[47]. Он проезжал по Сибири и ехал в Томск. Все ждали и готовились к встрече наследника престола.

Я тогда учился часовому делу. Видя все приготовления, они меня захватили, хотя особенной тяги видеть наследника как будто не было. Ребята готовились влезать на крыши, чтобы видеть наследника. Я думал, что если увижу, никуда не лагая, то посмотрю, а если не увижу, так что же?

В назначенный день наследник Николай приехал.

Магазин, где я учился часовому делу, был на Почтамтской улице, на самой большой улице города, которая вела к губернскому (губернаторскому. – Ю.Ж.) дому. Таким образом, я имел возможность наблюдать из окон и ворот дома, как проезжает процессия. Помню как сейчас, наследник с маленькими бакенами, красивый. Кругом много крестьян на лошадках, с мешками за плечами. Один крестьянин на худой лошаденке, мчавшийся за хорошими рысаками, на которых ехал наследник, с размаху ударился об угловой магазин Корнакова и расшибся вместе со своей лошадейю. Наследника провожала свита, особенно гарцевал один грузин. Наследника в Томск, то есть последний перегон, вез один содержатель постоянного двора – еврей, который на тройке вороных и примчал наследника в город. Вызывало тогда немало разговоров, что наследник решил ехать на еврейских лошадях и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что наследник пробовал у этого еврея приготовленный еврейский пряник и другие кушанья.

Торжество было огромное. Все придавали огромное значение тому, что в момент проезда наследника погода стояла замечательная, что когда наследник выходил на балкон губернаторского дома, дождик только брызнул и уложил пыль, и день был превосходный. Везет же таким великим людям, как наследник. Таково было мое первое знакомство с царствующим домом и Николаем»^[48].

Проработав в Томске до сентября 1892 года, Янкель Юровский незадолго до закрытия навигации переезжает в Тюмень, где продолжает свою трудовую деятельность в аналогичной должности у разных лиц. Скорее всего вдали от неусыпного взора родителей и местной общины он именно в Тюмени впервые и знакомится с идеями социал-демократов, потому как в конце лета 1893-го или 1894 г. он приезжает в отпуск домой, затевает «диспут о царях» со своим отцом – человеком верующим и нрава крутого.

«Лет 15–16-ти, – продолжает Я.М. Юровский, – однажды в праздничный день, сидя за обедом, в нашей семье поднялся вопрос о царях. Отец был довольно строгий и не терпел возражений со стороны детей. Он восхвалял Николая Первого, что тот, дескать, дубинкой умел учить народ. Я не выдержал и вступил в спор, что ничего хорошего в Николае не было...

Отец не выдержал. Пустил в меня вилкой. Я ушел и целых два дня дома не был.

Вот так вот я познакомился с царствующим домом и с живыми и с покойниками...»^[49]

Получив специальность часовщика, Янкель Юровский в мае 1895 года, то есть с началом открывшейся навигации, возвращается в родной Томск, где в течение двух лет работает подмастерьем по найму у разных лиц. Не заработав желаемых денег, он ударяется в революционную борьбу, выражавшуюся поначалу в выдвижении требования за фактическое проведение в жизнь 12-часового рабочего дня среди часовщиков. Таким образом, Я.М. Юровский именно в Томске (а не в 1905 г. в Екатеринодаре, как он впоследствии указывал в своих многочисленных автобиографиях) впервые вступает на путь революционной борьбы, влившись в ряды такой только что народившейся в России политической организации социал-демократического толка, как Всеобщий Еврейский Рабочий Союз («Бунд»), который с конца XIX в. начинает свое стремительное продвижение в глубь России.

В конце 1898 года несовершеннолетним юношей двадцати лет Янкель Хаимов Юровский предстает перед Томским Окружным Судом и в течение двух лет отбывает наказание за «непредумышленное убийство» в Томском Губернском Тюремном Замке^[50].

Выйдя на свободу в 1900 году, он покидает Томск и едет в Тобольск, где живут родственники жены его старшего брата Пейсаха (Петра), женатого на местной жительнице Гуревич. Пробыв в этом городе некоторое время, он перебирается в Каинск, где в то время живет его младший брат Эле-Мейеру (Илья). Проживая в Каинске, Янкель Юровский знакомится со своей будущей супругой – Маней Янкелевой, в которую он влюбился, что называется, с первого взгляда. Но предмет его страсти – замужня женщина, имеющая к тому же малолетнюю дочь Ребекку. А вдобавок ко всему ее муж – известный в городе коммерсант Канигер отбывал в то время наказание за совершенное им преступление – растрату. Маня ответила взаимностью, но, несмотря на возникшее между молодыми людьми чувство, они не могли взять и вот так сразу начать свою новую семейную жизнь. Ибо их браку, в первую очередь, мешало главное – замужество Мани. К тому же и сама Маня долго не могла решиться на развод из-за своего довольно щекотливого положения: не жены и не вдовы. И тем не менее Янкель Юровский, пренебрегая, что называется, «мнением света», в конечном итоге склонил Маню к сожителству, что, конечно же, не могло не вызвать гнев и возмущение местной еврейской общины, с которой та была связана самыми тесными узами.

Не желая отступить от своей возлюбленной и в то же время не зная, как ему поступить в данном случае, Я.Х. Юровский, как человек, далекий от веры своих предков, решает обратиться за советом к графу Л.Н. Толстому, которого выбирает в качестве своего судьи. В 1901 г. он пишет ему письмо, на которое получит ответ лишь в 1903 году^[51]. Текст письма

Я.Х. Юровского до сих пор не известен. Но из ответа на него графа Л.Н. Толстого можно понять, в чем, собственно, заключалась его суть. Так, в частности, он (будучи к тому времени уже отлученным от Церкви) писал:

«Милостивый государь Яков Михайлович!

Я думаю, что человек, вступивший в плотскую связь с женщиной, не может и не должен оставить ее, тем более когда есть или может быть ребенок. Думаю тоже, что во всех нравственных вопросах человек должен руководствоваться только тем, что он по совести, т. е. перед Богом, должен делать... И поэтому в Вашем деле советую Вам поступить так, как Вы поступили, если бы знали, что завтра должны умереть.

Желаю Вам всего хорошего, самое лучшее, что может быть для человека, – это то, чтобы поступать по-Божьи.

Л. Толстой. 1903 г.»^[52].

Приняв к сведению совет графа Л.Н. Толстого (осветившего проблему Я.Х. Юровского в совершенно новом для него свете христианской морали), он и Маня решают уехать подальше из Каинска. Для этой цели они через Харбин выезжают в строящийся город Дальний (Далянь), расположенный в терминале КВЖД, неподалеку от Порт-Артура. Ибо в Харбине с недавнего времени осел вместе со своей многодетной семьей его старший брат Моисей. Здесь Янкель Юровский впервые пытается наладить собственный бизнес и, по имеющимся сведениям, в 1903 году открывает там свой собственный магазин. Но надвигавшаяся Русско-японская война 1904–1905 гг. нарушает все его планы. Дело пришлось продать, и, покинув Дальний Восток, сделать совершенно неожиданный ход: он и его избранница решают, изменив вере отцов, обратиться в Христианство.

Для этой цели Я.Х. Юровский в начале 1904 года уезжает в Германию, куда через некоторое время приезжает и Маня. Остановившись в Берлине у одного из родственников Юровского, они, к удивлению последнего, принимают христианско-евангелическое вероисповедание, то есть становятся лютеранами. Вследствие совершенного над ним Таинства Крещения Юровский теперь уже совершенно официально изменит свое имя Янкель на Яков, переименовав также и отчество на Михайлов вместо исконного – Хаимов. И теперь уже на совершенно законных основаниях именуется Яковом Михайловичем Юровским. Примеру своего суженого последовала и Маня, изменив также свое исконное имя Маня – на Марию, а отчество Янкелева – на Яковлевну.

После этого им уже ничто не мешает соединиться, и Яков Юровский становится законным супругом Марии, обвенчавшись с ней в одном из евангелистских храмов немецкой столицы^{[53] [54]}.

Повествуя о Я.М. Юровском, многие исследователи ошибочно считают, что во время событий Революции 1905 года Я.М. Юровский ездил в Америку, откуда якобы привез целое состояние, на которое по прибытии в Россию смог открыть собственное дело – часовой магазин. Однако эти досужие домыслы никоим образом не соответствуют реальной действительности. Так как с началом революционных волнений в Северо-Американские Соединенные Штаты отбыл его старший брат Пейсах, в чем можно легко убедиться, ознакомившись с делом Томского Губернского Управления Государственной охраны «О подозрительных лицах Юровском и Ильмере» (август – октябрь 1919 г.).

Возвратившись в Россию весной 1904 года, Юровские выбирают для жительства совершенно новый для них обоим город Екатеринодар (с 1920 г. – Краснодар), где их никто не знает и где Яков некоторое время работает часовщиком, не забывая при этом посещать большевистские митинги и социал-демократические кружки.

Готовясь стать матерью, Маня вместе с Яковом переезжают в Батум, где проживают ее родители и где у них рождается первенец – сын Александр. (Их второй сын – Евгений рождается уже в Томске в 1909 году.)

Не позднее весны 1905 года семья Юровских возвращается в Томск, где в августе этого же года ее глава записывается в члены РСДРП, делу которой остается верен до конца жизни.

В своей автобиографии, датированной сентябрем 1923 года, Я.М. Юровский указывал, что, пребывая в партии в качестве рядового члена, «...выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для паспортов и для организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя. Вел профессиональную и пропагандистскую работу среди ремесленников-рабочих»^[55]. И при этом ни словом не обмолвился о своем личном участии в уличных беспорядках, происходивших в Томске с 20 по 22 октября 1905 года...^[56]

Однако в изданной в 1972 году в Свердловске книге Я.Л. Резника «Чекист» (Повесть о Я.М. Юровском)^[57] прямо указывается на его непосредственное участие в этих беспорядках. Причем не просто участия, а участия самом активном, выразившемся «в стрельбе по черносотенцам», за что он якобы был даже впервые в жизни арестован, но, как водится, в дальнейшем отпущен за недоказанностью...

Но вот что интересно!

Вступив в РСДРП и числившийся в составе ее томской группы, Я.М. Юровский довольно быстро сводит знакомства с такими большевиками, как С.М. Киров (Костриков) и В.В. Куйбышев, ставшими впоследствии видными деятелями партии и правительства СССР. Причем на момент приема Я.М. Юровского в партию С.М. Киров был всего лишь как месяц избран членом Томского Комитета РСДРП. А с В.В. Куйбышевым Я.М. Юровский познакомился не ранее апреля 1907 года, когда последний был выслан под надзор полиции в город Каинск, где проживали его родители. Но, не доехав до места назначения, «застрял» в Томске, где влился в местную партийную организацию, выполняя в ней поначалу скромную роль агитатора.

Общаясь с членами томского подполья, Я.М. Юровский наиболее тесно сходитя с Е.У. Белопашенцевой (в дальнейшем известной советской писательницей-мемуаристкой, более известной под фамилией Е.У. Белопашенцевой-Пиньжаковой) и Н.Г. Сорокиным – одним из организаторов восстания в Камышине в 1906 году, осужденным за это преступление на 20 лет каторги, но сумевшим бежать из-под ареста и жить на нелегальном положении в Томске. В свою очередь, Н.Г. Сорокин познакомил Я.М. Юровского с М.А. Герцманом, проживавшим в Томске на нелегальном положении, который впоследствии даст ему рекомендацию для вступления во Всесоюзное Общество Старых Большевиков^[58].

Доподлинно известно, что по прошествии событий революции 1905 года и последующего за ней периода реакции, длившегося еще несколько лет, то есть к тому времени, когда угроза погромов еврейских магазинов и лавок полностью миновала, Я.М. Юровский открывает свой собственный «Магазин часов и поделочных камней», располагавшийся в доме купца Диомида Шадрина, расположенного на углу Почтамтской улицы и Подгорного переулка. (Думается, что произошло это не позднее 1910 года^[59].) Уже из самого названия этого торгового учреждения ясно, какой, собственно говоря, товар продавал Я.М. Юровский – часы и поделочные (полудрагоценные) камни, поставку которых осуществлял, вероятнее всего, его брат Моисей из города Дальнего, равно запасные части, необходимые для ремонта часов, производившегося в этом же магазине.

Со слов допрошенного в 1919 году родного брата Я.М. Юровского – Лейбы (Леонтия), на описываемый выше период: «Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять»^[60].

Но откуда на него свалилось это богатство, до сих пор неизвестно, равно как неизвестно и то, насколько «нечаянным» было убийство 1898 году. В Томске Яков сначала открывает часовую мастерскую, а затем, видимо, не ранее 1910–1912 года, и упомянутый выше магазин.

В свою очередь, желая внести свой вклад в материальное благополучие семьи, М.Я. Юровская оканчивает Акушерские курсы («Повивальный институт») при Томском родильном доме и начинает заниматься частной акушерской практикой.

В первое время своего пребывания в партии Я.М. Юровский выполняет «технические» (рутинные, по его словам) работы в качестве ее рядового члена. Причем слово в слово повторяет строчки, написанные им в биографии 1923 года: «В качестве рядового члена партии выполнял ...»^[61].

Длительное время Я.М. Юровскому удавалось скрывать свою конспиративную деятельность. Однако с началом зимы 1910 года он начинает привлекать внимание Томского Губернского Жандармского Управления, так как начиная с середины 1911 года он несколько раз выезжал в Нарымский край, расположенный в северной части Томской губернии. Будучи допрошенным, он пояснил, что необходимость этих поездок была связана исключительно с желанием ознакомления с таким новым для него видом коммерции, как торговля осоко-рем^[62], который он в дальнейшем планировал поставлять в районы Поволжья. В свою очередь, это обстоятельство не могло не вызвать интереса у местных жандармов, так как в близлежащем с Чулымским Парабельском уезде находилось село Нарым, куда ссылались на поселение многие видные политические преступники, среди которых в указанный временной период отбывали ссылку Я.М. Свердлов и Ф.И. Голощекин.

Не подлежит сомнению и тот факт, что под видом коммерческих интересов в Нарымском и Чулымском лесничествах Я.М. Юровский всякий раз ездил туда по заданию Томского комитета РСДРП. Осуществляя связь с видными ссыльно-поселенцами села Нарым, он, вероятнее всего, привозил им самое необходимое: деньги, на которые приобретались продукты, а также теплые вещи, столь необходимые для их дальнейшего побега. А отсюда можно сделать лишь один вывод: Я.М. Юровский впервые познакомился с Ф.И. Голощекиным не позднее 1911 года, то есть во время одного из его посещений Нарымского края. И прямое подтверждение сему – шуба, которую Я.М. Юровский ранее привез Ф.И. Голощекину и по которой опознал своего старого знакомца, случайно встретив его на улице в Екатеринбурге, куда тот прибыл в качестве представителя Русского Бюро^[63].

Обо всех передвижениях и связях Я.М. Юровского с большевистским подпольем Томское ГЖУ знало через своего агента «Сидорова», внедренного в Томскую группу РСДРП. Однако ввиду неординарности случая («большевик-коммерсант»), а также с целью выявления его истинной роли в местной большевистской организации решено было его не трогать, что называется, до поры до времени.

Но для того чтобы проследить связь Я.М. Юровского с Ф.И. Голощекиным и Я.М. Свердловым, следует пояснить, что, арестованный в декабре 1909 года на проходившем заседании Московского Комитета РСДРП Ф.И. Голощекин был поначалу помещен в Бутырский Тюремный Замок, откуда по окончании следствия уже в марте 1910 года отправлен по этапу в Нарымскую ссылку сроком на три года. Едва освоившись на новом месте, Ф.И. Голощекин организует Марксистский кружок, за что подвергается новому аресту и помещается теперь уже в Томский Тюремный Замок. Однако в ходе проводимого следствия длинной в несколько месяцев доказать его виновность не удалось, посему «за недостаточностью улик» дело вскоре было закрыто, а «товарищ Филипп» вновь водворен к месту ссылки – село Нарым, откуда ему удалось бежать лишь в сентябре 1911 года.

В свою очередь, будущий Председатель Президиума ВЦИК Я.М. Свердлов, арестованный вместе с Ф.И. Голощекиным, в том же марте 1910 года был выслан в Нарымскую ссылку, откуда ему удалось скрыться уже в июле. Арестованный вновь в Петербурге, Я.М. Свердлов 5 мая 1911 года был вновь сослан в село Нарым, где почти сразу же сумел организовать «Бюро побегов» под руководством ссыльного Бориса Краевского. Как наиболее опасный преступник среди ссыльно-поселенцев, Я.М. Свердлов был переведен в Томский Тюремный

Замок, где продолжил свою активную революционную деятельность посредством выражения протеста Томскому губернатору и Томскому Округному Прокурору по факту нарушения прав заключенных и откуда ему удалось сбежать в декабре этого же года.

Известно также и то, что 4 апреля 1911 года Я.М. Юровский был арестован и ровно месяц провел в томской тюрьме, где в то же самое время находился и Я.М. Свердлов. (Правда, находясь в разных камерах, они не могли общаться.)

Будучи допрошенным 6 и 25 апреля 1911 года, он всячески пытался снять с себя предъявленные ему обвинения по подозрению принадлежности к РСДРП и связанной с этим «противогосударственно-преступной» деятельности, настаивая на том, что лишь желал сменить вид своей коммерческой деятельности, в связи с чем и продал свой часовой бизнес.

Однако не подлежит сомнению, что, попав в поле зрения Охранного отделения, он не случайно решает продать собственное дело, так как не желает дожидаться его реквизиции в судебном порядке. Посему, предвидя возможный арест, он отнюдь не случайно передает накануне своих поездок на хранение своей сестре Перле (Пане) 9 единиц хранящегося у него дома оружия (пистолетов и револьверов), принадлежащего местной социал-демократической организации.

Таким образом, ведя в Томске активную революционную работу на протяжении более шести лет, причем, что называется, «без отрыва от собственного дела», Я.М. Юровский постепенно входит в доверие первых лиц партии как надежный исполнитель, способный выполнить любое порученное ему дело.

Будучи арестованным, Я.М. Юровский помещается в Томский Тюремный Замок, откуда выходит на свободу ровно через месяц. Но таковая длилась недолго, так как уже на следующий день он был приглашен в полицейскую часть, где у него вновь отобрали паспорт и, предъявив предписание Тобольского губернатора В.И. Азанчевского-Азанчеева о высылке за пределы Томской губернии, предложили ему самому выбрать место для дальнейшего жительства.

Получив предписание, запрещавшее ему поселение в 64 административных центрах европейской части России, Сибири и Северного Кавказа^[64], Я.М. Юровский, памятуя полученные им как-то рекомендации Я.М. Свердлова, выбирает Екатеринбург, куда он и был доставлен в сопровождении двух чинов полиции и куда немногим позднее прибыла его семья.

Оказавшись в Екатеринбурге, Я.М. Юровский уже 24 мая 1912 года подает прошение на имя товарища министра внутренних дел И.М. Золотарева, в котором просит отменить предписание о своей высылке и разрешить ему возвратиться в Томск^[65]. Однако все его старания оказались напрасными, так как таковое было оставлено без ответа.

Смирившись с постигшей неудачей, Я.М. Юровский вновь развивает активную деятельность в области частного предпринимательства. И уже в 1913 году по договоренности с известным на Урале фотографом Н.Н. Введенским он открывает в Екатеринбурге «Фотоателье М.Я. Юровской», специализировавшееся на портретных фотографиях^[66]. Располагалось оно на Покровском проспекте в доме № 42 и было зарегистрировано на имя жены Я.М. Юровского – Марии Яковлевны, так как сам он (как лицо, высланное ввиду «вредного направления деятельности») не имел права заниматься каким-либо видом коммерческой деятельности.

А сделать это ему это удалось благодаря знакомству с екатеринбургским ювелиром Б.И. Нехидом, вместе с которым он когда-то обучался часовому делу в магазине Пермана и который, по некоторым сведениям, был обязан Я.М. Юровскому жизнью^[67].

Далее в биографии Я.М. Юровского присутствуют так называемые «белые пятна», так как именно в этот период своей жизни он практически отходит от революционной дея-

тельности, занимаясь исключительно коммерцией. А в качестве оправдания сему факту он впоследствии напишет в автобиографии, что: *«В Екатеринбурге до Февральской революции связи с организацией не имел, так как в силу своей работы находился на виду у жандармерии и полиции, куда меня очень часто таскали»*, а также то, что: *«В Екатеринбурге жандармерия ко мне все время придиралась, требовала сфотографировать заключенных и т. д.»*^[68].

В 1915 году Я.М. Юровский во избежание своего принудительного переселения в Чердынский уезд Пермской губернии требует призвать его на военную службу. И это, несмотря на то, что в свое время он был начисто забракован военно-врачебной комиссией в связи с имевшимися у него хроническими заболеваниями: туберкулезом легких, ревматизмом и язвой двенадцатиперстной кишки. Непосредственную помощь в этом деле ему оказал один из членов означенной комиссии – ординатор Екатеринбургского Военного Лазарета К.С. Архипов, дружба с которым будет связывать Я.М. Юровского и после захвата власти большевиками. По его совету Я.М. Юровский записывается в местное Государственное Ополчение, откуда, как пояснил его новый знакомец, ему с его «букетом болезней» не составит труда перевестись в Фельдшерскую Школу, убив тем самым, как говорится, двух зайцев: избежать отправки на фронт и остаться в Екатеринбурге.

Начав таковую в дислоцирующейся в Екатеринбурге 698-й Пешей дружине 56-й бригады 3-го корпуса Государственного Ополчения^[69], Я.М. Юровский по совету К.С. Архипова поступает в Фельдшерскую Школу, по окончании которой он по его же протекции распределяется на должность Фельдшера Хирургического отделения Екатеринбургского лазарета. Причем того самого отделения, которым заведовал доктор К.С. Архипов.

С первых дней Февральской смуты Я.М. Юровский активизирует свои пораженческие настроения. Со свойственной ему энергией он активно включается в революционную борьбу, полностью отдавая себя пропагандистской и организационной работе, в которой зачастую использует самые гнусные и подлые приемы, как, например, кормление больных гнилым мясом с целью вызвать недовольство последних в адрес персонала лазарета.

Из протокола допроса А.И. Белоградского от 22 июля 1919 года:

«Я знал врача Кенсорина Сергеевича Архипова. Он работал в 1916 г. в качестве ординатора в Екатеринбургском местном военном лазарете. Он работал в хирургическом отделении. Я про него могу сказать следующее. Он, как мне известно, не имеет диплома об окончании высшего медицинского учреждения и получил звание врача по Монаршей милости в войну, как лицо, прослушавшее 10 семестров. Он умел и мог работать. Но на нас врачей (я в этом лазарете был старшим врачом, когда там работал Архипов) он производил странное впечатление. Это был резкий, дикий человек. Говорит-говорит и обязательно спорит какую-нибудь дичь. Это был неуравновешенный человек, резкий неврастеник. Он ушел от нас в 1916 г., но куда, я не знаю^[70]. По моему мнению, когда началась революция, его не было в Екатеринбурге. Он был где-то на стороне, но где именно, не знаю.

Юровского я тоже знал. Это крещеный еврей, ротный фельдшер. Он был в близких отношениях с Архиповым. Оба они были в одном отделении. Что их сводило, я не знаю. Но близость их была заметна всем. В то время у нас была субординация. Ротный фельдшер был в повиновении у врача. У них же отношения были особые: близкие. Тогда Архипов как-то заболел воспалением легких. Говорили, что около него неотступно находился Юровский. Я сам тогда как-то навестил Архипова и видел там у него Юровского. Политического облика Архипова и Юровского я не знаю: я был для них человеком определенным – монархист, и они при мне держались замкнуто.

Когда произошла революция, Юровский сразу всплыл на поверхность. Он был избран командой лазарета в совет рабочих депутатов. Первым делом он стал мутить у нас в лазарете: гнилым мясом кормил больных. Ничего из этого у него не вышло. Тогда он взял у нас двухмесячный отпуск и куда-то пропал. Я уехал после этого на Кавказ и вернулся к осени.

Произошел большевистский переворот: Юровский попал в заправилы у екатеринбургских большевиков. Что он у них делал, я не знаю, но он втирался везде, как было слышно, и, в конце концов, попал в коменданты дома Ипатьева»^[71].

Не менее интересное дополнение к характеристике Я.М. Юровского дает и В.П. Аничков:

«Юровского, впоследствии сыгравшего главную роль безжалостного палача Государя и его семьи, я немного знал еще до революции. Он имел небольшую моментальную фотографию, и раза три моя семья снималась у Юровского.

В первый же день, как только образовался Комитет общественной безопасности, ко мне подошел Юровский и вручил пятьсот рублей вместе с подписным листом.

– Эти деньги я собрал среди местного еврейства для нужд Исполнительной комиссии. Прошу принять и выдать квитанцию.

Второй раз он обратился ко мне с просьбой выдать ему как уполномоченному Советом рабочих и солдатских депутатов мандат на занятие под совдеп дома Поклевского-Козелла.

Мне очень не хотелось давать ему это разрешение: Поклевский-Козелл состоял членом совета нашего банка, и я был с ним в дружеских отношениях. Поэтому я предложил Юровскому остановить свой выбор на каком-нибудь другом особняке.

Но он, придя на другой день, настаивал на выдаче мандата именно на этот дом.

– Да чем он так вам понравился?

– Не мне, а совдепу. Мы постановили занять его во что бы то ни стало, потому что Поклевский-Козелл всегда предоставлял его в полное распоряжение всех губернаторов и высоких чиновников, приезжавших в Екатеринбург. Пусть же теперь окажет гостеприимство и нашему совдепу.

Пришлось выдать мандат на занятие верхнего, парадного этажа»^[72].

В марте 1917 года состоялось первое заседание Совета солдатских депутатов, на котором были избраны полномочные представители полков Екатеринбургского гарнизона. Единогласным решением всех собравшихся представителем от Воинской команды Екатеринбургского лазарета был избран Я.М. Юровский. А после того как 23 марта 1917 года бывшие военнотружачие воссоединились с местными пролетариями, Я.М. Юровский поднимается на новую ступень власти и становится депутатом Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором он занимается организационной работой, направленной на налаживание работы этого нового органа власти.

После захвата власти большевиками в Екатеринбурге в октябре 1917 года Я.М. Юровский становится одной из самых видных фигур, совмещая сразу несколько ответственных постов в новых структурах партийных и советских органов Урала.

Вот далеко неполный перечень некоторых его должностей и назначений (не считая участия в работе различных отделов и комиссий), занимаемых им с 1917 по 1918 гг.:

– член Военного отдела Екатеринбургского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

– Председатель Следственной комиссии Уральского Областного Революционного Трибунала;

– Товарищ Уральского Областного Комиссара Юстиции;

– Заместитель заведующего охраной города Екатеринбурга и др.

Наряду с этим Я.М. Юровский занимал еще и ряд выборных должностей, являясь членом Екатеринбургского Городского и Уральского Областного Исполнительного Комитета РКП(б), а также членом Бюро Екатеринбургского Комитета РКП(б).

Но в дополнение к занимаемым должностям Я.М. Юровский получает еще одну, к которой приступает 4 июля 1918 года. С этого дня он вступает в должность Коменданта Дома Особого назначения (ДОН), которая менее чем через две недели принесет ему «славу

главного цареубийцы», главенство в которой он будет вынужден отстаивать до конца своих дней...

Глава 5

Лавры для цареубийц

Перебравшись в августе 1920 года на постоянное жительство в Москву, Я.М. Юровский часто посещал вместе со своим бывшим помощником Г.П. Никулиным^[73] квартиру еще одного участника расстрела Царской Семьи – М.А. Медведева (Кудрина). А иногда к ним на огонек забегал и еще один их общий товарищ – бывший сотрудник УОЧК И.И. Родзинский^[74], работавший в то время в системе мясозаготовок.

Особой же честью для присутствующих в доме семьи Медведевых лиц были дни, когда в их обществе бывал сам «Товарищ Филипп» (Ф.И. Голощекин)^[75] – бывший Секретарь Уральского Обкома РКП(б) и Военный Комиссар Уральского Военного Округа, ставший впоследствии членом ЦК ВКП(б).

Собираясь за столом хлебосольного хозяина, гости вели неторопливые разговоры, каждый из которых рано или поздно переходил в воспоминания о далеких июльских днях лета 1918 года.

Вспоминает М.М. Медведев^[76]: *«Они часто встречались у нас на квартире. Все бывшие цареубийцы, переехавшие теперь в Москву»*^[77].

Несмотря на разность в возрасте и занимаемое ими общественное положение, всех перечисленных выше лиц с какой-то необъяснимой силой продолжало тянуть друг к другу, заставляя их память вновь и вновь возвращаться к событиям той ночи.

Тогда, в 1927 году, они и не могли подозревать о том, как сложатся в дальнейшем их судьбы.

Считая расстрел Царской Семьи главным событием своей жизни, бывшие палачи вели изнурительно-бесконечные разговоры на эту тему, всякий раз уточняя какие-либо детали.

Повязанные кровью оболганной и преданной Августейшей Семьи, они никогда не пытались осознать содеянного и вряд ли задумывались над тем, что совершенный ими грех цареубийства есть самый страшный из всех грехов, во веки веков не подлежащий искуплению в памяти Русского Народа...

13 марта 1927 года Я.М. Юровский и Г.П. Никулин пришли в Музей Революции СССР, где в присутствии его директора С.И. Мицкевича бывший комендант ДОН передал в дар музею два принадлежащих ему пистолета, из которых он якобы лично производил расстрел Царской Семьи. Вместе с «историческим» оружием Я.М. Юровский также передал музею и экземпляр американской газеты «A Paper for People Who Think», в которой имелись фото «б. царской семьи и т. Юровского», а также один из документов своего бывшего помощника, относящегося к екатеринбургскому периоду его деятельности^[78].

К сданному в музей оружию Я.М. Юровский приложил пояснительную записку, текст которой приводится ниже с сохранением орфографии подлинника:

*«В Музей революции
Директору музея товарищу Мицкевичу*

Имея в виду приближающуюся 10-ю годовщину Октябрьской революции и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудие казни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков верной им до гроба челяди), считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера: один системы кольт номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы маузер за номером 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук. Причиной того,

почему два револьвера, следующие – из кольта мною был наповал убит Николай, остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймы колта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которого мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми).

Бывший комендант дома особого назначения в городе Екатеринбурге, где сидел бывший царь Николай II с семьей в 1918 г. (до расстрела его в том же году 16.07), Яков Михайлович Юровский и помощник коменданта Григорий Петрович Никулин свидетельствует вышеизложенное.

Я.М. Юровский, член партии с 1905 г. Номер партбилета 1500, Краснопресненская Организация.

Г.П. Никулин, член ВКП (б) с 1917 г., номер 128185, Краснопресненская организация»^[79].

Приняв от Я.М. Юровского упомянутое оружие и документы, С.И. Мицкевич выдал ему взамен расписку нижеследующего содержания:

«Музей Революции С.С.С.Р.
Москва, Тверская, 59 _ _ _ _ _

Расписка

Музеем Революции СССР получено от т. Юровского:

1/ 2 револьвера: один системы Колт № 71905 с обоймой и семью патронами, второй системы Маузер № 167177 в деревянном чехле с обоймой и 10 патронами.

2/ Удостоверение на имя Никулина, выданное Уральским областным Советом.

3/ Газета «A Paper for People Who Think» от 6 ноября 1921 г. со снимками б. царской семьи и т. Юровского.

4/ Автобиография т. Никулина.

5/ Фотокарточка т. Никулина.

13 марта 1927 г.

Директор Музея революции СССР
С. Мицкевич»^[80].

Сдавая в музей «историческое оружие», Я.М. Юровский, конечно же, в первую очередь рассчитывал на то, что в преддверии 10-летней годовщины Октябрьского переворота оное непременно будет выставлено на всенародное обозрение в одном из музейных залов. А значит, и его имя как организатора казни и главного цареубийцы будет навечно вписано в анналы истории борьбы за власть Советов. Но этого не случилось. И, вероятнее всего, по целому ряду причин, о которых будет рассказано немногим ниже.

Сейчас же самое время рассказать немного поподробнее о том, какое именно «историческое оружие» сдал Я.М. Юровский в Музей Революции СССР. А для того чтобы не вызвать

ненужных кривотолков, в первую очередь следует пояснить тот факт, что по укоренившейся привычке того времени словом «револьвер» (которые были изобретены значительно раньше автоматических пистолетов) могли называть не только таковые, но и автоматические пистолеты.

Пояснения требует и тот факт, что сданный Я.М. Юровским пистолет Маузера К-96/12 был, судя по воспоминаниям Г.П. Никулина, моделью этого пистолета с коротким стволом^[81].

Так, во время беседы М.М. Медведева с Г.П. Никулиным^[82] последний вспоминал: *«Ну, надо Вам сказать, что когда мы еще вели беседу в Музее революции, это было в 1927 г., куда мы сдали оружие – пистолеты. Он – свой, я – свой. Мой – кольт, а его был маузер, короткий»*^[83].

Здесь также следует оговориться о том, что, записывая свои воспоминания на пленку в 1964 году, Г.П. Никулин явно заблуждался в отношении передачи музею лично им пистолета Кольта М1911, зав. № 71905. Этот пистолет, так же, как и пистолет Маузера К-96/12, Зав. № 167177, принадлежал Я.М. Юровскому. Свой же пистолет Кольта, со слов М.М. Медведева, он сдал в Музей Революции СССР несколько позднее, в начале 1930-х гг.

Пистолет Кольта, сданный в музей Я.М. Юровским, судя по его заводскому номеру, – это Модель 1911 г. (М1911), изготовленная в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ) специально для России.

С левой стороны кожуха затвора этих пистолетов имеется следующая надпись:

PATENTED APR. 20. 1897; SEPT. 9. 1902; COLT'S PT. F.A. MFG. CO.
DEC. 10. 1905; FEB. 14. 1911; AUG. 19. 1913. HARTFORD CT. U. S. A.

С этой же стороны рамок этих пистолетов (ближе к их спусковой скобе) имеется надпись на русском языке, выполненная более мелким шрифтом:

англ. заказ

С правой стороны кожуха затвора этих пистолетов имеется следующая надпись:

COLT AUTOMATIC, CALIBRE 45. GOVERNMENT MODEL.

С правой стороны рамок этих пистолетов (ближе к спусковой скобе) располагается заводской номер, имеющий в нашем случае перед цифровым рядом индекс «С», указывающий на коммерческий выпуск данного вида оружия.

Коммерческие партии этого оружия поставлялись правительством САСШ для Русской императорской армии во время Первой мировой войны.

В январе 1916 года по просьбе Военного Министерства Российской империи правительство Великобритании разместило на фирме «Кольт» свой заказ на изготовление 100 тыс. пистолетов этой системы. Согласно американским источникам, в период с 19 февраля 1916 по 18 января 1917 года фирмой «Colt» («Кольт») было поставлено в Россию 47 тыс. таких пистолетов, имеющих порядковые номера с 2300 по 80 000^[84].

Скорее всего одна из партий этих пистолетов, так и не успев дойти до Действующей Армии, «осела» на военных складах Екатеринбургского гарнизона и в дальнейшем была «реализована» уже при Советской власти меж «своими людьми». И подтверждением сему – слова того же М.М. Медведева, рассказавшего автору, что этими пистолетами были вооружены все Члены Коллегии, а также некоторые сотрудники УОЧК (в том числе и Я.М. Юровский), работавшие в Екатеринбурге в 1918 году.

Кстати сказать, один из подобных пистолетов и сейчас представлен в экспозиции «Музея Памяти Романовых» в экспозиции Свердловского областного историко-краеведческого музея^[85].

До 9 июня 1935 года сданные Я.М. Юровским пистолеты находились в фондах музея, а затем были изъяты органами НКВД СССР^[86].

Так что, как это ни прискорбно, но именно с этого дня это оружие стало числиться как изъятое сотрудниками правоохранительных органов, преемники которых даже по прошествии более чем семи десятилетий до сих пор не могут дать по этому поводу, хоть скольконибудь вразумительных объяснений! (Наверное, точно такая же участь постигла и пистолет Г.П. Никулина, который также никогда не выставлялся в экспозиции...) Причина же, побудившая компетентные органы изъять из музея и это оружие, доподлинно неизвестна, а надежда на установление истины видится автору более чем сомнительной даже в настоящее время.

Однако в связи с этим имевшим место фактом все же можно сделать два предположения.

Первый из них – пристрастие некоторых представителей партийно-советской элиты к каким бы то ни было «сувенирам» отечественной истории, в силу чего автор не исключает возможности того, что суть необъяснимо-таинственной причины их изъятия как раз и заключается в ее банально-корыстолюбивой подоплеке.

А второй – еще более тривиальный: арест единственной дочери Я.М. Юровского – одной из главных организаторов прообраза будущего комсомола, – Социалистических Союзов рабочей молодежи Урала, репрессированной в марте 1938 года^[87].

Однако как бы там ни было, но отсутствие этих исторических памятников в собрании бывшего Центрального Музея Революции СССР является невосполнимой утратой не только для музейных работников, но и для ученых-исследователей, специализирующихся в области судебно-баллистических и историко-криминалистических экспертиз.

Занимаясь детальным изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи многие годы, автор пришел к выводу о том, что так называемая пояснительная записка (текст которой приведен выше) была написана Я.М. Юровским с сознательным искажением некоторых фактов, имевших место в реальной действительности.

Так, например, упомянутый в ней пистолет Кольта М 1911 на деле вряд ли является «орудием казни» (даже несмотря на свою историческую принадлежность к ДОН и личности его бывшего коменданта), так как целый ряд обстоятельств говорит против этого факта. Нелишним также будет и пояснение автора о том, что бриллианты и прочие драгоценности (зашитые в корсетах Государыни и Ее дочерей) не могли сыграть какой-либо существенной роли в защите тел их владельцев. Так как, несмотря на природную твердость таковых, все они были размещены в мягкой тканевой основе (не представляющей собой жесткой конструкции), а посему и не являлись серьезной помехой пулям оружия, используемого при убийстве Царской Семьи. Более того, автор практически не сомневается в том, что, подчеркивая особо наличие «*бриллиантовых панцирей*», Я.М. Юровский как бы чувствовал в них свою «собственную защиту», позволявшую прикрывать допущенные им огрехи, в конечном итоге сказавшиеся на неорганизованности проведения всей акции в целом, а также «*неизбежной нервности*» действующей под его началом команды.

Не желая повторять уже сказанное, попробуем все же обратить внимание читателя на одну небезынтересную особенность этой пояснительной записки.

Вчитываясь в ее строки, становится не совсем понятно, для чего, собственно, Я.М. Юровскому – человеку, наделенному особым доверием партии (поручавшей ему в 1918–1919 гг. самые ответственные поручения^[88]), понадобилась подпись Г.П. Никулина на этом историческом документе?

А дело в том, что Г.П. Никулин был выбран Я.М. Юровским не случайно. Ибо еще в Екатеринбурге, в далеком 1918 году, он почти сразу же заметил молодого сотрудника УОЧК, который резко выделялся среди своих товарищей тем, что не употреблял спиртное в

принципе^[89]. Завязавшаяся на Урале дружба с годами только крепла и со временем переросла фактически в родственные отношения. Поэтому куда бы ни бросала судьба Я.М. Юровского в годы Гражданской войны и после, он повсюду старался «тащить» за собой «сынка» (так он называл Г.П. Никулина с первых дней их знакомства). И даже умирая от сердечной недостаточности и прободной язвы летом 1938 года, Я.М. Юровский делает Г.П. Никулина своим душеприказчиком и завещает своим детям слушать его, как родного отца.

Учитывая эти обстоятельства, нетрудно понять, что Г.П. Никулин просто не мог бы отказать Я.М. Юровскому в его просьбе: подписать этот столь важный для него документ.

И именно на этом, на взгляд автора, и был построен весь тонкий расчет Я.М. Юровского, который, с одной стороны, лично от себя передавал в Музей Революции СССР эти «вещественные доказательства». А с другой (используя подпись и имя своего бывшего помощника) – как бы навечно закреплял за собой «титул» теперь уже официально признанного цареубийцы, ограждая себя на будущее от любых посягательств со стороны, каких бы то ни было других претендентов на эту роль. Ибо бывший Комендант ДОН отлично знал, что в силу сложившихся обстоятельств там, в подвальном помещении дома Ипатьева, этот первый «исторический» выстрел принадлежал не ему, а члену Коллегии УОЧК Михаилу Александровичу Медведеву (Кудрину), который попросту опередил его на какие-то секунды...

И поэтому до самых последних дней не смог простить ему этого Яков Михайлович Юровский, построив в дальнейшем свою личную месть на том, что практически никогда не упоминал имя бывшего соратника в собственных мемуарах. (Ведь передавая в Музей Революции СССР принадлежавший ему пистолет Кольта, Я.М. Юровский, конечно же, не мог не помнить о том, что оружие данной системы во время расстрела находилось не в его руках, а в руках чекиста М.А. Медведева (Кудрина)!)

Явная ложь Я.М. Юровского в деле присвоения себе «лавров» главного цареубийцы видится автору еще и в том, что, имея в своем личном пользовании книгу П. Жильера «Тринадцать лет при Русском Дворе (Петергоф 1905 г. – Екатеринбург 1918 г.). Трагическая судьба Николая II и Царской семьи», он был также хорошо знаком с книгой Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи»^[90], подробные выписки из которой он хранил у себя до конца своих дней.

Располагая этим материалом, Я.М. Юровский не мог не знать о том, что в числе прочих вещественных доказательств (обнаруженных и изъятых членом Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеевым в комнате, где было совершено убийство Царской Семьи) была одна-единственная пуля, идентифицируемая специалистами как пуля кал. 11,43 мм к пистолету системы Кольта. Поэтому автор вправе предположить, что данное обстоятельство могло быть использовано Я.М. Юровским, не без некоторой выгоды для себя.

А если наши рассуждения верны, то в этом случае серьезный «прокол» Я.М. Юровского состоял в том, что он указал слишком большое количество выстрелов, произведенных из его Кольта по несчастным жертвам. Ибо в таком случае количество обнаруженных в комнате пуль данного калибра, равно как и их следов, без сомнения превысило бы ее единственный экземпляр, которым располагало следствие в 1918 г.

В то же время М.А. Медведев (Кудрин) никогда не отрицал того факта, что сделал из своего аналогичного оружия всего один выстрел, достреливая одну из жертв – Великую Княжну Татьяну Николаевну. (По мнению автора, именно эта пуля была изъята следствием в 1918 году!)

Однако не следует забывать о том, что кроме М.А. Медведева (Кудрина) у Я.М. Юровского был куда более «серьезный конкурент» – П.З. Ермаков. Оставшись проживать на Урале, он также стал претендовать на роль главного организатора и исполнителя расстрела Романовых, и не менее главного уничтожителя (сжигателя) трупов.

И если М.А. Медведев (Кудрин), в силу целого ряда причин, предпочитал особо не распространяться о своем участии в этом деле^[91], то П.З. Ермаков, наоборот, кричал об этом чуть ли не на каждом углу. И, как мы уже знаем, последовав его примеру, также сдает свое оружие в Уральский Областной «Музей Революции».

Желая закрепить свою «историческую миссию», так сказать, окончательно и бесповоротно, Я.М. Юровский обращается к Ф.И. Голощекину (в то время члену ЦК ВКП /б/) с предложением об издании сборника воспоминаний участников расстрела Царской Семьи, выпуск которого планировался им к 10-летию этого события.

Вспоминает М.М. Медведев:

«В том же 1927 г. Юровский подал в ЦК ВКП(б) идею создать к 10-летию расстрела Романовых сборник документов и воспоминаний участников расстрела. (Он предполагал включить в этот сборник воспоминания нужных ему участников, то есть Г.П. Никулина, А.А. Стрекотина и др., то есть всех тех, кто смог бы подтвердить его «историческую миссию» – тот самый выстрел в царя. – Авт.) Но через члена Коллегии ОГПУ – Ф. Голощекина^[92] был передан устный приказ Сталина: «Ничего не печатать и, вообще, помалкивать!»^[93].

И в этом не было особого секрета, так как к тому времени И.В. Сталин уже начал открытую борьбу со своими политическими противниками – троцкистами. А в этом случае хотели бы авторы таковых или же нет, но обойтись без упоминаний видящего себя главным обвинителем на планируемом суде над Николаем II Л.Д. Троцкого, а также без одного из главных организаторов убийства Царской Семьи А.Г. Белобородова было просто невозможно. Равно как невозможно было бы не упомянуть и таких фигурантов этого дела, как Г.И. Сафаров, Б.В. Дидковский, С.В. Мрачковский, В.М. Горин, а также многих прочих лиц из числа «раскаившихся» и «затаившихся» троцкистов. А отсюда и запрет вождя на публикацию таковых.

Так что после приведенных выше слов М.М. Медведева, думаю, излишне напоминать читателю еще раз о том, чем могло бы закончиться в то время дальнейшее послушание воле вождя со стороны любого из перечисленных лиц. Посему написанные к тому времени В.Н. Нетребинным, А.А. Стрекотиным и Г.И. Сухоруковым воспоминания на эту тему было предложено сдать в Уральский Истпарт, где таковые и находились на особом хранении вплоть до недавнего времени.

Глава 6 «Товарищ Маузер» (1918–1935)

Надо сказать, что в роль «главного цареубийцы» П.З. Ермаков с годами вошел настолько, что даже люди из его ближайшего окружения свято уверовали в этот «факт».

Так, один из его сотоварищей – А.И. Медведев, состоящий в 1918 г. бойцом Особого (карательного) Красногвардейского отряда ВИЗ, подчинявшегося непосредственно П.З. Ермакову, впоследствии писал:

«Учитывая сложившуюся обстановку, Уральский областной Совет постановил: во избежание кровавых авантур, на которые могут пойти монархисты, используя фамилию Романовых как знамя контрреволюции, и в наказание за все преступления против народа – расстрелять бывшего царя Николая II и членов его семьи.

И на рассвете 18 июля 1918 г. не в императорскую спальню Петропавловского собора, а в заброшенную шахту «Ганиной ямы», за урочище Пороosenков лог, под конвоем группы конников из отряда П.З. Ермакова были свезены бранные останки династии Романовых»^[94].

На самом же деле врали оба. Так как лично сам П.З. Ермаков был назначен Президиумом Исполкома Уральского Облсовета ответственным за тайное захоронение трупов Царской Семьи и Ее верных слуг. И это важное дело он, кстати сказать, полностью провалил! (Равно как и провалил его чекист М.А. Медведев («Кудрин»), который должен был контролировать последнего!) А его люди принимали участие лишь в первичном «захоронении» останков, так сказать, на его начальном этапе, когда тела Венценосных Мучеников сбросили в шахту № 7, расположенную в урочище «Четыре Брата»^[95].

А еще А.И. Медведев даже годы спустя, покрывал своего бывшего командира. Так как на деле, собрав накануне убийства Царской Семьи своих бойцов, П.З. Ермаков объявил, что лично им как наиболее преданным бойцам дела революции предстоит выполнение почетной миссии: покончить с династией Романовых! А еще он, видимо, намекнул своим бойцам, что непосредственно перед самым убийством они смогут поразвлечься...

После того как Екатеринбург был оставлен большинством красных частей, П.З. Ермаков долго не возвращался в родной город.

25 июля 1918 года он вместе со своим отрядом и некоторыми работниками Уральского Обкома РКП(б), Исполкома Уральского Облсовета и Верх-Исетского Ревкома отступал из города на блиндированном поезде по Горнозаводской ветке в сторону Кунгура. Однако вырваться с боем из города на восток им удалось через станцию «Шарташ», и только около четырех часов дня.

Кружным путем – через станции «Богданович», «Алапаевск», «Кушва», «Чусовой» – отряд добрался до Перми, откуда двинулись обратно в сторону Екатеринбурга. 1 августа ермаковцы объединились с Коммунистическим батальоном Уральского Обкома РКП(б), который накануне понес серьезные потери в личном составе. (В этот же день пополненный батальон вошел в состав 1-й бригады Западной дивизии.) В этом батальоне Верх-Исетский отряд образовал роту, командиром которой стал П.З. Ермаков.

25 августа часть этого батальона в составе 1-й и 3-й роты, полуэскадрона и пулеметной команды под командованием П.З. Ермакова была брошена со станции «Шалья» на Сылвенские высоты.

И здесь автор позволит себе привести еще одну выдержку из книги А.И. Медведева, в которой он описывает бой этого подразделения с чешскими легионерами:

«Но едва только смолкли наши выстрелы, как пехота противника снова – теперь уже редкими цепями – с винтовками наперевес, пошла в атаку. На этот раз ее подпустили поближе, метров на двести. И снова враг не выдержал. Ермаков выхватил маузер:

– Коммунары, за мной!

Через час-полтора наш отряд полностью очистил высоты от чехов»^[96].

Прочитав вышесказанное, следует обратить внимание на то, что А.И. Медведев упоминает о пистолете Маузера в руках П.З. Ермакова, как об имевшем место факте, свидетелем которого он якобы был сам. Однако автор данной работы просто уверен в том, что на описываемый в книге момент П.З. Ермаков не мог располагать пистолетом этой системы в качестве личного оружия, а был вооружен револьвером Нагана обр. 1895 г. (Более подробно об этом будет рассказано немногим ниже.) А свидетельство А.И. Медведева есть не что иное, как результат действия многочисленных рассказов П.З. Ермакова «о себе любимом» и своем «легендарном маузере», которые со временем подействовали на подсознание не только слушавших его людей, но и на бывших товарищей.

После боев в районе Сылвы приказом по войскам 3-й Армии Восточного фронта Коммунистическому батальону Уральского Обкома РКП(б) согласно постановлению заседания Пленума Уральского Обкома РКП(б) было присвоено наименование «Коммунистический Батальон имени Ивана Михайловича Малышева»^[97]. А на должность командира этого батальона был назначен П.З. Ермаков. Но долго находиться в этой должности ему не пришлось, так как буквально через несколько дней его ранило. Но, по свидетельству очевидцев, он не покинул поле боя и продолжал командовать батальоном, лежа на носилках.

Когда П.З. Ермаков находился на лечении в госпитале, Коммунистический Батальон имени И.М. Малышева был передислоцирован в Кунгур, где после небольшого отдыха и пополнения его Рабочим отрядом пермских железнодорожников и Боевой дружиной Кунгурского уездного Комитета РКП (б) он получил наименование «Рабочего Стрелкового имени И.М. Малышева Полка». А первым командиром этого подразделения стал Н.Е. Таланкин.

Но это обстоятельство нисколько не помешало П.З. Ермакову по прошествии лет писать в анкетах, что с августа 1918 по июнь 1919 г. он проходил службу в должности «Командира полка Малышева»...

Выписавшись из госпиталя, П.З. Ермаков был зачислен на должность Комиссара Карульного батальона 3-й Армии Восточного фронта. То есть, выражаясь современным языком, – Комендантского батальона, главной задачей которого является охрана штаба и административно-хозяйственных управлений этого оперативно-стратегического объединения. Но долго комиссарить П.З. Ермакову не пришлось, так как с прекращением военных действий на территории Урала и Сибири к весне 1920 года Приказом РВСР от 6 января 1920 года Восточный фронт был расформирован с 15 января...

П.З. Ермаков выходит в запас и до начала июня 1920 года состоит в резерве Екатеринбургского Губвоенкомата.

Но уже на следующий месяц он отправляется добровольцем на Западный фронт, где получает должность Военного Комиссара 23-й Стрелковой бригады 8-й дивизии. (Это соединение входило в состав Ударной группы 16-й Армии, ведущей бои за «освобождение польского пролетариата» на Минском и далее на Варшавском направлениях.)

В июле 1920 года в боях на Березине П.З. Ермаков он был снова ранен и после своего излечения получает назначение на аналогичную должность в 1-й Стрелковый запасной полк 16-й Армии^[98].

Надо сказать, что как командир, так и комиссар был из П.З. Ермакова, прямо говоря, неважный. Сказывалось отсутствие образования, эрудиции и просто элементарной культуры человеческого общения. Но какую бы должность он ни занимал, для него всегда служил хорошим прикрытием его дореволюционный партийный стаж, а также знакомства с «силь-

ными мира сего», которыми он в случае чего мог козырнуть! Это, собственно говоря, всегда и спасало его при переводе с места на место. А если еще учесть, что по своей натуре он был человеком грубым и к тому же сильно злоупотреблявшим спиртным, то, как говорится, комментарии излишни!

Но в то время такое положение вещей не являлось большой помехой, ибо большинство старых партийцев были подвержены этой пагубной страсти, которую относили к «тяжелому наследию царского режима»... И, как это ни странно, именно благодаря этим качествам П.З. Ермаков пользовался «заслуженным авторитетом» у бойцов и командиров новой формации. А его революционные заслуги только лишь повышали его в их глазах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, покидая это место службы, П.З. Ермаков получает на прощание от своих сослуживцев рукописный адрес, датированный 26 декабря 1920 года, в котором они, принося слова благодарности, выражают уверенность в том, что «...Вы сумеете принести еще много пользы Советской Республике благодаря Вашим познаниям, умению и энергии, которые Вы всюду проявляли, находясь с нами»^[99].

В новую должность комиссара 48-й Стрелковой бригады этой же армии П.З. Ермаков вступил в самом конце декабря 1920 – начале 1921 года. И, вероятнее всего, пробыл в ней незначительное время^[100], так как из-за открывшейся раны был вынужден снова лечь в госпиталь, расположенный в Могилеве. А так как к моменту его выздоровления «освободительный польский поход» был уже окончен, П.З. Ермакова отправляют на Южный Урал, где летом 1921 года назначают на должность Военного комиссара формируемых там 24 Кавалерийских Уфимских Подготовительных Курсов РККА. Точная дата его назначения на эту должность также неизвестна, однако из удостоверения, выданного Приуральским Окружным Управлением Военно-Учебных Заведений от 14 июня 1921 года, видно, что: «Предъявитель сего действительно тов. *Ермаков Петр* состоит на службе при *Окр. Упр. Военно-Учеб. Заведений Приурво* в должности *Военкома 24 Уфимских кавкурсов*»^[101].

Судя по другому документу^[102], работу по формированию Политпросвета 24 кавкурсов П.З. Ермаков закончил в августе 1921 года. При отбытии к новому месту службы ему также был вручен памятный адрес^[103], подписанный начальником этих курсов Филимоновым, Заведующим строевым обучением Захаровым, а также командирами 1-го и 2-го эскадронов и командирами взводов.

Следующим местом службы П.З. Ермакова стали 20-е Кавалерийские Екатеринбургские Подготовительные Курсы РККА, на которых он также занимал должность Комиссара до весны 1922 года, после чего опять был направлен на 24-е кавкурсы, которые стали последним местом службы в его военной карьере.

Но сидеть без работы П.З. Ермакову долго не пришлось.

Решив окончательно порвать с военно-политической карьерой, он к июлю 1923 года добивается через своих знакомых и в первую очередь через А.Г. Белобородова (назначенного в августе 1923 г. на пост Наркома Внутренних Дел РСФСР) назначения на начальствующую должность в Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) Западной Сибири. Вот только на какую, опять-таки неясно, так как в одной из своих биографий он указывает: «г. Омск (Приурново) Вр. назначен по борьбе с уголовн. бандитизмом омской губ. милиции»^[104], а в другой – «В апреле 1923 г. был назначен начальником губмилиции города Омска, где возглавил ликвидацию групп уголовного бандитизма»^[105]. А так как РКМ в то время имела самостоятельные управления как городского, так и губернского уровней, то становится не совсем понятным: в каком из них именно он проходил службу? И остается только предполагать, что, по всей видимости, он все же был Вр.и.о. начальника РКМ г. Омска.

Ровно через год П.З. Ермакова отзывают назад в родной город, где назначают на вакантную должность помощника Начальника Горно-промышленной Милиции Екатеринбургского губернского отделения РКМ, и в течение года он занимает поочередно должности

начальника Административного отдела Екатеринбургской губернской РКМ и Зам. начальника Горно-промышленной милиции Екатеринбургского Округа.

Видимо, не потянув столь высокую для него должность, П.З. Ермаков в июле 1924 года переводится в Челябинск, где получает место Начальника охраны Административного Отдела НКВД Челябинского Округа. Зарекомендовав себя на этой работе с положительной стороны, он в начале ноября 1925 года командирован в Златоуст, где вступает в должность Начальника Административного Отдела НКВД Златоустовского Округа^[106].

Проработав на этом месте до апреля 1926 года, П.З. Ермаков переводится на аналогичную должность в город Усолье Верхнее-Камского Округа. Но прежде чем покинуть прежнее место службы, командный и строевой состав милиции Златоустовского Административного Отдела НКВД устраивает ему прощальную встречу, во время которой вручает памятный адрес и шашку с дарственной надписью, изготовленную на Златоустовском оружейном заводе.

В новую должность П.З. Ермаков вступил 10 мая 1926 года и проработал на ней до 17 сентября 1927 года, после чего был выведен в резерв комсостава НКВД.

Но буквально через два месяца он был вновь принят на службу в это ведомство и 22 ноября приступил к обязанностям помощника начальника Административного Отдела Административного Управления ОГПУ по Уральской области (ОБЛАУ ОГПУ).

Позднее, вступая в ВОСБ и отвечая на вопрос анкеты: «После Октябрьской Революции подвергались ли Вы партийному и Советскому суду и за что», Петр Захарович укажет, что: *«Подвергался Контр. Комиссией за грубое отношение с заключен. после расследования Комиссии факт не подтвердился было ложное донесение. Контрольная комиссия вынесла [решение] дело прекратить»*^[107].

В чем заключалось это грубое отношение, думается, пояснять не надо. Ибо, зная уркаганскую натуру П.З. Ермакова и его барско-паханские замашки, можно не сомневаться, что донесение это не было ложным. А что касается его грубого отношения к человеческой личности, то таковое, думается, коснулось не только одного заключенного... Или заключенных... Ибо «к месту» поставленная точка лишает автора сделать какие-либо определенные выводы в этом вопросе.

15 июля 1929 года, в годовщину «освобождения Урала и его революционной столицы – Свердловска от контрреволюционных банд адмирала Колчака» Президиум Свердловского^[108] Окрисполкома вручил П.З. Ермакову Почетную Грамоту, в которой выразил надежду, что он «...на всех этапах развития революции, как и в годы борьбы с колчаковщиной, будет в первой шеренге бойцов за социализм и мировую республику советов».

В 1928 году П.З. Ермаков выходит на пенсию, но работу свою не оставляет, продолжая служить по упомянутому чекистскому ведомству. Начиная с января 1931 года он занимает должности Зам. начальника Уральского ОБЛАУ^[109] ОГПУ, а с сентября этого же года – начальника Уральского ОБЛАУ ОГПУ, с поста которого он все же уходит в 1935 г. по состоянию здоровья^[110].

Глава 7

«...подарен браунинг от коллектива»

Освоившись в столь близкой ему чекистской среде, П.З. Ермаков начинает свою борьбу за не дающие ему покоя лавры «главного цареубийцы», открыто говоря всем, что именно он, а никто другой, собственноручно расстрелял всех Романовых в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Из беседы М.М. Медведева с Г.П. Никулиным:

«...И вот этот товарищ Ермаков, о котором я рассказывал, который себя неприлично вел, присваивая себе главенствующую роль, что это он все совершил единолично, без всякой помощи.

И когда ему задавали вопрос:

– Ну, как же ты сделал?

– Ну, просто, – говорит, – брал, стрелял и все...»^[111]

Сам же П.З. Ермаков в своей краткой биографии, хранящейся в ЦДООСО (бывш. Партийном архиве Свердловского обкома КПСС), описывал этот факт следующим образом:

«Уральским Исполнительным Комитетом я был назначен начальником охраны дома особого назначения, где содержался бывший царь Романов и его семья под арестом.

16 июля 1918 г. по постановлению Областного Исполнительного Комитета о расстреле бывшего царя Романова^[112], я постановление привел в исполнение – сам царь, а также и семья была мною расстреляна. И лично мной самим трупы были сожжены. При захвате белыми Свердловска остатков трупов царя найти не удалось.

3 августа 1932 г.»^[113].

Желая увековечить себя как «истинного» цареубийцу, П.З. Ермаков еще не раз прибегнет в своих мемуарах к теме расстрела и сокрытия трупов бывшей Царской Семьи. В отличие от других участников этого убийства он оставил не одно, а целый ряд воспоминаний, в каждом из которых будет особо подчеркнута его главенствующая роль в этом деле.

Не забывал он упомянуть и о своем сданном в музей Маузере:

«Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено, кому и как стрелять. Я себе взял самого Николая, Александру, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы»^[114].

Однако приведенные выше строки являются частью «литературной правки» воспоминаний П.З. Ермакова, переданных им в Музей революции СССР, сотрудники которого 2 ноября 1952 года сняли с них заверенную копию по просьбе работников Партийного архива Свердловской области (ПАСО). На самом же деле неграмотность нашего героя была попросту фантастической, наглядное свидетельство чему – этот же отрывок, вынесенный в примечания^[115], который весьма наглядно показывает его исключительную амбициозность в деле претензий на лавры «главного цареубийцы». Но даже этого ему казалось мало. В своем желании выделиться еще больше из числа сотоварищей, П.З. Ермаков однажды дописался до того, что лично участвовал: «...в Октябрьском перевороте на судне «Аврора». И, как совершенно справедливо отметил в своей книге «Женевский счет» Ю.П. Власов, осталось только добавить – на капитанском мостике!^[116]

Но если все же постараться отбросить всю претенциозность этой, с позволения сказать, «исторической хроники» (в совокупности с убожеством ее изложения), то перед нами с очевидной ясностью встает вся глубина трагедии, постигшей 11 человек, 10 из которых были злодейски умерщвлены, даже без какой-либо видимости правосудия.

А чтобы читатель не счел автора несколько отклонившимся от темы нашего исследования, последний позволит себе заметить, что П.З. Ермаков отнюдь не случайно конкретизирует внимание на том, что только у него был пистолет Маузера: «...у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы».

То есть прямо свидетельствует о том, что у всех тех, кто принимал участие в расстреле Царской Семьи, были револьверы Нагана, и только он один имел в качестве личного оружия пистолет Маузера.

Однако для того, чтобы разобраться в этом на первый взгляд не вызывающем сомнения факте, попробуем взглянуть на него с новой, совершенно не исследованной ранее стороны.

С легкой руки наших режиссеров и специалистов, консультирующих отечественные кинокартины о событиях революции и Гражданкой войны в России, появилась целая плеяда экранных героев, вооруженных в своем большинстве пистолетами данной системы.

Такая, с позволения сказать, режиссура, не имеющая, кстати, ничего общего с реальной действительностью, породила у зрителя определенный стереотип, согласно которому, чуть ли не каждый, кто жил и воевал в то время, был обладателем этого пистолета.

На самом же деле пистолет Маузера был по тем временам довольно редким и весьма престижным оружием, иметь которое довелось далеко не каждому. И поэтому отнюдь не случайно Президиум ЦИК СССР официально утвердил его в качестве «Почетного Революционного Оружия».

5 января 1921 года в качестве такового ВЦИК Советов вручил пистолеты Маузера Главному Вооруженных Сил Республики С.С. Каменеву и Командующему 1-й Конной Армии С.М. Буденному. А 12 декабря 1924 г. ЦИК СССР утвердил Положение «О награждении лиц высшего комсостава РККА и Флота Почетным Революционным Оружием», отличительной чертой которого должны были стать прикрепляемый на его рукоятку знак ордена Красного Знамени и крепившаяся во впадины магазинной коробки серебряная табличка с надписью: «Честному воину РККА от ЦИК Союза ССР». Однако ни одного награждения таким так и не было произведено.

С 1922 по 1930 год, по заявкам РККА и ВЧК – ОГПУ, Торговым Представительством СССР в Германии был заключен договор с фирмой «Mauser A.G.» на поставки в нашу страну пистолетов Маузера «Полицейской модели», которые в связи с этим получили на Западе название «Боло-Маузер», где «Боло» – производное от слова «большевик». (Хотя изначально, это слово означало – «компактный».)

Наряду с этим награждение пистолетами Маузера проводилось не только от имени ВЦИК и различных ЦИК, но и на основании соответствующих приказов по РККА и ВЧК – ОГПУ. Так, например, цареубийца М.А. Медведев (Кудрин), по представлению Коллеги ОГПУ был награжден пистолетом Маузера К-96/12 «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» на основании Приказа № 1180 по ОГПУ СССР от 20 декабря 1932 г. в связи с 15-летием ВЧК – ОГПУ. И причем не «Боло-Маузером», а пистолетом с длиной ствола 140 мм.

В таком случае эти пистолеты поступали в распоряжение ХОЗУ ЦК ВКП(б), а также на различные склады подобных управлений РККА и ОГПУ, откуда по ходатайству партийного руководства этих ведомств выписывались (вплоть до 1934 г.^[117]) для вручения в качестве наградного (именного) оружия наиболее заслуженным членам ВКП(б), как правило, бывшим участникам Гражданской войны.

Помимо пистолетов Маузера К-96/20 в качестве подобных наград вручались и револьверы Нагана обр. 1895 г., изготовленные на Тульском оружейном заводе по заказу ХОЗУ РККА, отличавшиеся от серийных образцов тем, что имели никелированную поверхность с вытесненным на левой части рамки гербом СССР.

Кроме этих, установленных образцов оружия, могли вручаться и другие (имевшиеся в распоряжении местного партийного руководства) системы автоматических пистолетов и револьверов.

К их числу относились, как правило, наиболее популярные автоматические пистолеты тех лет: Браунинга мод. 1900 г., Браунинга мод. 1903 г., Браунинга мод. 1910 г., Борхарда-Люгера обр. 1908 г. («Парабеллум»), Штайра обр. 1912 г., Кольта М1911 и др.

Так, находясь во время одной из своих командировок в Екатеринбурге, мне довелось видеть в одной из частных коллекций деревянную кобуру кустарного изготовления, предназначенную для ношения и крепления к ней австро-венгерского пистолета Рот-Штайра мод. 1907 г.^[118].

Упомянутая кобура была изготовлена из твердых пород дерева и имела укрепленную на ней серебряную пластинку с надписью: *«Боевому красногвардейцу – подпольщику-чекисту, краснознаменцу – Ал. Пр. Макарову за героическую борьбу с белогвардейцами в Прикамье от Сарат. ГРК ВКП(б)»*.

И вполне возможно, что кобура эта не представляла бы собой ничего интересного (разумеется, помимо ее исторической ценности по принадлежности), если бы не ее внешний вид. Ибо стараниями мастера она была сделана в форме кобуры к пистолету Маузера К-96 и не имела ничего общего с внешним видом штатной кобуры к пистолету Рот-Штайра мод. 1907 г. И думается, что изготовивший ее мастер приложил немало сил для того, чтобы она, будучи надетой на своего будущего владельца, хотя бы издали напоминала кобуру со столь престижным пистолетом того времени – Маузером К-96/12.

Не был обойден вниманием в этом деле и П.З. Ермаков.

24 декабря 1930 года, ко дню 25-летней годовщины его пребывания в рядах партии^[119], он как старейший большевик от имени Уральского областного Административного Управления ОГПУ НКВД СССР и партколлектива ВИЗа был награжден Грамотой и пистолетом Браунинга мод 1910 г. зав. № 40005.

И об этом весьма важном в своей жизни событии он так написал в одной из своих автобиографий: *«...15 июля 1929 г. получил грамоту от Свердловского Окрисполкома в день 10-й годовщины освобождения Урала от Колчака, за активное участие в организации Красной Гвардии и как энергичному борцу за Урал. Одновременно получена грамота от рабочих Верх-Исетского завода и партколлектива завода, подарен браунинг от коллектива»*^[120].

Глава 8

Что показали свидетели...

Чтобы не утомлять читателя пространственными рассуждениями рабочих аспектов данного исследования, вернемся вновь к событиям, описанным П.З. Ермаковым в своих воспоминаниях.

С его слов мы знаем, что убийство Царской Семьи происходило из двух видов оружия: его – пистолета Маузера и револьверов Нагана, имевшихся у остальных.

Давайте попробуем поверить старому большевику Петру Захаровичу Ермакову, а для того, чтобы до конца убедиться в правдивости его слов, предоставим слово другим непосредственным участникам и свидетелям этого преступления.

Так, бывший Начальник Караульной команды ДОН А.А. Якимов, арестованный в ходе следствия по делу об убийстве Царской Семьи, будучи допрошенным Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Округном Суде Н.А. Соколовым 7–11 мая 1919 г., показал:

«Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой – наган. У Никулина был также наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и кольт. У всех «латышей»^[121] были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я еще только поступил в охрану, был наган»^[122].

Приведенная выше выдержка из протокола допроса документально подтверждает наличие у Я.М. Юровского пистолета Маузера (если не в момент убийства, то, по крайней мере, в дни нахождения его в должности коменданта), о чем по вполне понятной причине умалчивает П.З. Ермаков.

Трудно поверить, что, встречаясь с Я.М. Юровским чуть ли не каждый день, П.З. Ермаков мог не заметить его оружия, с которым тот практически никогда не расставался. Само же предположение того, что он мог забыть об этом факте с годами (проявляя, где нужно, редкую память при описании собственных заслуг в деле цареубийства), кажется автору просто абсурдным.

Выдержка из протокола допроса А.А. Якимова также является и важным свидетельством того, что в комнате коменданта находился пистолет непривычного для допрашиваемого калибра. Автор склонен считать, что это был тот самый пистолет Кольта № 71905, который Я.М. Юровский сдал впоследствии в Музей Революции СССР.

Помимо этого, косвенным доказательством того, что Я.М. Юровский во время исполнения обязанностей коменданта ДОН имел в своем личном пользовании этот пистолет, является еще и вот какой факт.

Среди хранящихся в ГА РФ документов фонда 601 имеется Наряд Округного Хозяйственного Управления Уральского Военного Округа, выписанный 10.07.1918 г. на отпуск вещей Коменданту ДОН с Екатеринбургского вещевого склада. Так вот в этом наряде в числе прочих наименований упомянута кобура для «револьвера Кольт», в количестве 1 шт., в чем затребовавшему ее лицу было отказано ввиду отсутствия таковой на означенном складе^[123].

Еще одним свидетельством того, что у Я.М. Юровского был пистолет Маузера, является протокол допроса бывшего Помощника Начальника Караульной команды ДОН П.С. Медведева. Арестованный в ходе следствия по делу об убийстве Царской Семьи и будучи

допрошенным Членом Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеевым 21–22 февраля 1919 г., он показал: «У Юровского кроме нагана был маузер»^[124].

И думается, что выдержки из протоколов не нуждаются в комментариях...

Однако не лишним будет добавить, что П.С. Медведев в 1914 г. проходил воинскую подготовку в Верхотурье в качестве Ратника 1-го разряда в дислоцирующейся там 720-й Пешей дружине 56-й бригады 3-го корпуса Государственного Ополчения. А А.А. Якимов с 1916-го по 1917 г. в качестве добровольца принимал участие в боевых действиях на Румынском фронте. А это значит, что каждый из них просто не мог не знать форменного 3-линейного револьвера Нагана обр. 1895 г. или же перепутать его с каким-либо другим оружием!

Показания П.С. Медведева и А.А. Якимова полностью подтверждают воспоминания Члена Коллегии УОЧК М.А. Медведева (Кудрина), в которых он наряду со своим упоминает также и личное оружие некоторых других участников расстрела Царской Семьи:

«Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет себе два нагана и засовывает их себе за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский кольт, а за поясом бельгийский браунинг (оба исторических пистолета – браунинг № 389965 и кольт калибра 45, правительственная модель С № 7851 – я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный «маузер»), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Мы все невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид»^[125].

И, несмотря на то, что М.А. Медведев (Кудрин) продиктовал свои воспоминания в декабре 1963 года, они не только не противоречат свидетельствам А.А. Якимова и П.С. Медведева, но и существенно их дополняют. Ибо М.А. Медведев (Кудрин) первым из всех ранее известных свидетельств очевидцев и участников цареубийства категорически подтверждает наличие у Я.М. Юровского пистолета Маузера в момент убийства Царской Семьи, а также акцентирует особое на «вооружении» П.З. Ермакова.

А если читатель на минуту возвратится к главе 5 «Лавры для цареубийц», в той ее части, где Г.П. Никулин рассказывает о передаче оружия в Музей Революции СССР Я.М. Юровским, то он, безусловно, освежит в своей памяти его фразу: *«Ну, надо Вам сказать, что когда мы еще вели беседу в Музее революции, это было в 1927 г., куда мы сдали оружие – пистолеты. Он – свой, я – свой. Мой – кольт, а его был маузер, короткий».*

Таким образом, на основании вышеизложенных свидетельств можно сделать следующий вывод, подтверждающий наличие пистолета Маузера К-96/12:

у Я.М. Юровского у П.З. Ермакова

1. Я.М. Юровский. 1. П.З. Ермаков.
2. Г.П. Никулин.
3. М.А. Медведев (Кудрин).
4. П.С. Медведев.
5. А.А. Якимов.

18 августа 1918 года Член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев произвел вырезку частей пола, а 20 августа – вырезку частей (фрагментов) Восточной и Южной стен комнаты, где произошло убийство Царской Семьи и Ее верных слуг.

После предварительного осмотра этих фрагментов оказалось, что почти в каждом из них находились револьверные и пистолетные пули, из которых (помимо прочих пуль к другим системам оружия): к револьверу Нагана обр. 1895 г. – 8 пуль, а к пистолету Маузера К-96/12 – 1 пуля.

Помимо этого, 25 мая 1919 года при осмотре рудника и окружающей его местности, в район которой были вывезены трупы Царской Семьи, в месте, именуемом в протоколе как «Глиняная площадка», следователем Н.А. Соколовым (в числе прочих вещественных доказательств) были обнаружены и пули, большую часть которых представляли пули к револьверу Нагана. Но была среди них и одна «стальная оболочка от пули», лишенная свинцового сердечника из-за воздействия на нее огня. Так вот именно эта оболочка была ничем иным, как оболочкой от пули кал. 7,63 мм к патрону пистолета Маузера К-96, выпущенной германской фирмой DWM (Deutsche Waffen u. Munitionsfabriken), расположенной в г. Карлсруэ, так как только эта фирма выпускала в то время патроны данного типа, снаряженные пулями в стальных оболочках!

В 1979 году в ходе эксгумации костных останков Царской Семьи и Ее верных слуг в районе «Мостоотряда № 72» и дальнейшего просеивания грунта с места этой безымянной могилы было обнаружено еще 14 пуль к оружию разных систем. Среди них 9 оказались пулями к револьверу Нагана, 4 – к стандартному патрону Браунинга кал. 7,65 мм, а 1 – к пистолету Маузера К-96.

Таким образом, общее количество пуль, изъятых следствием в доме Ипатьева и на руднике в 1918–1919 гг., а также обнаруженных в 1991, 1993 и 1998^[126] гг., позволяет автору сделать следующие выводы.

Общее количество пуль к револьверу Нагана обр. 1895 г. составило 28 (29) шт., а к пистолету Маузера К-96 – всего 3.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что все свидетельские показания и соотношение найденных пуль к револьверу Нагана и пистолету Маузера явно говорит в пользу того, что во время убийства Царской Семьи убийцами был использован только один пистолет Маузера К-96. И скорее всего этот пистолет был у Я.М. Юровского, а не у П.З. Ермакова!

Глава 9 «Товарищ Маузер» (1935–1952)

Из всего сказанного ранее можно лишь сделать однозначный вывод о том, что при совершении этого преступления стрельба из двух пистолетов Маузера К-96 была невозможна. И прямым доказательством этому – обнаруженные 3 пули кал. 7,63 мм к пистолету Маузера К-96, количество которых никак не подтверждает свидетельств Я.М. Юровского и П.З. Ермакова. Так как если принять все сказанное ими на веру, то количество таковых должно было бы составить никак не меньше 15–20 штук. А это, в свою очередь, дает возможность сделать заключение о том, что к моменту убийства Царской Семьи П.З. Ермаков попросту не имел в своем распоряжении пистолета Маузера К-96/12!

Это же самое обстоятельство подтверждается и свидетельством М.А. Медведева (Кудрина), а также не опровергается показаниями других участников и очевидцев этого преступления.

Но помимо этого есть еще одно интересное наблюдение, которое в некоторой степени дополняет это предположение.

В фондах СГОИКМ хранится фотография П.З. Ермакова, который изображен на ней почти в полный рост на фоне декоративного задника, установленного, по-видимому, в одном из фотоателье того времени.

По мнению работников музея, она относится к 1918 году и сделана незадолго до расстрела Царской Семьи.

На этой фотографии П.З. Ермаков изображен в рубаше военного покроя, гимнастерке с косыми накладными карманами, имеющими клапаны и плиссированную складку, и шароварах, заправленных в сапоги. В качестве головного убора у П.З. Ермакова имеется фуражка военного образца, с зауженной по моде того времени, тульей, на околыше которой имеется красная пятиконечная звезда с изображением плуга и молота, образец которой был утвержден Приказом Народного Комиссариата по военным делам за № 594 от 29 июля 1918 года.

Поверх гимнастерки надета часть офицерского пехотного снаряжения (портупей) обр. 1912 г., состоящая из:

- поясного ремня;
- наплечных ремней с гнездом для свистка;
- муфт (широких кожаных петель, к которым крепились наплечные и пасовые ремни);
- пасовых ремней, к которым должна была крепиться офицерская шашка обр. 1909 г.

С левой стороны на пасовых ремнях вместо шашки установленного образца у П.З. Ермакова висит нож классных чинов Корпуса Казенных Лесничих^[127] обр. 1904 г. (который был принадлежностью их парадной формы), а с правой – самодельная кобура к револьверу Нагана обр. 1895 г.

Но, к сожалению, данное фото было подвергнуто ретуши. И причем, самое интересное заключается в том, что только в том месте, где было изображено личное оружие П.З. Ермакова. (Ибо там, где данная кобура должна была бы быть видна в полном своем объеме, явно усматривается линия гимнастерки, искусственно проведенная ретушером^[128].) А еще это видно из того, что кажущийся на первый взгляд фрагмент рукава (примыкающий к поясу П.З. Ермакова) является ничем иным, как заретушированным продолжением кобуры к его револьверу. Данные же, позволяющие автору сделать вывод о том, что висящая на поясе П.З. Ермакова кобура является еще и самодельной, заключается в следующем.

В кобурах заводского изготовления, большинство из которых являлось изделиями известной в то время кожевенной фабрики Мусина-Пушкина, использовалась толстая (не

менее 4–5 мм) кожа животных, которая не позволила бы ей деформироваться подобным образом. То есть так, как она деформирована на описываемой фотографии. А кроме того, кобура фабричного изготовления имела в своей нижней части некую вставку каплеобразной формы (в которую упирался ствол револьвера), что также не усматривается на данном фотоснимке. Так же, как и сужение блика на ее прямой части наглядно свидетельствует в пользу того, что она имеет в своей нижней части шов, по виду и форме которого можно смело исключить нахождение там этой вставки^[129].

Не менее важным, на взгляд автора, обстоятельством является то, что на левой стороне груди П.З. Ермакова располагается знак командира РККА^[130]. (Его утвержденный эскиз был опубликован в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» 19 апреля 1918 г.) Вполне естественно, что на разработку технологии и изготовления инструмента, необходимого для ее массового производства, потребовалось определенное время, вследствие чего первые подобные знаки стали поступать в РККА не ранее конца лета 1918 г.

Но ведь на фуражке П.З. Ермакова имеется еще и пятиконечная звезда, которая стала поступать в части РККА лишь в начале осени 1918 года! Посему это обстоятельство дает автору право считать, что данное фото П.З. Ермакова (по своему временному происхождению) относится никак не ранее чем к сентябрю 1918 года.^[131]

А все вместе позволяет сделать окончательный вывод о том, что ***Петр Захарович Ермаков не имел в своем личном пользовании пистолет Маузера К-96/12 не только в июле 1918 года, но и некоторое время спустя!***

И еще.

Занимаясь изучением обстоятельств трагической гибели Царской Семьи в рамках Уголовного дела № 18123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 гг.»^[132], Старшему прокурору-криминалисту (тогда еще!) Отдела криминалистики Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьеву удалось обнаружить в фондах Государственного центрального музея современной истории России^[133] еще одно фото, имеющее прямое отношение к предмету нашего исследования.

На этом фотоснимке была отображена группа партийных и советских руководителей Урала, сфотографировавшихся на месте так называемой «царской могилы».

Вплоть до сегодняшнего дня исследователями не установлена точная дата и год происхождения этого фотоснимка. Однако можно с уверенностью утверждать то, что он сделан не ранее 1924 года. И, что вероятнее всего, именно в этом году. И вот почему.

Из тринадцати человек, запечатленных на нем, автору удалось идентифицировать только десятерых, среди которых есть и П.З. Ермаков. (Этот снимок приведен в иллюстрациях к настоящему изданию.) Первое, на что автор хотел бы обратить внимание читателя, так это на орден Красного Знамени РСФСР, находящийся на груди А.Л. Борчанинова, который тот получил в 1923 г.^[134], и на значок члена ВЦИК, в состав которого он был введен еще в 1921 г.^{[135] [136]}

Точно такой же значок виден на груди и И.П. Румянцева, ставшего членом ВЦИК в 1924 г., что лишний раз доказывает правильность авторских выводов.

Но главное, пожалуй, состоит в том, что все означенные лица именно в 1924 году проживали в Екатеринбурге.

Так, например, А.И. Парамонов с апреля 1924 г. состоял в должности Председателя Правления Уралсельхозбанка и редактора «Крестьянской газеты». Б.В. Дидковский – с 1922 по 1930 г. работал заместителем Председателя и Председателем Уралплана. И.П. Румянцев с 1924 по 1927 г. состоял в должности Секретаря Пермского и Свердловского окружкомов ВКП(б). А.Л. Борчанинов – Председателя Пермского Окрисполкома. Д.Е. Сулимов с 1923 по 1925 г. – Председателем Уральского Облисполкома. Г.М. Мороз с 1922 по 1926 г. состоял в

должности Полномочного Представителя ОГПУ по Уралу. В.М. Быков с 1922 г. возглавлял Уральский Истпарт и скончался в 1925 г., находясь на лечении в Ленинграде. (В то время как его младший брат Павел, ставший впоследствии автором нашумевшей книги «Последние дни Романовых», занимал должность Уполномоченного Госкино СССР по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку^[137].)

Непосредственно же сам П.З. Ермаков, как уже говорилось выше, с апреля по июль 1924 года поочередно занимал должности начальника Административного Отдела Екатеринбургской губернской РКМ и Зам. начальника Горно-промышленной Милиции Екатеринбургского Округа.

Пользуясь торжественностью момента и с целью придания еще большего эффекта данному фото, П.З. Ермаков как единственный среди перечисленных лиц участник расстрела Царской Семьи выложил перед снимающимися свой Маузер, который к тому времени, конечно же, имел в личном пользовании. И это не случайно. Так как этим жестом он, безусловно, хотел «запечатлеть в истории» принадлежавший ему пистолет, выдавая таковой за «вещественное доказательство» цареубийства, совершенного в 1918 году.

Запечатленные же на фотоснимке большевистские деятели тогда вряд ли придавали этой детали большое значение. Тем более что те из них, кто хоть немного знал П.З. Ермакова, были, как говорится, в курсе водящихся за ним «слабостей», одной из которых была просто фатальная страсть к невероятному преувеличению собственных заслуг в любом деле.

Поведение П.З. Ермакова вполне объяснимо, так как лавры «главного цареубийцы», не дававшие ему покоя до самых последних дней его жизни, заставляли его всякий раз выдумывать все новые и новые интерпретации, свидетельствующие о значимости совершенного лично им «революционного подвига».

Кстати, вероятнее всего, именно в этот же день П.З. Ермаков был сфотографирован на мостике из шпал – месте, где, по его словам, он «пожог царя и всю его семью»^[138], о чем сделал соответствующую надпись на обратной стороне этого фото, ныне хранящегося в СГОИКМ.

Слухи о бахвальстве П.З. Ермакова, конечно же, доходили и до Я.М. Юровского. И о том, что Петр Захарович как бы в пику ему кричал чуть ли не на всех углах, что только он, а никто другой и есть «главный цареубийца», бывший комендант тоже знал. Знал, но почему-то молча сносил все хвастливые разглагольствования своего бывшего товарища, даже ни разу не пытаясь им воспрепятствовать. И это при том, что именно Я.М. Юровский еще в 1920 году рассказал Заместителю Председателя Истпарта М.Н. Покровскому о том, как происходило убийство Царской Семьи, не забыв, естественно, упомянуть свою заглавную роль в этом деле. А посему он, а не П.З. Ермаков был для партии и центральных органов власти «официальным цареубийцей». И именно этот материал с записью его рассказа был передан в Центрархив РСФСР, находившийся в непосредственном ведении ВЦИК.

Так почему же так получилось, что П.З. Ермаков на протяжении всей своей жизни был в этом вопросе, что называется, «на коне», а Я.М. Юровский (также стремящийся примерить к себе лавры «главного цареубийцы») до конца своих дней оставался в тени?

А дело в том, что тема цареубийства не была популярна с самого начала. Примером чему – книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых», изданная на Урале в 1926-м и в Москве – в 1930-м, весь тираж которой был изъят и которая в настоящее время является библиографической редкостью. А о причине этого уже говорилось выше: И.В. Сталин, ни под каким видом не хотел слышать о своих политических противниках троцкистах, активно замешанных в деле цареубийства.

А вкуче с этим кандидатура Я.М. Юровского (его национальность, происхождение, а также социальный статус коммерсанта до 1917 г.) была, с точки зрения партийного руководства тех лет, как бы не совсем подходящей для выполнения такого важного пункта про-

граммы партии большевиков, как физическое уничтожение бывших членов правящей династии. В то же самое время анкетные данные бывшего рабочего П.З. Ермакова куда как более подходили под образ негибкого «борца за народное дело», лично уничтожившего от имени пролетарских масс «Николая Кровавого» как «тирана и палача народов России».

И именно исходя из идеологических установок тех лет, еврей и бывший частный предприниматель Я.М. Юровский никогда не смог бы прилюдно «конкурировать» в этом вопросе с потомственным русским пролетарием П.З. Ермаковым.

Так что единственным утешением Я.М. Юровского на тот момент была уже упомянутая книга П. Жильяра, в которой, к его невероятной радости, прямо было сказано о том, что *«Он тотчас поднимает револьвер и стреляет в упор в Государя, который падает как сноп»*^[139].

А кроме того, Я.М. Юровский (в отличие от П.З. Ермакова), предвидя любые возможные последствия, не предвещающие для него и его близких ничего хорошего, вряд ли стал когда-либо выступать перед широкой аудиторией с рассказами о своих личных заслугах в деле цареубийства. И тем более после ареста любимой дочери...

Совсем другое дело – П.З. Ермаков, который беспрестанно твердил об этом у себя на Урале, посему к речам его давно привыкли.

Начиная с конца 20-х годов, Петр Захарович ведет довольно активный образ жизни, часто выступая перед общественностью Свердловска. Но с особым удовольствием он встречался с представителями молодого поколения – пионерами, комсомольцами и студенчеством, которым рассказывал, как он лично расстреливал из своего Маузера «...самого Николая, Александру, дочь и Алексея»... Поэтому нет ничего удивительного в том, что, наслушавшись подобных рассказов из уст «героя революции Ермакова», пионеры и молодежь 20–30-х годов с восторгом прозвали его «Товарищ Маузер», что чрезвычайно нравилось и льстило последнему.

Наряду с этим П.З. Ермаков вел также большую общественную работу, подтверждением чему являются многочисленные документы, хранящиеся в его личном фонде Муниципального музея истории Екатеринбурга.

Так, в частности, 5 мая 1933 года созданный при Уральском Истпарте Областной комитет содействия изданию «История Гражданской войны» приглашал П.З. Ермакова на совещание командиров и организаторов отрядов Красной Гвардии, принимавших участие в боях на различных участках Северо-Урало-Сибирского фронтов весной 1918 г.^[140]

Говоря об участии П.З. Ермакова в деле участия в убийстве Царской Семьи, нельзя не коснуться еще одной важной жизненной вехи П.З. Ермакова, начало которой положили события, произошедшие годом ранее.

В 1933 году корреспондент чикагской газеты «Daily News» Стонеман находился в служебной командировке в СССР. От случайных лиц ему удалось узнать, что в Свердловске проживает один из участников расстрела Романовых – Петр Ермаков, который служит в системе НКВД. Возвратившись в США, Стонеман поделился этой новостью с журналистом Ричардом Хэллибертоном, который вскоре должен был выехать в СССР. Путешествуя по нашей стране в 1935 году, он постепенно добрался до Свердловска, где сумел разыскать П.З. Ермакова и взять у него на квартире подробное интервью об убийстве Царской Семьи.

(В то время у П.З. Ермакова стали проявляться первые признаки рака горла, посему, не очень-то веря в благополучный исход своей болезни, Петр Захарович решил «исповедоваться» перед зарубежным корреспондентом в надежде на то, что его откровения будут напечатаны в каком-нибудь зарубежном издании. А значит, прославят его и за океаном!)

«На низкой, грубо изготовленной русской кровати... укрытый красными ватными одеялами... огромный, заплывший жиром мужчина пятидесяти трех лет^[141]... беспокойно ворочался, лихорадочно хватая ртом воздух. Его челюсть отвисла, и из одного угла рта

сочилась струйка крови. На меня в упор смотрели налитые кровью безумные черные глаза». В разговоре, продолжавшемся около трех часов, П.З. Ермаков признался Хэллибертону, что Николая застрелил все-таки Юровский. Его же жертвой, сказал он, стала Александра. (...)

Свидетельства П.З. Ермакова о том, как были уничтожены трупы, подтверждали точку зрения Соколова. *«Мы устроили из поленьев погребальный костер, таких размеров, что на нем в два слоя поместились тела. Мы вылили на трупы пять канистр бензина и два ведра серной кислоты и подожгли бревна. Я стоял рядом и следил, чтобы целым не осталось ни единого пальца, ни единой косточки. Нам пришлось довольно долго жечь костер, пока не сгорели черепа». В заключение П.З. Ермаков сказал: «Мы не оставили на земле ни щепотки пепла. Я поставил канистры с пеплом снова на грузовик и приказал шоферу, чтобы он вывез меня на шоссе. Там я рассеял пепел по воздуху – ветер подхватил его, словно пыль, и понес дальше по лесам и полям».*

Вернувшись к себе в Нью-Йорк, Хэллибертон опубликовал интервью, данное ему Ермаковым на смертном одре. В Свердловске, однако, П.З. Ермаков восстал со своих красных одеял и прожил еще семнадцать лет»^[142].

После опубликования интервью Р. Хэллибертон всерьез увлекся темой убийства Царской Семьи и даже выпустил книгу под названием «Как убили царскую семью»^[143], которая увидела свет в 1952 г. и в которой приводятся довольно пространственные выдержки из этого интервью.

Приведем и мы таковые, так как мало кто из наших соотечественников мог ознакомиться с ними по сей день.

Со слов П.З. Ермакова, выходило (а у автора нет сомнения в том, что Р. Хэллибертон позволил себе что-нибудь преувеличить), что после того, как участь Царской Семьи была решена, условия Ее содержания стали намного хуже. Бывший цареубийца также вспоминал, как он якобы поймал некоторых охранников, которые позволяли себе разговоры с Великими Князнями, вызывавшие у них не только улыбку, но и смех.

«И они, – вспоминал П.З. Ермаков, – начали принимать папиросы от царя»^[144]. Мы не могли допустить этого. Я сказал Юровскому об этом. Он на следующий день выгнал начальника охраны Авдеева и всю охрану и сам взял на себя командование»^[145]. Я думал, что я жесток. Я видел тысячи человек убитыми, сам убивал множество их, но я был мягким человеком по сравнению с Юровским. При нем уже не могло быть разговоров с царевнами. Вместо охранников-рабочих Юровский вызвал взвод наших палачей из ЧК, в большинстве из венгерских пленников. Было несколько русских в ЧЕКа, но Юровский не взял никого из них. Он чувствовал, что иностранцам можно было больше доверять»^[146].

Поведав далее, как Я.М. Юровский назначил его своим старшим помощником, и о том, как они с С.П. Вагановым обследовали район заброшенных шахт, где должно было произойти сожжение тел несчастных жертв, П.З. Ермаков продолжал:

«Мы (я – Ермаков, Юровский и Ваганов) решили убить кроме царской семьи и всех их слуг, что составляло 11 человек. Служащую-большевичку, работавшую в доме, мы решили тоже взять в подвал, чтобы не вызвать подозрения. Ее, конечно, мы не собирались уничтожить и позже, перед расстрелом, ее удалили из подвала»^[147].

Развивая далее тему подготовки к этому убийству, П.З. Ермаков поведал, что:

«Юровский был главным распорядителем по расстрелу. Мы согласились, что лучше будет, если стрелять [будут] только трое: он, я и Ваганов»^[148]. Последний – всегда со мной, он – хороший большевик, так же, как и я. У Юровского был наган, у Ваганова и у меня – маузеры. Таким образом, было только три исполнителя. Мы, исполнители, должны были стрелять в группу, скученную в маленькой комнате. Если бы нас было больше, чем три, мы бы мешали друг другу. Юровский сказал Ваганову и мне – не стрелять в царя и царевича, он сам хотел их убить. Мне достались царица, доктор Боткин, повар и лакей. Ваганов должен

был убить четырех царевен и горничную царицы. Каждый из нас вложит новую обойму, как только выпустит все шесть пуль»^[149] ^[150].

Рассказ же о самом расстреле у П.З. Ермакова свелся к нижеследующему:

«Юровский, Ваганов и я стояли рядом в дверях. Юровский начал читать составленный им “приговор”. Ему приходилось почти кричать, чтобы его можно было услышать за грохотом мотора, стоявшего у дверей.

– Вы думаете, что белые вас спасут, – этого не будет... Вы думаете о том, что вы уедете в Англию, так и этого не будет. Уральский Совет приговорил вас и вашу семью к смерти за ваши преступления против русского народа...

Царица поняла сразу. Она вскочила, перекрестилась и напряженно стояла. Другие тоже поняли, но были слишком напряжены, чтобы говорить. Только царь, казалось, не понимал:

– Что?! За что?! – закричал он Юровскому.

Ответом Юровского было:

– Вот что! – И он выстрелил прямо в лицо царя. Пуля пробила насквозь его голову. Царь упал и более не шевелился...»^[151]

«Я (П.З. Ермаков. – Ю.Ж.) выстрелил в царицу, всего 6 футов, я не мог промахнуться. Попал ей прямо в рот, через две секунды она была мертва. Затем я выстрелил в доктора Боткина. Он вскинул руками и наполовину отвернулся. Пуля попала ему в шею. Он упал навзничь. Выстрел Юровского сбросил царевича на пол, где он лежал и стонал. Повар пригнулся к углу. Я попал ему сперва в тело, а потом в голову. Лакей упал, я не знаю, кто его застрелил... Ваганов расправился с царевнами: они лежали грудой на полу и стонали, умирая... Ваганов продолжал стрелять в Ольгу и Татьяну. Две младших – Мария и Анастасия – лежали около доктора. Освещение было плохое, комната полна дыма, так что наши прицелы были не всегда удачны... Я не думаю, что кто-нибудь из нас попал в горничную. Она опустилась на пол, спрятавшись в подушки. Один из охраны позже проткнул ей горло штыком^[152]. Мы позвали охрану из коридора, чтобы они помогли закончить дело. Охрана прокалывала штыками и била прикладами всех без различия... Царевич все еще стонал. Юровский еще два раза выстрелил в него. Это его прикончило. Анастасия также еще жила. Один из охраны повернул ее на спину. Она закричала, и он добил ее до смерти прикладом^[153]. Через несколько минут одиннадцать тел лежало в лужах крови. Комната опустела. Дверь закрылась за последним из, убийц»^[154].

После столь пространственного отступления, думается, следует подчеркнуть всего лишь две важные вещи.

Во-первых, то, что встреча П.З. Ермакова с Р. Хэллибертона, безусловно, была запланирована по сценарию сверху. Иначе кто бы позволил ему встречаться с представителем «продажной буржуазной прессы»? Да еще у себя дома! И к тому же выбалтывать проклятому капиталисту об одном из наших «могучих секретов», о котором в то время не полагалось даже заикаться... Ведь за такое даже в 1935 «мирном» году не только не погладили бы по головке, но и костерили бы за политическую близорукость на всех партийно-ячеечных собраниях и всевозможных райкомо-обкомовских бюро. А по прошествии всего пары лет можно было бы вполне быть подвергнутым аресту по «обвинению в шпионаже», после чего закончить свой жизненный путь у чекистской стенки...

А во-вторых, весь его рассказ, построенный от начала и до конца на уже известных фактах, был все же немного разбавлен малоизвестными, которые он мог почерпнуть только из рассказа Я.М. Юровского на «Совещании Старых Большевиков...», что является косвенным доказательством, если не его присутствия на таковом, так, по крайней мере, ознакомлением со стенограммой этого совещания...

Говорить же что-либо о сожжении тел Царственных Мучеников и Их верных слуг до состояния пепла не приходится вовсе, так как в этой части его «воспоминаний» комментарии, что называется, излишни ввиду того, что «кремировать» таковые в описываемых условиях физически невозможно. А уж рассуждать на эту тему после проведенной идентификации костных останков, извлеченных из бывшей Коптяковской дороги летом 1991 года, тем более не приходится...

Но, как говорится, не будем более утомлять читателя авторскими рассуждениями и продолжим рассказ о нашем герое.

Начиная с конца 30-х годов, П.З. Ермаков состоял членом Научного общества при Свердловском областном музее революции! Это с низшим-то образованием! (Хотя в своих биографиях он всегда указывал на то, что имеет «среднее».) Впрочем, в то время правильная политическая ориентация и партийный стаж были куда важнее, чем образовательный уровень!

Еще один, не менее интересный документ из фонда Муниципального музея истории Екатеринбурга, датированный 27 февраля 1939 года, доносит до нас обращенную к П.З. Ермакову просьбу Зам. директора по научной части Свердловского областного музея революции^[155] Н. Чудакова провести для студентов и педагогов Промакадемии «экскурсию о расстреле Николая Романова»^[156]. И П.З. Ермаков, конечно же, соглашается. Ибо водить подобные экскурсии по музею для него было особой радостью. Той радостью, когда он заранее предвкушал, какое впечатление на присутствующих произведет его рассказ об убийстве Царя и Его семьи...

Вот только была одна заковыка. Точнее, один, но часто повторяемый вопрос, задаваемый подчас кем-нибудь из любопытствующих экскурсантов. Вопрос, который всякий раз портил ту нарисованную им в музейном зале картину его правдивого рассказа о расстреле Николая Кровавого. Да еще не где-нибудь, а в бывшем Доме Особого назначения, располагавшемся к тому же в то самое время на площади Народной Мести, названной так чуть ли не в его Петра Ермакова честь! Ибо ответа на него он не знал. А вопрос тем не менее не должен был оставаться без ответа. «Ну, царя и царицу – понятно! – не унимался кто-нибудь из любопытствующих. – А детей, все же за что?» И надо сказать, что честный ответ на него не находился в душе даже такого отъявленного негодя и безбожника, как П.З. Ермаков. Так как ни один нормальный человек никогда не сможет оправдать это зверское убийство: ни по совести, ни по «классовому принципу»... А значит, и ответить честно на поставленный прямо вопрос. Так как все остальные разглагольствования о «живом знамени контрреволюции» даже тогда мало кого устраивали...

Состоя на учете в Молотовском районном комитете ВКП(б) города Свердловска, П.З. Ермаков с конца 30-х годов стоял во главе Военной секции ОСОАВИАХИМа этого же района.

С началом Великой Отечественной войны хлопот у Петра Захаровича прибавилось.

7 августа 1941 года П.З. Ермаков назначается Командиром батальона Народного Ополчения Верх-Исетского металлургического завода^[157], а с 25 ноября 1942 года он как председатель Военной секции Молотовского Совета ОСОАВИАХИМа наделяется полномочиями по осуществлению проверки оборонной работы во всех организациях означенного района^[158]. И с этого же числа он являлся представителем Молотовского РК ВКП(б) в Комиссии «Горрайвоенкомата по переосвидетельствованию военнообязанных»^[159].

Вероятнее всего, где-то в начале 1942 года П.З. Ермаков встречается с Я.М. Свике^[160], который, будучи эвакуированным на Урал, состоял в то время в должности лектора-пропагандиста Кыштымского РК ВКП(б) и по делам служебной надобности часто бывал в Свердловске. О том, сколько было этих встреч – одна или несколько, – история умалчивает. Но ясно лишь одно: Ян Мартынович сумел убедить Петра Захаровича в своем непосредствен-

ном участии в расстреле Романовых. Ибо сделать это было не так уж сложно, так как событие это непосредственно сам Петр Захарович помнил весьма смутно, ибо принимал в нем участие, предварительно сильно «приняв на грудь»...^[161]

В мае 1943 года в жизни П.З. Ермакова происходит весьма важное событие: он вступает в брак с Таисией Аристарховной, которая стала его второй супругой.

С конца мая 1943 года П.З. Ермаков являлся «...уполномоченным от Молотовского РК ВКП(б) для участия в Комиссии Свердловского Горрайвоенкомата по проверочной регистрации военнообязанных согласно приказа № 42 от 20 мая 1943 г.»^[162]

18 июля 1943 года, по поручению Молотовского РК ВКП(б) П.З. Ермаков был направлен «в парторганизацию *завода № 217*^[163] для оказания помощи в проведении партийно-политической работы»^[164], а с 25 февраля 1944 года он являлся «членом Районной Перерегистрационной Комиссии военнообязанных от Молотовского РК ВКП(б) гор. Свердловска»^[165].

Помимо перечисленной общественной нагрузки, П.З. Ермаков также неоднократно выступал с рассказами о своем боевом прошлом перед ранеными бойцами, находящимися на излечении в Свердловске.

Так, 8 мая 1944 года Зам. начальника Госпиталя 3866 по политической части ст. лейтенант Великанов обратился к нему с просьбой о проведении беседы «о боевых делах уральских партизанских отрядов, одним из которых Вы командовали в период гражданской войны»^[166].

9 сентября 1944 года П.З. Ермаков был вызван в помещение Партийного архива Свердловского обкома ВКП(б)^[167] (опять-таки в доме Ипатьева!), где состоялась его встреча с представителем Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) С.Б. Сутоцким^[168]. О чем был этот разговор, сейчас остается только догадываться, но, думается, тема убийства в нем Царской Семьи не была обойдена.

Говоря о деятельности П.З. Ермакова в годы войны, нельзя не упомянуть о его поездке на фронт. На какой именно его участок, автору так и не удалось узнать, так как об этом факте лишь вскользь упоминает А. Яковлев в своем биографическом очерке «Товарищ Маузер», включенном в биографический сборник «Ленинская гвардия Урала»: *«Началась Великая Отечественная война, и Ермаков на своем родном Верх-Исетском заводе готовил будущих бойцов. Сам все время рвался на фронт. Выехал однажды с делегацией и... со слезами на глазах просил командира части оставить его. Такой уж это был человек»*^[169].

Выше уже говорилось о том, что осенью 1945 года П.З. Ермаков давал показания по так называемому «делу Медведева»^[170]. С этой целью он был вызван в УНКВД по Свердловской области, где дал показания, разъяснив допрашиваемым его лицам, что М.А. Медведев (Кудрин) и П.С. Медведев – разные лица. Находясь в этом учреждении, ему вновь пришлось рассказывать о своем участии в убийстве Царской Семьи. Но в этом случае он не стал, как прежде, «тянуть одеяло только на себя», рассказав, что помимо него в этом расстреле принимали участие еще двое «...начальник охраны Юровский, зам. командира латвийских красногвардейцев – Ян^[171] и я – Ермаков П.З.»^[172]. Но Ермаков не был бы Ермаковым, если бы впоследствии, что называется, не «оторвался», рассказывая всем и вся, как был вызван не в местное Управление НКВД, а в Москву. И не просто в Москву, в аппарат Л.П. Берии, а к самому товарищу И.В. Сталину!

Но на этом дело не кончилось. И, конечно же, все обстояло совсем не так, как рассказывал П.З. Ермаков.

Забегая немного вперед, следует сказать, что осенью 1946 года на квартиру П.З. Ермакова пришли двое сотрудников МГБ и предложили ему собираться в дорогу. Зная не понаслышке методы работы своих бывших коллег, П.З. Ермаков понял: это все... Дошла и его очередь...

Но к немалому удивлению последнего, люди в штатском отвезли его не в столь хорошо знакомую ему местную тюрьму, а на вокзал, где посадили в отдельное купе отходящего на Москву поезда. Слушая дорогой рассказы оправившегося от страха Петра Захаровича, его сопровождающие шутили, балагурили и даже разрешили ему выпить, благо вся поездка была организована за казенный счет. По приезду в столицу П.З. Ермаков был помещен в один из номеров гостиницы «Москва» (позднее хорошо известной своими прослушивающими устройствами), где ему приказали взяться за написание воспоминаний... о расстреле Царской Семьи. И при этом ни при каких обстоятельствах не покидать гостиничного номера! Когда же воспоминания были готовы, П.З. Ермакову предложили пожить в номере еще какое-то время (видимо, тогда принималось решение по поводу его дальнейшей судьбы), после чего вручили обратные билеты до Свердловска, пожелав счастливого пути...

Но перед самым своим отъездом он все же побывал на Лубянке, где с ним была проведена профилактическая беседа о том, чтобы он никогда более прилюдно не рассказывал о своих революционных подвигах, и уж тем более о расстреле Царской Семьи. И вообще, чтобы больше помалкивал и поменьше бы врал про свое героическое прошлое! Еще до конца не осознав, что так легко отделался, Петр Захарович возвратился домой, а через некоторое время им была придумана та самая красивая история встречи со Сталиным.

Видимо, со временем ему это дело порядком поднадоело, посему в мае 1946 года он устраивается на работу в Свердловскую межобластную контору «ГЛАВСНАБТОПСТРОЙ» на должность Вр. И.О. Зам. Управляющего по общим вопросам^[173].

21 февраля 1947 года Молотовский РК ВКП(б) и исполком Молотовского Райсовета г. Свердловска наградил П.З. Ермакова Почетной Грамотой «за активное участие в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 года»^[174].

Сам же П.И. Ермаков также избирался в выборные органы Советской власти.

С 1922 по 1923 гг. он был депутатом Омского Горсовета. В 1924-м – членом Челябинского Окрисполкома, а по возвращении в Екатеринбург в этом же году – Екатеринбургского Горсовета. В 1926–1927 гг. П.З. Ермаков поочередно избирается членом Златоустовского Горсовета и Верхне-Камского Округа. А в 1931 и 1938 гг. он избирался в своем родном Свердловске депутатом Молотовского Райсовета.

В преддверии 30-й годовщины Октябрьского переворота П.З. Ермаков как старый большевик много выступает перед трудящимися города. В упомянутом уже неоднократно Муниципальном музее истории Екатеринбурга сохранился документ – «Отзыв о проведенной беседе старого большевика г. СВЕРДЛОВСКА тов. ЕРМАКОВЫМ ПЕТРОМ ЗАХАРОВИЧЕМ в в/ч п/п 78023», направленный Зам. командира в/ч по политической части гв. полковником Дмитриенко на имя секретаря Молотовского райкома ВКП(б) г. Свердловска» в котором, в частности, говорилось, что: «*Личный состав части прослушал с большим интересом выступление тов. ЕРМАКОВА и остался доволен проведенной беседой, так как она имела большой воспитательный характер*»^[175].

Выступление перед воинами означенной части дало толчок новой деятельности П.З. Ермакова на ниве политического просвещения, примером чему – благодарственное письмо Ответственного редактора ежедневной красноармейской газеты Уральского Военного Округа «Красный Боец» подполковника П.И. Коробова от 2 июня 1948 года, в котором тот благодарит Петра Захаровича «...за активное участие в организации экскурсии воинов по историческим местам Свердловска»^[176].

В этом же году П.З. Ермаков после долгих лет перерыва встречается с К.Т. Новгородцевой-Свердловой, приезжавшей в Свердловск накануне упомянутых торжеств^[177].

За годы, прожитые в Свердловске, авторитет П.З. Ермакова как старого большевика и «знатока» революционного движения на Среднем Урале стал настолько непререкаем, что порой дело доходило, прямо говоря, до абсурда.

Так, 10 октября 1950 года Свердловский областной Дом народного творчества (состоящий в ведении Отдела искусств Свердловского облисполкома), за подписью методиста по фольклору В.Н. Курбатовой, прислал ему приглашение на трехдневный семинар «собирателей и сказителей фольклора». Так что теперь остается только гадать, с какой такой подоплекой было прислано это приглашение? То ли как шутка (ведь Петр Захарович не знал элементарной грамоты), то ли всерьез, как сказителю баек собственного сочинительства и знатоку матерного фольклора, в коем он действительно слыл непревзойденным мастером...

Последние годы жизни П.З. Ермаков тяжело болел и незадолго до смерти был помещен в одну из городских больниц, где и скончался 25 мая 1952 года.

Похороны «героя революции» Петра Захаровича Ермакова состоялись 28 мая на участке старых большевиков Ивановского кладбища Свердловска.

Вскоре после его смерти бывшей Ключевской улице в Свердловске было присвоено имя П.З. Ермакова, которое она носила до середины 80-х годов минувшего столетия, после чего ей вновь было возвращено прежнее историческое название.

Долгое время могила П.З. Ермакова содержалась в надлежащем состоянии благодаря средствам, выделяемым из городского бюджета. Но с началом политических преобразований в нашей стране ситуация в корне изменилась. Постепенно могила приходила в запустение, а в начале 90-х на ней появилось изображение свастики и надпись «убийца», выполненная в виде кровоподтека.

После смерти П.З. Ермакова за возвеличивание заслуг последнего стала бороться вдова покойного – Т.А. Ермакова, стараниями которой была названа улица в его честь, а также опубликована биография «Товарища Маузера» в сборнике «Ленинская Гвардия Урала». Весь личный архив, а также некоторые личные вещи своего бывшего супруга (как, например, самодельные шахматы) были переданы Таисией Аристарховной в Государственный мемориальный музей Я.М. Свердлова.

В настоящее время о Петре Захаровиче Ермакове помнят лишь краеведы и те исследователи, которые занимаются темой гибели Царской Семьи, так как его сын, рождения не ранее 1909 года^[178], по имеющимся сведениям, с годами, что называется, покатился по наклонной плоскости, был осужден, и в конечном итоге его дальнейшая судьба осталась неизвестной...

Глава 10

Реликвия Октября. (Окончание)

Вокруг сданного П.З. Ермаковым Маузера К-96/12 не без его помощи стали складываться легенды, которые могли бы составить конкуренцию любой древней притче.

Чтобы не быть голословным, приведу одну из них, напечатанную, видимо, в назидание потомкам, в газете «Пионерская правда» от 13 сентября 1957 года под рубрикой «Навстречу 40-летию Великого Октября»:

«ТОВАРИЩ МАУЗЕР

На одном из стендов Свердловского краеведческого музея хранится пистолет системы маузер. Кобура у него из твердого дерева. Ее можно прикрепить к ручке пистолета, и тогда он превратится в маленькое ружье. Сделали этот пистолет на бельгийском заводе лет 50 назад.

После революции 1905 г. рабочий класс России начал готовиться к новому бою с царским самодержавием. Необходимое для этой цели оружие приходилось покупать за границей и тайно переправлять в Россию. Так попал на Урал пистолет маузер, купленный на деньги рабочих.

Екатеринбургская организация большевиков вручила его рабочему Верх-Исетского завода Петру Ермакову, смелому человеку, выполнявшему важные поручения Комитета большевиков. Вооруженный маузером, Петр охранял тайные собрания рабочих. Но полицейские искали его, и все труднее становилось Петру вести революционную работу. В конце концов Ермакова арестовали. Оружия при нем не было (накануне мать Петра закопала пистолет в огороде), но все же рабочего на несколько лет упрятали в тюрьму, из которой он вышел перед Февральской революцией 1917 г. И снова маузер стал верно служить революции в руках командира красногвардейского отряда Ермакова. Петр сражался против банд белогвардейского атамана Дутова и иностранных захватчиков. В одном сражении, когда небольшой отряд рабочих защищал станцию, Ермаков был ранен, но продолжал руководить, пока рабочие не победили.

Потом маузер долго лежал в ящике. К началу Отечественной войны пистолет уже устарел. Воевали новым, более совершенным оружием.

Старого боевого товарища – маузер – Ермаков решил сдать в музей. Пусть видят люди, каким оружием отстаивали Советскую власть их отцы.

Неверов»^[179].

Для неискушенного читателя хочу еще раз напомнить, что, во-первых, пистолеты Маузера изготавливались в Германии, а во-вторых, в 1905 году пистолет данной модели никак не мог быть у П.З. Ермакова, так как был смоделирован на заводах Маузера только лишь в 1912 году!

Но это вовсе не ошибка Л.П. Неверова, так как еще один уральский исследователь – А. Яковлев, написавший о П.З. Ермакове очерк точно под таким же названием, приводя стенографическую запись его воспоминаний (в которых тот рассказывал о событиях 1905 г. на Верх-Исетском заводе), пишет дословно следующее:

«Я заранее расставил патрули по всем проходным, чтобы полиция нас врасплох не застала. Рабочие вооружались: кто железной, кто камнем, кто чем. Кое-кто из дружины имел браунинги. У меня был маузер»^[180].

И именно эта последняя фраза особенно заслуживает внимания, так как дословно повторяет другую, приведенную выше: *«У меня был маузер. Им можно верна работат. астальные были наганы».*

Так что, будь то устный рассказ или написанные воспоминания, П.З. Ермаков всегда и везде акцентировал всеобщее внимание на том, что только у него, а ни у кого другого был пистолет Маузера, который, как уже знает читатель, достался ему с таким трудом и которым он, безусловно, очень дорожил.

Напомню также, что при сдаче этого пистолета в Уральский Областной «Музей Революции» П.З. Ермаков (так же, как и его «конкурент» Я.М. Юровский) нисколько не сомневался в том, что его незамедлительно поместят в экспозиции, как одну из «главных святынь» революционного Урала. Ведь по существовавшему тогда экспозиционному плану в комнате, где произошло убийство Царской Семьи и Ее верных слуг, планировалось воссоздание обстановки последнего периода царского правления.

Так, в юбилейном 1929 году 10-летней годовщины «освобождения Урала от белогвардейцев» наряду с тематической выставкой научными сотрудниками музея было заложено в смету *«устройство в угловой комнате нижнего этажа (соседней с комнатой расстрела Романовых), а также «мешка» для политзаключенного» «в годы разгула царской реакции»*^[181]. (Например, одним из экспонатов этой комнаты были носимые каторжниками кандалы, которые символизировали собой «жестокость режима самодержавия».)

Признавалось и значение той самой комнаты, в которой уже в 1-й половине 1929 года был восстановлен внутренний вход из верхнего этажа здания музея, с целью *«возродить историческую обстановку этого действия»*^[182].

Для этой цели была окончательно очищена от обоев и штукатурки та самая подлинная стена, на которой остались места удаленных из нее фрагментов с застрявшими пулями, извлечение которых было произведено белогвардейским следствием еще в августе 1918 года^[183].

На фоне этой стены в октябре 1928 года были сфотографированы две «братские» делегации – «чехословацкая» и «франко-бельгийская», прибывшие в СССР для участия в работе VI Конгресса Коминтерна. Впоследствии же эти фотоснимки были размножены в виде почтовых открыток, широко распространяемых при посещении музея и по линии Уральского Отделения РОСТА^[184].

В конце января 1934 года Я.М. Юровский выехал в Свердловск, чтобы собрать там документы, необходимые ему для оформления персональной пенсии.

Вполне естественно, что поиск таковых он начал в Уральском Истпарте, который с 1928 года возглавлял С.С. Моисеев.

Вероятнее всего, их встреча состоялась именно в Ипатьевском доме, в ходе которой С.С. Моисеев наверняка предложил бывшему Коменданту ДОН осмотреть залы музея, в числе которых была и та самая историческая комната. Побывав в ней, Я.М. Юровский скорее всего не поверил глазам: почетное место среди всех прочих экспонатов, развешанных по стенам этой комнаты, превращенной в музейный зал, занимал ранее принадлежавший П.З. Ермакову пистолет Маузера, надпись под которым гласила, что именно из него им лично «... были убиты бывший царь, царица и наследник»...

Наверное, именно тогда (конечно же, «с целью восстановления исторической истины!») у Я.М. Юровского возникла мысль о выступлении перед членами Свердловского Филиала ВОСБ, стенограмма которого сейчас хорошо известна под наименованием «Совещание Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале».

Намеченное выступление состоялось 1 февраля 1934 года в Ипатьевском доме. Имена же всех его участников до сих пор не выявлены. Однако доподлинно известно, что на нем

присутствовали: С.С. Моисеев, Я.М. Юровский, А.Н. Жилинский, Е.Б. Вайнер и с весьма малой долей вероятности сам П.З. Ермаков.

Выступая на упомянутом совещании, Я.М. Юровский в самой категоричной форме осудил деятельность некоторых сотрудников этого музея, рассказывающих о расстреле Царской Семьи не со стороны «политической необходимости», а с позиций «зверской кровожадности». Ибо многие посетители этого музея зачастую задавали экскурсоводу уже хорошо известный читателю вопрос: «Ну, ладно царя и царицу... А детей-то за что?»

Поэтому, обличая такую «политическую близорукость», он говорил:

«Не менее вредны, кстати сказать, рассказы, которые до последнего времени давались в Музее революции и которые лишь в конце 33 года прекращены, как об этом рассказывал мне директор музея в настоящее время тов. Чевардин. Как об этом рассказывали в музее, мне говорили товарищи, приезжавшие сюда из Москвы, бывшие здесь, причем рассказывали не только для своих граждан, но и для иностранцев. Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции, вместо революции»^[185].

Занимаясь историей этого пистолета, я также ознакомился с работой уральских исследователей Д.В. Боровикова и Д.В. Гаврилова «Расстреляны пролетарской рукой», опубликованной в сборнике «Убийство царской семьи», выпущенном в Свердловске в 1991 г. Так вот эти упомянутые авторы писали, что: «Сохранился акт от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь»^{[186] [187]}.

Я же, честно говоря, впервые узнал о существовании этого акта приема-передачи в 1993 г., после выхода в свет книги Э.С. Радзинского «Господи... спаси и умири Россию», в которой сей маститый автор ссылается на место его хранения – Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), фонд 221, опись 2, дело 842, лист 7^[188].

Поэтому, когда я в свой первый приезд в Екатеринбург в конце 1993 г. посетил Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), его директором С.Д. Алексеевым мне был любезно предоставлен документ нижеследующего содержания:

Архивная справка

Документов, подтверждающих наличие акта «от 10 декабря 1927 г., в котором научные сотрудники Истпарта А.В. Баранов и В.А. Гензель подтверждают, что «приняли у тов. П.З. Ермакова револьвер № 161474 системы маузер, которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь» (см.: «Убийство царской семьи Романовых», Весть, Свердловск, «Урал-Советы», 1991, с. 122; а также: Э. Радзинский. «Господи, спаси и умири Россию». М.: Вагриус, 1993, с. 455) в ЦДООСО не выявлено.

Указанные документы не имеются в делах фонда 221 (Партийный архив Свердловского обкома КПСС), опись 2, дела 774 и 842, фонда 41 (Уральский Истпарт), опись 2, дело 79.

Директор Центра С.Д. Алексеев^[189].

Так что же? Значит, этого акта не существовало вовсе? Да нет – еще как существовал!

Просто произошла, мягко говоря, ошибка. Ибо, как выяснилось впоследствии, сей документ числится не в фонде 221, а в фонде 224 и представляет собой лист 7 дела 845, зарегистрированного по описи 2 означенного фонда.

Разыскивая этот документ (на след которого мне удалось напасть лишь 2001 г.), я обратился за помощью к сотрудникам СГОИКМ, которые в 1994 году рассказали мне о существовании еще одного хранящегося у них документа, датированного 1946 годом, появление на свет которого было вызвано следующими обстоятельствами.

Когда в мае 1946 года Свердловский областной Музей революции и размещавшийся в этом же доме Свердловский областной антирелигиозный музей были ликвидированы, все коллекции последних были распределены между СГОИКМ, Государственным мемориальным музеем Я.М. Свердлова (ГММ им. Я.М. Свердлова), Мемориальным домом-музеем Д.Н. Мамина-Сибиряка, Школой СМРЖ, войсковой частью 93316 и Клубом глухонемых г. Свердловска, в результате чего интересующий нас музейный предмет был передан в СГОИКМ по нижеследующему акту:

Акт

25 сентября 1946 г. мы, нижеподписавшиеся, Директор Областного Музея Революции НЕВЕРОВ Л.П. и зав. Отделом Отечественной Войны и Отд. Соцстроительства тов. БЕРГАУЗ Р.Г. с одной стороны, – и с другой – Директор Обл. Краеведческого Музея ДИВИНСКИЙ Б.А. и Зав. фондами БОРОДИНА В.А. составили настоящий акт в том, что первые сдали, а вторые приняли:

Маузер за № ...^[190], принадлежавший Петру Захаровичу ЕРМАКОВУ, которым и был в свое время передан Музеем революции.

СДАЛИ:

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

(Неверов)

ЗАВ. ОТД. ОТЕЧ. ВОЙНЫ И ЗАВ. ОТД. СОЦСТРОИТ.

(Бергауз)^[191]

То, что в этом акте не указан заводской номер переданного в СГОИКМ, принадлежавшего П.З. Ермакову пистолета Маузера, безусловно, являлось нарушением норм регистрации музейных предметов. Однако возникшая ситуация никоим образом не была связана с каким-либо подлогом или махинацией ввиду того, что люди, засвидетельствовавшие своими подписями данный акт, являлись старейшими музейными работниками, честность и порядочность которых не подлежала сомнению. (Именно это обстоятельство впоследствии послужило причиной появления слухов о том, что этот пистолет был подменен на другой.)

Вероятнее же всего, оформлявшие этот документ лица намеревались вписать заводской номер этого пистолета чуть позднее, но в силу каких-то причин этого сделать не смогли. А так и оставшаяся незаполненной графа породила впоследствии этот невероятный слух...

А теперь постараемся дать некоторые разъяснения из того, что было сказано выше, для чего вернемся к некоторым выдержкам из статьи Л.П. Неверова.

Так, в частности, он пишет, что «...маузер долго лежал в ящике. К началу Отечественной войны пистолет уже устарел. Воевали новым, более совершенным оружием.

Старого боевого товарища – маузер – Ермаков решил сдать в музей».

Из этих двух приведенных автором умозаключений наиболее интересно первое. И действительно: ведь не мог же П.З. Ермаков держать свое «историческое оружие» абы где? Посему ящик письменного стола скорее всего был наиболее подходящим для этой цели местом. (Думается также, что в то время его оружие было в исправном состоянии.)

А теперь о втором. В самом начале этого повествования автор уже упоминал о том, что представленный в коллекции СГОИКМ пистолет Маузера К-96/12 зав. № 161474 за годы «музейного хранения» претерпел значительные изменения: покрылся легким налетом коррозии и утратил ряд своих деталей. Причем имеющийся на нем слой коррозии весьма характерен для всех металлических предметов, находящихся в продуваемых сквозняками, закрытых помещениях, подверженный перепадам температур, вследствие чего на их поверхности образуется конденсат. Вероятнее всего, так было и в нашем случае (помянутыми помещениями могут быть чердаки, погреба, любые хозяйственные постройки и т. п. или же просто

неотапливаемые комнаты), так как, со слов работников музея, большинство его фондовых помещений в годы войны не отапливалось^[192].

Помимо этого, автор также говорил о том, что на внутренней поверхности корпуса деревянной кобуры-приклада к этому пистолету имеются затеки половой краски. Их происхождение говорит о весьма небрежном отношении к оружию со стороны бывшего хозяина, но скорее всего наводит на мысль о ее отдельном (вне пистолета) хранении.

Состояние деталей механизма этого пистолета позволяет сделать вывод о том, что он неоднократно ремонтировался, причем самым неквалифицированным способом, что вряд ли имело место при возможностях П.З. Ермакова. Но, честно говоря, почему-то именно этот музейный экспонат вытерпел над собой наибольшее количество надругательств. Начало таковым положили сами сотрудники музея (когда приводили его в негодность, в соответствии с нормами музейного хранения), просверлив в его патроннике и стволе три огромных отверстия самым «зверским способом». Другим видом такового являлось то, что этот пистолет длительное время не могли правильно собрать, посему на многочисленных фото он изображен с частично отведенной назад рамкой и наполовину взведенным курком. Далее же метаморфозы только продолжались...

Вслед за утратой перечисленных в Главе 2 деталей исчез и предохранитель, который запечатлен на многочисленных фото начала 90-х годов. (Наличие такового я хорошо помню в бытность своего первого пребывания в Екатеринбурге в 1993–1994 гг., когда этот пистолет был выставлен на экспозиции «Россия, Романовы, Урал», развернутой в одном из залов музея в означенное время.)

Еще одним явным несоответствием в этой статье было утверждение ее автора о том, что пистолет этот был сдан П.З. Ермаковым в музей сразу после войны. (Видимо, Л.П. Неверов пришел к такому выводу на основании музейного Акта от 25 сентября 1946 г., не имея представления об Акте Уральского Истпарта от 10 декабря 1927 г.) А его заявление, что к началу Великой Отечественной войны это оружие устарело, и вовсе не выдерживает никакой критики. (О том, что пистолеты Маузера вплоть до сегодняшнего дня не потеряли своей популярности, продолжая оставаться одним из самых мощных видов оружия, думается, известно всем, кто хоть мало-мальски знаком с историей развития стрелкового оружия^[193]).

А каких только легенд не рождалось вокруг этого экспоната?

Так, в своей статье уже упоминаемые Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов вдруг ни с того ни с сего заявили, что «...на пистолете, хранящемся в музее, номера и заводские знаки спилены, и при внешнем осмотре установить его подлинное происхождение невозможно»^[194].

Не вступая в долгую дискуссию, советую этим господам просто внимательнее приглядеться к находящемуся в музее экспонату, на котором в положенных местах существуют все необходимые «номера» и «заводские знаки». А еще мне хотелось бы указать им на то, что опыт отечественной криминалистики не имеет в своей многолетней практике прецедента спиливания заводских маркировок и испытательных клейм, которые эти господа называют «заводскими знаками»...

Наряду с этим Д.В. Боровиков и Д.В. Гаврилов поведали читателю о том, что: «Ранее работавшие в музее сотрудники утверждают, что по имеющимся у них материалам, которые скрывались от посетителей, маузер был изготовлен на заводе в начале 20-х годов. Но разве можно принимать во внимание такие “мелочи”, если работникам музея так хотелось иметь у себя “бесценную реликвию?”»^[195]

В данном же случае я позволю себе дать исследователям Д.В. Боровикову и Д.В. Гаврилову один маленький совет: прежде чем делать столь смелые заявления, им следовало бы сравнить номер сданного в Музей Революции СССР пистолета Маузера К-96/12, принадлежащего Я.М. Юровскому, со «спиленным» номером аналогичного пистолета, принадлежа-

щего П.З. Ермакову. А так как пистолет первого имел № 167177, а второго – № 161474, то разница между их номерами была всего в 5703 единицы! А значит, весьма близкой по времени их выпуска.

Но если на минуту постараться отбросить столь предвзятое отношение к работникам музея (ибо сей факт не имеет ничего общего с реальной действительностью) и закрыть глаза на некорректность подобного заявления со стороны указанных авторов, то тогда получается, что Я.М. Юровский пошел на заведомую ложь, когда в 1927 г. сдавал свое оружие, изготовленное... «*начале 20-х годов*»!

Но все это, разумеется, не более чем абсурд, посему автор считает необходимым дать некоторые пояснения относительно выпусков пистолетов Маузера К-96 кал. 7,63 мм за различный временной период, что наверняка поможет некоторым исследователям в их дальнейших изысканиях.

ВЫПУСК РАЗЛИЧНЫХ ПИСТОЛЕТОВ МАУЗЕРА К-96 КАЛ. 7,63 ММ ОРУЖЕЙНОЙ ФИРМОЙ «МАУЗЕР» (1895–1918 ГГ.)

Время изготовления	Заводские номера	Примечания
С марта 1896 г. по сентябрь 1896 г.	С № 0 по № 90	Прототипы и различные инженерные разработки
С сентября 1896 г. по апрель 1897 г.	С № 90 по № 360	Так называемая «переходная модель» (Выпуск опытной серии.)
С апреля 1897 г. по конец 1898 г.	С № 360 по № 14 999	Первые выпуски Мод. «К-96»
С января 1899 г. по конец 1899 г.	С № 1 по № 5000	Поставки по контракту для итальянских ВМС. Общее количество пистолетов, выпущенных к концу 1899 г., составило 19 632 шт.
С 1900 г. по середину 1902 г.	С № 20 000 по № 35 000	Вторые выпуски так называемой «плоской модели», усовершенствованной для нужд армии
С 1902 г. по 1905 г.	С № 35 000 по № 50 000	Третьи выпуски «плоской модели» армейского образца
С 1905 г. по 1910 г.	С № 50 000 по № 90 000	Четвертые выпуски, сделанные по типу Мод. 1898 г.
С 1910 г. по 1912 г.	С № 90 000 по № 130 000	Выпуски пистолетов с емкостью магазина на 6 патронов осуществлялись с № 90 000 по № 120 000. Далее – вновь производство пистолетов с емкостью магазина на 10 патронов
С 1912 г. по 1918 г.	С № 130 000 по № 300 000	Разработка новой модели с емкостью магазина на 10 патронов. С 1915 г. серия пистолетов изготовлялась с № 280 000

Из приведенной таблицы видно, что пистолет Маузера К-96/12 зав. № 161474 мог быть выпущен между 1912 и 1915 гг. А если говорить точнее, то скорее всего в 1913–1914 гг., то есть накануне Первой мировой войны, что, естественно, соответствует интересующему нас временному периоду.

Однако «таинственная история» этого пистолета отнюдь не заканчивается на «спиленных номерах», легенда о которых вполне могла возникнуть в связи с отсутствием его заводского номера в соответствующей графе Акта приема-передачи от 25 сентября 1946 г.

В № 1 журнала «Родина» за 1993 г. (выпуск которого был посвящен 380-летию Российского Императорского Дома Романовых) была помещена фотография этого пистолета, имевшая пояснительную надпись: «Пистолет, принадлежавший Юровскому, из которого был убит последний российский император...»

А далее и вовсе начинаются чудеса...

В № 7 этого же журнала за 1997 г. было помещено фото револьвера Нагана обр. 1895 г. (выпуска не ранее 1940 года, на что указывает его модифицированная мушка), под которым с легкой руки обозревателя Льва Анненского появилась надпись: «*Револьвер, из которого был застрелен Николай II*»...

И как, читатель, прикажешь это расценивать? Как очередную сенсацию или очередной «журналистский ляп»?

Однако оставим сей «пассаж» на совести Льва Анненского. Ибо он, готовя для печати свое очередное интервью с прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым, видимо, не осознавал в полной мере того, что вина за подобные «ляпы» зачастую может быть расценена не как ошибка отдельно взятого журналиста, а раздута до масштабов «некомпетентности» всего следствия в целом...

Что ж, продолжение, как видно, следует...

Эпилог

Надо сказать, что Петру Захаровичу Ермакову крупно повезло.

В отличие от многих боевых товарищей его как-то обошла стороной машина сталинского террора, не подвергнув каким-либо репрессиям и не одарив клеймом «врага народа».

Единственное, о чем он глубоко сожалел на протяжении всей своей жизни, так это лишь о том, что он – старый большевик был незаслуженно обойден властями, не получив за свои революционные подвиги никакой награды, пусть даже в виде самого плохонького орденочка... Конечно, доживи Петр Захарович до юбилейного 1967 года, в который вся страна широко отмечала 50-летие Великого Октября, он, безусловно, был бы представлен как минимум к ордену Октябрьской Революции. Но этого не случилось. Петр Захарович к тому времени умер, вот уж как 15 лет...

Не секрет, что самым любимым рассказом Петра Захаровича Ермакова было повествование о его личном участии в расстреле Царской Семьи. Причем с годами его рассказы обрастали все новыми и новыми подробностями. «Вот этой самой рукой!» – любил повторять Ермаков, когда выступал на всякого рода собраниях и встречах с трудящимися. «Вот этой самой пролетарской рукой мною лично были расстреляны царь, царица и наследник!» – уже в который раз говорил он. И всякий раз при этом, как бы в подтверждение сказанному, картинно потрясал рукой в воздухе, мысленно представляя зажатый в ней пистолет Маузера.

И ему верили. Да и как было не верить ему – старому большевику и соратнику самого Якова Свердлова! И хотя ведомство «товарища Берии» во время визита Ермакова в Москву зимой 1946 года наложило запрет на его выступления с рассказами об участии в расстреле Царской Семьи, он хотя и осторожно, но продолжал таковые, ставшие фактически всем делом его жизни. Ибо больше всего на свете ему не хватало всеобщего признания. Тем более что за прошедшие с того времени годы Ермаков так вжился в роль «главного цареубийцы», что и сам, наверное, уже верил тому, что говорил.

Проживая в Доме Старых Большевиков по улице 8 Марта, П.З. Ермаков в погожую погоду часто выходил во двор, где, сидя на скамье за столиком, любил хвалиться своими «революционными подвигами». Слушавшие его лица из числа проживающих в этом же доме видных советских и партийных работников часто возражали и даже спорили с ним, уличая в неправде. Как правило, подобное недоверие страшно выводило его из себя, но вскорости все повторялось сначала.

А еще знавшие его люди запомнили, что Петр Захарович фактически не признавал никакой другой обуви, кроме сапог. Но голенища таковых в своей верхней части у него были всегда надрезаны из-за постоянных болей в ногах, происходящих из-за плохой циркуляции крови.

Поговаривали также, что из органов он уволился не по причине болезни, а «вылетел с треском» по причине неприкрытого мародерства, которым постоянно грешил, работая в системе ГУМЗ УНКВД по Свердловской области. И думается, что сие обстоятельство весьма похоже на правду, если хотя бы вспомнить случай с золотым портсигаром Императора Николая II, который П.З. Ермаков пытался себе присвоить сразу же после убийства Царской Семьи.

Любил он также часто захаживать в находящуюся при доме столовую-распределитель. В большинстве случаев обходилось без эксцессов. Но стоило подвыпившему Петру Захаровичу увидеть за буфетной стойкой нового продавца, как лицо его сразу же преобразалось и, подходя уже нетвердыми шагами к буфету, он восклицал: «Кружку пива с прицепом!» (Словом «прицеп» на местном жаргоне обозначался налитый «под маруськин поясок» стакан водки.) Выпив залпом стакан и запив его несколькими глотками пива, П.З. Ермаков, как пра-

вило, оставлял кружку недопитой, после чего всякий раз следовал к выходу, опасаясь, что его может развезти окончательно. А на справедливую просьбу оказавшегося в неудобной ситуации продавца (эту столовую, как правило, посещали видные большевики и члены их семей) оплатить свой заказ, Петр Захарович всякий раз гневно восклицал: «Ты что, не видишь, кто перед тобой? Не знаешь? Я – Ермаков! Я царя убил и всю его семью! Я первым устроил на Урале крематорий! Осознаешь – ты, работник “Нарпита”?» После чего картинно выдерживал паузу и уходил, провожаемый сочувственным взглядом работника общественного питания...

В 1935 г. у П.З. Ермакова был обнаружен рак горла на своей ранней стадии, который стал официальной причиной его увольнения из органов. Испугавшись не на шутку, Петр Захарович мысленно стал готовиться к самому худшему... Но случилось невероятное: болезнь, едва проявившись, отступила... Ибо Господь подарил цареубийце еще 17 лет жизни, за которые он так и не осознал совершенного им злодеяния...

В начале 1950 года вновь наступило ухудшение здоровья. А затаившийся на годы рак обожженного алкоголем горла начал проявляться уже во всей красе, почти полностью лишив его возможности общения. Неутешительными оказались также и анализы крови из-за цирроза печени, доведенной до последней стадии своего существования многолетними излияниями Петра Захаровича...

Будучи помещенным в спецбольницу, находившуюся в доме бывшего Главного Начальника Горных заводов (сейчас – Свердловская областная больница № 2), он встретился со своим давним знакомым – В.Я. Ильичевым (Заместителем главного редактора газеты «Уральский рабочий»), проходившим там в то же время курс лечения. А так как В.Я. Ильичев на протяжении долгих лет собирал материалы по теме гибели Царской Семьи, он не преминул воспользоваться этим случаем. Но, к великому сожалению, у Владимира Яковлевича так ничего и не вышло. Как не выходило ранее и у одного из самых, казалось бы, ближайших его соратников – М.И. Медведева, во время работы последнего над своей книгой «По долинам и по взгорьям». Ибо после 1946 года П.З. Ермаков закрыл свой рот, что называется, «на замок» и про убийство Романовых не распространялся уже более никогда. Причем как в трезвом, так и в пьяном виде. А на задаваемые ему вопросы по этой теме всякий раз начинал лишь громко материться...

В конце апреля 1952 г. уже по-настоящему умирающего Ермакова вновь поместили в спецбольницу, которая, кстати говоря, находилась совсем недалеко от места его «революционного подвига» – дома Ипатьева. (Кстати говоря, в связи с особенностью болезни последнего кажется весьма интересным заявление А.П. Мурзина о его беседе с Ермаковым буквально за месяц до его смерти!) К середине мая П.З. Ермаков уже перестал узнавать посещавших его родных, а за несколько дней до смерти впал в бессознательное состояние, крича ночами от мучавшей его боли...

Так без покаяния и без креста уходил из жизни цареубийца Петр Ермаков...

И в шеренге таковых его смерть была уже четвертой после умершего от прободной язвы Я.М. Юровского и расстрелянных оппозиционеров-троцкистов – А.Т. Парупа (А.Я. Биркенфельда) и С.А. Бройда.

За два года до своей кончины Ермакову была назначена весьма неплохая по тем временам пенсия в 1200 руб. А по прошествии пяти лет после его смерти вдове была назначена персональная пенсия в 550 рублей. Однако ей этого показалось мало, и уже в ноябре 1959 года она пишет письмо в ЦК КПСС, адресованное лично Н.С. Хрущеву, к которому обращается с просьбой *«увеличить пенсию, т. к. очень больна и находится в тяжелом материальном положении»*. Административный Отдел ЦК КПСС переправил письмо Т.А. Ермаковой в Комиссию о реализации пенсионных прав граждан, которая в своем заседании от 13 декабря 1959 года ходатайство Т.А. Ермаковой отклонила...

Ранее уже говорилось, что Ермаков был похоронен на одном из самых престижных городских кладбищ – Ивановском. То есть, на таком кладбище, где до 1917 года хоронили самых именитых граждан Екатеринбурга. Свое «почетное место» могила Ермакова заняла в непосредственной близости от могилы известного уральского писателя П. Бажова, который подобно Ермакову отстаивал с оружием в руках Советскую власть в составе знаменитого на весь Урал подразделения – полка «Красных Орлов».

Поначалу на могиле Ермакова был установлен его барельеф, который со временем упал и разбился. (Сейчас места его бывшего крепления многими посетителями этого некрополя принимаются за следы от пуль...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1. Немецкий Райхспатент (Deutsche Reich Patent) за № 90430 был выдан 11 сентября 1895 г.
2. Не переводимое на русский язык словосочетание слов «веник», «метла» и слов «рукоятка», «ручка» и пр.
3. В некоторых, более поздних моделях емкость магазинной коробки была рассчитана на 6 и 20 патронов.
4. У ранних модификаций пистолета Маузера планка прицела была насечена до 700 и даже до 500 метров. А пистолеты самых первых выпусков, как, например, мод. 1905 г. с длиной ствола 101 мм, имели постоянные прицелы, выполненные в виде целика.
5. За его основу был взят патрон 7,63 mm Borchardt, сконструированный американским оружейником Х. Борхартом для его самозарядного пистолета модели 1893 г., выпускавшегося в Берлине предприятием Waffenfabrik Loeve. А точнее, одна из его модификаций 1893 г.
6. «Маузером № 1» называли карманную модель пистолета Маузера 1910 г. кал. 6,35 мм.
7. Впоследствии некоторые элементы конструкции Астры были использованы фирмой «Маузер Веерке АГ» в выпускаемых ей моделях маузер 711 и маузер 712, которые также были снабжены переводчиком режима огня и имели сменные магазины на 10, 20, 40 патронов.
8. 11 сентября 1926 г. на заседании Комиссии Уральского обкома ВКП(б) было принято решение о том, что созданием Уральского Музея революции будет заниматься непосредственно Уральский Истпарт. (Истпарт – структурное подразделение Уральского Обкома ВКП(б), созданное для сбора, комплектования и популяризации документов по истории революционной борьбы и становления Советской власти на Урале.)
9. ЦДООСО. Ф. 224, оп. 2, д. 845, л. 7.
10. Это обстоятельство было вызвано тем, что с 1946 по 1952 гг. экспозиция СГОИКМ располагалась в помещении бывшего Вознесенского храма. А после того, как музей получил помещения в бывшем доме А.Ф. Поклевского-Козелла и на территории бывшего Ново-Тихвинского девичьего монастыря, была проведена новая фондовая проверка, результатом которой и явилась означенная запись.

11.

«С/м» – аббревиатура «Свердловский музей» (СГОИМК).

12.

«Реликвии Октября». Свердловск, 1987. Составители: Л.Ф. Муртузалиева, Б.А. Свалова, С.Б. Кохан.

13.

В выпущенном в 1989 г. каталоге СГОИМК «Стрелковое и холодное оружие периода революции и гражданской войны» (Составитель: к.и.н. Г.Н. Шапочников) описание этого пистолета было осуществлено более грамотно: «60. с/м 508; 0-79. Пистолет системы Маузера, обр. 1896 г. (модель 1912 г.), зав. № 161474. Германия, начало XX в., г. Оберндорф. На раме клеймо: «Waffenfabrik, Mauser Oberndorf, A. NECKER. На стволе тоже клеймо. Сохранность: подающая пружина магазина, боек, ударник с пружиной утеряны. Ствол просверлен».

14.

У Петра Ермакова было два старших брата – Николай и Степан, а также младший брат Алексей. Отец П.З. Ермакова – З.С. Ермаков скончался в 1900 г., а мать – в 1922-м.

15.

Новгородцева Клавдия Тимофеевна (впоследствии К.Т. Новгородцева-Свердлова) (1876–1960) – советский и партийный деятель. Из семьи купца. Окончила Екатеринбургскую классическую женскую гимназию, училась в Петербурге на Курсах воспитательниц и руководительниц физического воспитания П.С. Лесгафта, по профессии – Домашняя учительница. Член РСДРП с 1904 года. В 1904–1907 гг. занималась пропагандистской деятельностью, была членом Екатеринбургского и Пермского Комитетов партии. Участник IV съезда РСДРП. Свой дом использовала в качестве штаб-квартиры екатеринбургских большевиков. Находилась в фактическом браке с Я.М. Свердловым. Подвергалась арестам и ссылке. После событий Февральской смуты 1917 г. заведовала книгоиздательством ЦК РСДРП(б). В 1918 г. – член ВЦИК, работник его аппарата. С 1918 по 1920 г. заведовала Секретариатом ЦК РКП(б). Участвовала в работе VI и VII съездов партии, II Всероссийского съезда Советов. С 1920 по 1931 г. заведовала Отделом детских учреждений ВЦИК, детской литературы и детских учебников ОГИЗ, работала в Главлите. С 1946 г. – Персональный пенсионер Союзного значения. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

16.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918 – февраль 1920.) Составитель Н.Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, Издательство «Посев», 1987, с. 432.

17.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на Урале». Часть I. М., Издательство «Скифы», 1991, с. 287.

18.

Так тогда называлась городская тюрьма.

19.

С упразднением Вологодской губернии и всех ее уездов 14 января 1929 г. и преобразованием таковой в Вологодский Округ Северного края бывший Вельский уезд был выведен из ее состава и впоследствии вошел в состав Архангельской области.

20.

Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), занимавшаяся собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. С августа 1920 г. создан при Государственном издательстве. 21 сентября 1920 г. СНК Р.С.Ф.С.Р. принял подписанное В.И. Лениным постановление об учреждении Истпарта при Народном Комиссариате Просвещения. 1 декабря 1921 г. Истпарт был введен в структуру ЦК РКП(б) на правах отдела. Сначала в Истпарт входило 9 человек, назначаемых СНК Р.С.Ф.С.Р., но впоследствии его состав был увеличен. Возглавляла Истпарт Коллегия (с 1924 г. – Совет). Повседневное же руководство его работой осуществлял Президиум: Председатель – М.С. Ольминский, Зам. председателя – М.Н. Покровский и Секретарь – В.В. Адоратский.

21.

РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 7.

22.

Там же, л. 8.

23.

Муниципальный музей истории города Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 387/Д1-554.

24.

ГАРФ. Ф. 539, оп. 6, д. 8796, л.л. 35–36.

25.

После завершения окончательного разгрома гитлеровской Германии в мае 1945 г. на ее территории работали многочисленные комиссии Группы Советских оккупационных войск в Германии, которые занимались организацией учета и вывоза трофейного имущества бывшего Третьего Рейха. Среди этих комиссий было и немало таких, которые вели поиск и осуществляли сортировку различной секретной или особо ценной архивной документации, которая в последние месяцы войны была эвакуирована из мест своего постоянного хранения. Как правило, эти комиссии состояли из специально отобранных сотрудников ГРУ ГШ НКО СССР, выполняющих эту задачу по личному приказу Зам. Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова, или НКГБ СССР, выполняющих точно такую же задачу по личному распоряжению Наркома Внутренних Дел Л.П. Берии. По мере поступления информации эти комиссии могли работать, что называется, «бок о бок» на одних и тех же объектах. Вследствие этого, на одном из таких объектов в г. Бернау две подобные группы занимались разбором папок с документами на русском языке, обнаруженных в одном из подвальных помещений. Среди многих документов, помеченных штампом Имперской Канцелярии, было обнаружено 7 томов Следственного Производства Н.А. Соколова и один не имеющий копий том из личного архива Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса. В связи с разницей в подведомственности каждой из указанных групп обнаруженные материалы были переданы для ознакомления в два разных наркомата: Наркомат Обороны СССР и

Наркомат Государственной Безопасности СССР. Примечательно, что первые четыре тома Следственного Производства (попавшие в НКО СССР) были впоследствии переданы в Архив Главной Военной Прокуратуры, где находились на хранении до недавнего времени. В свою очередь оставшиеся три тома и том из личного архива Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса попали в НГБ СССР, после чего в 1946 году (в связи с переименованием Наркоматов в Министерства) стали числиться за ГУ МГБ СССР, откуда в 1948 году передаются в Центральный архив МГБ СССР. (Впоследствии в связи с объединением МГБ СССР и МВД СССР в одно ведомство таковые с 1953 года стали числиться за ЦА МВД СССР, а начиная с 1954 года – за ЦА КГБ СССР.) Материалы следствия, имеющиеся в этих томах, дают ответы на многие вопросы, но вместе с тем с ними был связан один весьма занимательный случай, относящийся к биографии М.А. Медведева (Кудрина).

26.

Аффинажный завод – производство, занимающееся металлургическим процессом получения благородных металлов высокой чистоты путем их разделения и отделения загрязняющих примесей. В данном случае имеется в виду первый в России Екатеринбургский частный платиново-аффинажный завод, принадлежавший Акционерному Обществу Николо-Павдинского Горного Округа. Его постройка началась после получения соответствующего правительственного разрешения, последовавшего 14 мая 1914 г. В соответствии с полученными договоренностями это производство специализировалось на выпуске черновой платины общим объемом не более 450 пудов в год (7,2 т). В 1915 г. завод выдал первую продукцию под руководством его Главного инженера Н.Н. Барабошкина. Однако с началом Гражданской войны работа этого предприятия была остановлена из-за отсутствия поставок сырья.

27.

Бирюков Е.М. Фотограф «Товарищ Маузер». Журн. «Уральский следопыт». 1979. № 10, с. 78.

28.

Медведев А.И. По долинам и по взгорьям. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1960, с. 32, 33.

29.

Бирюков Е.М. Фотограф «Товарищ Маузер». Журн. «Уральский следопыт», 1979, № 10, с. 78.

30.

Дитерихс М.К. Указ. соч., с. 287.

31.

Летом 1917 г. поселок Верх-Исетского завода являлся пригородом Екатеринбурга и не имел статуса городского района. Однако неофициально он все же считался таковым и именовался как 4-й район Екатеринбурга.

32.

4-й район резерва Красной Армии являлся воинской структурой 4-го района Екатеринбурга и находился в подчинении Центрального Штаба Красной Гвардии города Екатеринбурга.

33.

Дитерихс М.К. Указ. соч., с. 287.

34.

Список этих людей приводится Н.А. Соколовым в его книге «Убийство Царской Семьи».

35.

Уроженец поселка Верх-Исетского завода Степан Петрович Ваганов (1886–1918) был призван на флот в 1910 г. Окончил Минно-торпедную школу в Кронштадте. Проходил службу на крейсере 2-го ранга «Азия». Матрос 2-й статьи. За проявленную храбрость в морских сражениях, при попытке прорыва германского флота в Рижский залив неоднократно отмечался в донесениях. Член РСДРП(б) с 1915 г. Впервые был арестован в 1916 г. за попытку пронести на корабль номер газеты «Пролетарский голос» Петроградского Комитета РСДРП(б). Был осужден на 6 месяцев. Наказание отбывал в Ревельской береговой тюрьме. До октября 1917 г. служил в команде сторожевого судна «Ворон». Дезертировал в ходе большевистского переворота и объявился в Екатеринбургe в январе 1918 г.

36.

ЦДООСО, Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.

37.

Во многих источниках датой рождения Я.М. Юровского указывается 3 июля (21 июня) 1878 г. Однако это неверно, так как, по имеющимся сведениям Департамента полиции, мещанин г. Каинска Я.М. Юровский родился 19 июня (ст. ст.) 1878 г. А так как в XIX веке разница в датах между календарями старого и нового стиля составляет 12 дней, следовательно, датой рождения Я.М. Юровского по новому стилю следует считать 1 июля 1878 г.

38.

В 1935 г. город Каинск был переименован в город Куйбышев. (А всего в СССР имя В.В. Куйбышева было присвоено 11 городам, ранее носящим другие имена.) Ныне входит в состав Новосибирской области.

39.

Юровский Я.М. Последний царь нашел свое место. Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3, оп. 58, д. 280. (Опубл. Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах Предварительного Следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления Составитель Ю.А. Жук. М., ООО «Издательский дом «Вече», 2008, с. 289.)

40.

Это сыновья: Мойша (р. 1868), Пейсах (р. 1875), Янкель (р. 1878), Борух (р. 1879), Эле-Мейер (р. 1882), Лейба (р. 1888) и сестра Перла (р.?). Еще один, самый младший в семье ребенок, умер в малолетстве.

41.

В книге Н.А. Соколова «Убийство Царской Семьи» это учебное заведение ошибочно названо «школой «Талматейро». Хотя ее правильное название – «Талмуд-Тора». Однако не следует забывать, что на разных еврейских диалектах слово «Тора» звучит по-разному. Так, на ашкеназском – юго-восточном диалекте (в Польше и в Украине) оно произносится как «Тойра», а на северо-восточном (в Белоруссии и Литве), как «Тэйро». Посему человек,

произнесший его на следствии, вероятнее всего, просто «проглотил» окончание в слове «Талмуд», результатом чего и появилось это неверное словосочетание.

42.

Абрам Эфраимович Дондо был крупным скотопромышленником и торговцем мясом в Томске и губернии, одновременно являясь основным поставщиком мяса для еврейской общины города. А его родной брат Моисей держал трактир в принадлежавшем ему доме. В 1912-м А.Э. Дондо состоял старостой каменной синагоги Томска на Магистратской улице.

43.

Юровский Я.М. Указ. соч. (Опубл. Исповедь цареубийц, с. 289.)

44.

Там же.

45.

Там же.

46.

Дата указана по старому стилю.

47.

23 октября/4 ноября 1890 г. Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович отправился в длительное путешествие вокруг Азии. Морская часть маршрута начиналась в Италии, где Наследник Цесаревич и сопровождающие Его лица, разместившись на борту фрегата «Память Азова», отправились в Италию. Из Италии фрегат проследовал в Египет, оттуда – в Японию, делая длительные остановки в Индии (с заходом на о. Цейлон), Индонезии – Батавии (о. Ява), Сиаме, Сайгоне (Французский Индокитай), Гонконге, Ханькоу, Шанхае (Китай) и пр. Конечной точкой маршрута стал Владивосток, куда Наследник Цесаревич прибыл 11/23 мая 1891 г. и 19/31 мая присутствовал при закладке памятника Адмиралу Г.И. Невельскому, а также закладке главной железной дороги России – Уссурийского участка Сибирской магистрали и здания железнодорожного вокзала на ст. «Владивосток». Из Владивостока обратный путь Наследника Цесаревича проходил уже сухопутными и речными путями через бескрайние сибирские просторы с остановками во всех крупных городах – Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Чита, Красноярск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург и Москва, откуда Он прибыл в Санкт-Петербург 4/16 августа 1891 г. Именно во время возвращения в столицу Его путь лежал через губернский Томск, где Я.М. Юровский впервые имел возможность увидеть будущего Государя.

48.

Юровский Я.М. Указ. соч. (Опубл. Исповедь цареубийц, с. 289.)

49.

Там же, с. 290.

50.

На этот факт указывает справка, полученная из Архива революции и внешней политики, находящаяся в личном деле Я.М. Юровского как члена ВОСБ. Однако какие-либо

подробности этого дела до сих пор не изучены исследователями, так как архив Томского ГЖУ был подожжен и сгорел во время революционных беспорядков в феврале 1917 г.

51.

Текст письма Я.М. Юровского, равно как и время его отправки, до сих пор не известны. Однако между его написанием и получением ответа должно было пройти никак не менее одного года.

52.

Текст этого письма впервые был опубликован в ПСС Л.Н. Толстого, выпущенного в 60-е годы.// Л.А. Лыкова, В.Б. Малкин. «Каин из города Каинска». Газ. «Час пик», № 179 (908) 1997 3 декабря, с. 14.

53.

В связи с этим обстоятельством было бы уместным привести выдержку из книги Р. Вильтона «Последние дни Романовых», которая наглядно показывает, сколь далеки от истины бывают подчас некоторые «верные источники»: «Было известно также, что он состоял в связи с одной немкой, которая не захотела за него выйти замуж из-за религии. По этой ли причине или потому, что он видел в том способ преуспеть в жизни, но Янкель в Берлине крестится по лютеранскому обряду, после чего начал официально называться Яковом. Имя отца он переделал на Михаила и стал Яковом Михайловичем. Лицо его не выдавало его происхождения. Он сходил за настоящего русского». Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, Издание Книжного Магазина «Градъ Китежь», 1923, с. 21.

54.

В некоторых своих анкетах Я.М. Юровский писал, что с 13 лет был неверующим, за границей никогда не был и иностранных языков не знает. Но это, как видит читатель, не соответствует действительности. Так как по крайней мере один язык – немецкий разговорный он, как и большинство евреев того времени, знал довольно неплохо.

55.

Автобиография члена партии с 1905 г. Я.М. Юровского. ГА РФ. Ф. 539, оп. 3, д. 9269, л. 2.

56.

На следующий день после опубликования Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г., даровавшего Русскому Народу более широкие права и свободы, в городе активизировалось большевистское подполье и прочие силы социал-демократического толка, открыто призывающие к массовым беспорядкам под лозунгом свержения Самодержавия. 20 октября 1905 г. на Соборной площади Томска собрался многотысячный стихийный митинг демократически настроенных граждан (в основном из числа интеллигенции и студенчества), на котором выступавшие, всяк на свой манер, обсуждали эту новость, породившую множество слухов. Другая же часть населения в ознаменование этого исторического события, соединившего в себе Божью Волю и Монаршую Милость, попыталась организовать Крестный ход с хоругвями и иконами. В ходе такового произошло неизбежное столкновение всех оказавшихся в то время на улицах. Причем как с одной, так и с другой стороны. С целью прекращения беспорядков и восстановления былого спокойствия в центральную часть города были стянуты войска численностью до нескольких рот, усиленные казачьей сотней. В свою очередь, охранявшие митинг силы местной самообороны (милиции) из числа самовольно вооружившихся граждан стали оказывать

активное сопротивление силам правопорядка, в результате чего на некоторых участках улиц даже произошли короткие перестрелки. Теснимые все дальше и дальше от центра, силы местной самообороны решили забаррикадироваться в здании Управления Томской железной дороги, где в то время уже находилось около 400 бастовавших рабочих-путейцев, ст. «Тайга», пришедших требовать свое жалованье. Укрывшись в нем, бунтовщики не успокоились и продолжали вести стрельбу из окон, причем уже не только по военным, но и по мирным гражданам. Озверевшая толпа решила взять здание штурмом, а после нескольких неудачных попыток подожгла его. Всех же тех, кто пытался спастись от огня, выпрыгивая из окон, убивала на месте без разбора...

57.

Резник Я.М. Чекист. Повесть. (О Я.М. Юровском.) Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1972.

58.

В одном из своих посещений Санкт-Петербурга автору настоящего издания удалось посетить Музей-квартиру С.М. Кирова, в экспозиции которого было выставлено фото, запечатлевшее Я.М. Юровского в группе участников революционного движения в Сибири в 1905 г. Наряду с такими известными партийными руководителями, как С.М. Киров и В.В. Куйбышев, на ней были также запечатлены М.А. Герцман, Е.У. Белопашенцева-Пиньжакова, а непосредственно рядом с самим Я.М. Юровским – Н.Г. Сорокин.

59.

«Магазин часов и поделочных камней Я.М. Юровского» упоминается в справочном издании «Вся Россия» за 1912 г.

60.

Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М., Изд-во «Сирин», 1990, с. 171.

61.

ГА РФ. Ф. 539, оп. 3, д. 9269, л. 2.

62.

Осокорь – растение семейства Ивовые, вид рода Тополь.

63.

Я.М. Юровский опознал свою шубу-барнаулку на Ф.И. Голошкекине, которого встретил в Екатеринбурге у синемаатографа «Колизей» вечером 21 февраля 1913 г. Эту шубу он сшил себе на заказ в Томске, а позднее отдал ему в дар во время побега «Товарища Филиппа» из Нарымской ссылки. «Эпизод с шубой» подробно был описан в книге Я.Л. Резника «Чекист». (См.: Резник Я.Л. Указ. соч., с. 36).

64.

В ГАРФ (Фонд Особого Отдела Департамента Полиции) хранится документ следующего содержания: «Каинскому мещанину Якову Михайлову Юровскому Томским Губернатором, в интересах охранения общественного порядка, на основании п. 4. ст. 16 Положения об усиленной охране ввиду вредного направления деятельности названного Юровского, воспрещено на все время действия указанного положения жительство в пределах Томской

губернии с правом избрания Юровским места жительства». (М.Д. де Дзулиани. Царская семья. Последний акт трагедии. М., Художественная литература, 1991, с. 99.)

65.

ДП, № 74.3, 1912.

66.

Некоторые исследователи, не зная настоящего названия этого фотоателее, называют его «электрофотографией», что в принципе неверно.

67.

В книге Резника Я.Л. «Чекист» рассказывается о происходивших в Томске событиях 20–22 октября 1905 г. (См. п. 20 прим. к наст. главе.) В советское время происходившие в Томске беспорядки свалили на черносотенцев. Однако факт остается фактом: сотни закрывшихся в нем людей погибли в огне, так и не сумев выбраться из горящего здания. И лишь единицам удалось спастись, проделав путь к свободе через подвальные помещения. Одним из этих затворников (со слов Резника Я.Л.) был и Я.М. Юровский, который якобы и спас томского меньшевика и владельца ювелирного магазина Б.И. Нехида. В довершение к этой трагедии в городе в течение нескольких дней учинялись еврейские погромы, вынудившие многих представителей этой национальности покинуть насиженные места. Не стал исключением и Б.И. Нехид, продавший свое дело в Томске и перебравшийся в Екатеринбург, где сумел почти сразу же открыть аналогичное. А встретившись в 1912 г. с Я.М. Юровским, случайно заглянувшим в принадлежавшую ему ювелирную мастерскую в поисках работы, в благодарность за свое спасение решил помочь ему в организации собственного дела, зарегистрированного на имя его супруги.

68.

Резник Я.Л. Указ. соч., с. 30.

69.

На всех фото Я.М. Юровского, запечатлевших его в военной форме и фуражке, четко усматривается Ополченский крест, расположенный на ее тулье. По иронии судьбы, носимый главным цареубийцей крест имел в своей центральной части вензель Государя – Н II – и надпись на лучах «За Веру Царя и Отечество».

70.

Архипов К.С. никуда не уезжал из Екатеринбурга, а продолжал оставаться в этом городе, пользуясь после Октябрьского переворота личным покровительством Я.М. Юровского.

71.

Гибель Царской семьи. Составитель Н.Г. Росс, с. 408, 409.

72.

Аничков В.П. Указ. соч., с. 54.

73.

Никулин Григорий Петрович (1895–1964) – сотрудник УОЧК в 1918 г., Помощник коменданта Дома Особого назначения. Один из участников убийства Царской Семьи. Впоследствии на партийной и советской работе. Персональный пенсионер Союзного

значения. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. (Автобиографию Г.П. Никулина см. в книге «Исповедь царевбийца», с. 197, 198.)

74.

Родзинский Исая (Исайя) Иделевич (1897–1987) – член Коллегии УОЧК в 1918 г. Участник тайного «захоронения» Царской Семьи. Впоследствии на партийной и советской работе. Персональный пенсионер Союзного значения. Похоронен в Москве, в колумбарии Донского крематория. (Автобиографию И.И. Родзинского см. в книге «Исповедь царевбийца», с. 402–405.)

75.

Голощекин Филипп Исаевич (наст. имя Иешуи-Ицка Исаакович) (1876–1941) – видный партийный и советский государственный деятель. Член РСДРП с весны 1905 г. Партийные клички: «Фрам», «Газетчик Котиссе», «Филипп». Участник борьбы за установление Советской власти на Урале и в Сибири. Главный организатор убийства Царской Семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Окончил курс гимназии в Невеле и Зубоврачебную школу в Риге. Работал зубным техником в Санкт-Петербурге. Вел революционную работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и др. городах. Участник Революции 1905–1907 гг. С 1906 г. – член Петербургского Комитета РСДРП, с 1907 г. – Ответственный организатор и член Петербургского Исполкома РСДРП. С 1909 г. работал в Московском Комитете РСДРП. В 1909 г. арестован и сослан в Нарымский край, откуда бежал на следующий год. В 1912 г. на 6-й (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК и его Русского Бюро. В 1912 г. избран членом ЦК РСДРП. В 1913 г. вновь арестован и выслан в Туруханский край, где отбывал ссылку вместе с Я.М. Свердловым. Освобожден в ходе событий Февральской смуты. По прибытии в Петроград – представитель ЦК в Петербургском Комитете РСДРП(б), делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б). По инициативе Я.М. Свердлова в мае 1917 г. командирован на Урал. Член и Секретарь Пермского Комитета РСДРП(б), затем член и Секретарь Уральского Обкома РСДРП(б). Делегат VI съезда РСДРП(б). Состоял членом Пермского, а затем Екатеринбургского Советов, членом Исполкома Уральского Облсовета. Формировал и возглавлял Красную Гвардию. В середине октября в качестве делегата 2-го Всероссийского съезда Советов прибыл в Петроград. Вошел в состав Петроградского ВРК, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании. На 2-м съезде Советов рабочих и солдатских депутатов избран чл. ВЦИК. Участвовал в переговорах ВЦИК с Викжелем. По приезде в Екатеринбург в ноябре 1917 г. участвовал в ликвидации прежних местных государственных структур. С декабря 1917 г. – член Екатеринбургского и Уральского Областных Комитетов РСДРП(б). После сдачи Екатеринбурга в июле 1918 г. переехал в Пермь, а затем в Вятку. Впоследствии возглавил Сибирское бюро ЦК РКП(б). С октября 1922 по 1925 г. Ф. И. Голощекин являлся Председателем Самарского Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Председателем Самарского Губисполкома и членом Самарского Губкома РКП(б). С октября 1924 по 1933 г. занимал должность Первого Секретаря ЦК Компартии Казахстана. Осуществлял насильственные меры по переводу кочевников на оседлый образ жизни и политику продразверстки, что привело к голодомору и миллионным жертвам со стороны местного населения. С 1933 по 1939 г. – Главный государственный арбитр СССР. Арестован 15 октября 1939 г. по личному указанию И.В. Сталина. Расстрелян без суда по устному распоряжению Л.П. Берии в числе прочих бывших военачальников и политических деятелей 28 октября в пригороде Куйбышева. Реабилитирован в 1961 г.

76.

Медведев Михаил Михайлович (р. 1925) – историк-архивист, сын М.А. Медведева (Кудрина).

77.

Радзинский Э.С. Господи, спаси... и усмири Россию. М., Вагриус, 1993, с. 454.

78.

Этим документом было удостоверение за подписью Председателя Президиума Уральского Областного Совета А.Г. Белобородова, выданное Г.П. Никулину как лицу, уполномоченному сопровождать в Пермь груз специального назначения в двух вагонах. (Под этим специальным грузом подразумевались личные вещи, принадлежавшие Царской Семье и Ее верным слугам.)

79.

Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 430, 431.

80.

Данная расписка хранилась в семье Юровских. Копия ее машинописного текста была получена М.К. Касвиновым (автором книги «Двадцать три ступени вниз») от сына Я.М. Юровского – А.Я. Юровского в ноябре 1973 г.

81.

Пистолеты Маузера К-96 модель 1912 г. (К-96/12) выпускались с длинным (140 мм) и коротким (98 мм) стволом.

82.

Здесь и далее приводятся фрагменты этой беседы, организованной по инициативе М.М. Медведева Заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС И.Ф. Ильичевым и его заместителем А.Н. Яковлевым. Данная беседа происходила 13 мая 1964 г. в помещении Государственного комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР (Москва, ул. Пятницкая, 25) и была записана на магнитофонную ленту. Впоследствии лента с записью этой беседы была расшифрована в виде машинописного текста (подвергнувшись в результате купирования значительному сокращению), одна из копий которого была передана для закрытого хранения в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), где находится по настоящее время под наименованием: «Запись беседы с Г.П. Никулиным о расстреле семьи Романовых 13.05.1964».

83.

РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л. 44.

84.

Как уже говорилось выше, все они имели надпись на русском языке «англ. заказ» и индекс «С» перед заводским номером.

85.

Этот пистолет зарегистрирован в ГИК № 1 СГОИКМ как музейный предмет «С/м 505; 0–77».

86.

Об этом факте 27 мая 1964 г. сообщала Директор Государственного Музея Революции СССР А.И. Толстихина в ответе на запрос зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

87.

Причиной ареста Р.Я. Юровской (1898–1980) послужило ее сочувствие троцкистам. На момент такового она занимала должность Зав. Промышленно-транспортным отделом Ростовского Горкома ВКП(б). Пробыв в сталинских лагерях до 1950 г., была выслана на поселение в Южный Казахстан, где работала экономистом МТС совхоза Пахта-Арал до 1957 г. В феврале – марте 1956 г. Р.Я. Юровская была полностью реабилитирована и восстановлена в партии с прежним стажем с 1917 г. Последние годы жизни проживала в Ленинграде.

88.

Помимо перечисленных выше должностей, Я.М. Юровский в июле 1918 г. перевозил в Москву принадлежавшие Царской Семье драгоценности и наиболее ценные носильные вещи, был комендантом поезда 3-Бис («Золотого эшелона»), перевозившего в Москву золото и платину уральских банков. А также по рекомендации Ф.Э. Дзержинского и В.И. Ленина поочередно состоял в должности Члена Коллегии МЧК и Заведующего Золотым отделом Гохрана.

89.

Отец Г.П. Никулина сильно злоупотреблял алкоголем.

90.

Во время своего выступления на «Совещании старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале», состоявшемся 1 февраля 1934 г. в Свердловске, Я.М. Юровский упоминает о том, что впервые познакомился с книгой Н.А. Соколова буквально за полтора-два месяца до упоминаемого совещания. То есть если ему поверить, то получается, что он не имел возможности ее просмотра до конца 1933 г. На основании вышесказанного автор не берет на себя смелость утверждать, что Я.М. Юровский был знаком с этой книгой уже в 1927 г. Но и не исключает того, что он просто не мог быть не слышан о данном издании.

91.

О своем участии в деле убийства Царской Семьи М.А. Медведев (Кудрин) впервые напишет в своей автобиографии, датированной 1932 г. при вступлении в ВОСБ. Но, пожалуй, главное, чего он больше всего боялся, так это своей прежней связи по бакинскому подполью с бывшим оппозиционером, Г.И. Мясниковым. И не просто оппозиционера проводимой партией линии, а лично самого товарища Ленина! А посему широко распространилась версия о том, что, принимая М.А. Медведева (Кудрина) в члены своей 1-й Бакинской городской группы еще в 1911 г., Г.И. Мясников якобы поручил ему ликвидировать И.В. Сталина, заподозренного в связях с царской охранкой. И что именно с этой целью он вместе со своим товарищем А. Биркенфельдом (А.Т. Парупом) официально приобрел пистолет Браунинга мод. 1900 г. Однако, по мнению автора, эта версия выглядит несостоятельной. Ибо доподлинно известно, что в это же самое время И.В. Сталин был арестован в Санкт-Петербурге и водворен к месту своей ссылки в Вологодскую губернию.

92.

М.М. Медведев ошибается. Ф.И. Голощекин никогда не был Членом Коллегии ОГПУ СССР.

93.

Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 455.

94.

Медведев А.И. Указ. соч., с. 88.

95.

Далее почти все бойцы ермаковского отряда с целью прекращения начавшегося еще по дороге мародерства, во избежание продолжения такового были распущены, и лишь небольшая их часть была оставлена для охраны подступов к району «Ганиной ямы». Подробнее об этом факте см. в воспоминаниях Я.М. Юровского за различные годы. (Опубл. в книге «Исповедь царевубийц».)

96.

Медведев А.И. Указ. соч., с. 94.

97.

Малышев Иван Михайлович (1889–1918) – участник революционного движения и Гражданской войны на Урале. Родился в семье рабочего. Окончил Горное Училище и учительские курсы (1905). Член РСДРП с 1906 г. Вел революционную и профсоюзную работу в Верхотурье, Надеждинске, Тюмени и Екатеринбурге. Подвергался неоднократным арестам (1907 и 1911 гг.) и высылке в административном порядке за пределы Пермской губернии. С 1915 г. – член подпольного Екатеринбургского Комитета РСДРП. В это же самое время – приказчик в магазине братьев Агафуровых. С началом Первой мировой войны Екатеринбургским Воинским Присутствием был призван на военную службу. Окончил Школу Прапорщиков Военного времени. С конца 1915 г. – в одной из запасных частей в Саратове. В 1916 г. комиссован по болезни. Вернулся в Екатеринбург, где продолжал вести работу по восстановлению городской партийной организации. В январе 1917 г. вновь арестован. Освобожден из тюрьмы в ходе событий Февральской смуты. Избран председателем Екатеринбургского Комитета РСДРП, а с апреля – членом Уральского Обкома РСДРП(б), затем – Зам. Председателя Екатеринбургского Горисполкома и членом Уральского Областного Совета. Делегат VI съезда РСДРП(б). Один из руководителей установления власти большевиков на Урале. После Октябрьского переворота – член Уральского Областного Бюро Всероссийского Союза металлистов. На 3-й Уральской Областной Конференции РСДРП(б) (январь 1918 г.) был избран Председателем Уральского Областного Комитета РСДРП(б). В марте – апреле 1918 г. – на «Дутовском фронте». В мае – июне 1918 г. руководил боевыми операциями против белых и чехословаков на Златоуст-Челябинском участке Северо-Урало-Сибирского фронта. 23 июня 1918 г., следуя в своем поезде в Екатеринбург, на ст. «Тундуш» (Златоустовского уезда Уфимской губ.) был захвачен повстанцами и убит.

98.

Точная дата ранения неизвестна, равно как и дата его назначения в 1-й Стрелковый запасной полк.

99.

В тексте этого адреса говорится, что П.З. Ермаков состоял в должности Военного Комиссара «продолжительное время», из чего можно сделать вывод, что он находился в штате этой части не менее полугода, т. е. с момента окончания боев 16-й Армии на р. Березине.

100.

Знакомясь с автобиографиями П.З. Ермакова за разные годы, невольно сталкиваешься с несоответствием таковых с прочими документами его личного архива (удостоверениями, справками и т. п.), ныне хранящимися в Муниципальном музее истории Екатеринбурга. Поэтому, рассказывая о жизненном пути этого человека, автор в своих исследованиях опирался исключительно на те документы, которые не вызывают сомнения в хронологии минувших событий.

101.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 379/Д1 -552.

102.

Благодарственное письмо Председателя Политпросвета 24 Кавалерийских Уфимских Подготовительных Курсов РККА, датированное августом 1921 г.

103.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 407/Д1-580.

104.

ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79.

105.

ГА РФ. Ф. 539, оп. 6, д. 8796, л. 35 об.

106.

Вопреки существующему мнению и домыслам некоторых исследователей что, находясь на службе в Административных отделах НКВД различных округов, П.З. Ермаков якобы «по старой памяти» занимался расстрелами заключенных, это не соответствует действительности. Ибо в то время в ведении Административных отделов местных органов НКВД (как структуры Центрального Административного Управления, образованного Приказом по НКВД 3 мая 1923 г.) был контроль за исполнением декретов и постановлений органов государственной власти, наблюдение за законностью и условием содержания задержанных лиц и пр.

107.

РГАСПИ. Ф. 124, оп. 1, д. 645, л. 2.

108.

В начале 20-х годов прошлого столетия был поднят вопрос о переименовании города Екатеринбурга, так как, по мнению властей: «...имя царицы терзало пролетарский дух». Но в вопросе о том, каким все же должно быть новое название города, единства среди его жителей не было. 6 марта 1924 г. в газете «Уральский рабочий» появилась информация «К переименованию Екатеринбурга». Рабочие ряда предприятий, отмечалось в газете, считали: «...что имя тов. Свердлова многим совсем не известно, так как тов. Свердлов в легальных условиях работал очень недолго и в самом начале революции». Высказывались

также и самые разные предложения по новому названию Екатеринбурга: Андрейбург (в честь партийной клички Я.М. Свердлова – «Андрей»), Красноград, Реваншбург, Уралгород и даже Местиград (в честь казни Николая II и др. Членов Царской Семьи в этом городе в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.). На следующий день Екатеринбургский Горсовет создает специальную комиссию для решения данного вопроса. Заслушав итоги ее работы, Горсовет 14 октября 1924 г. постановил ходатайствовать перед центральными властями о переименовании Екатеринбурга в Свердловск. 30 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «...Основываясь на многочисленных постановлениях рабочих собраний и профессиональных и партийных организаций, разрешить переименование Екатеринбурга в Свердловск», которое было подписано лично И.В. Сталиным. 3 ноября 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил решение Екатеринбургского Горсовета. И с тех пор на протяжении почти семи десятилетий город именовался Свердловском.

109.

ОБЛАУ ОГПУ – Областное административное управление ОГПУ

110.

В этом году у П.З. Ермакова проявились первые признаки рака горла, которые и послужили его причиной увольнения из органов.

111.

РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л. 18.

112.

В этом постановлении говорилось о расстреле одного Государя, а не всей Царской Семьи вместе с находившимися с Ней людьми.

113.

ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79.

114.

Там же. Ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 11. (Копия.)

115.

В первоисточнике документа этот отрывок выглядел следующим образом: «Я спустился книзу совместно [с] комендантом. надо сказать, что уже заранее было распределено кому и как стрелять. я себе взял самого Никалая, Александру, доч, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верна работат, астальные были наганы».

116.

Власов Ю.П. Женевский счет. (Трилогия «Огненный крест».) М., Издательская группа «Прогресс», 1993, с. 250.

117.

До убийства С.М. Кирова в 1934 г. практически любой член ВКП(б) мог иметь без каких-либо ограничений зарегистрированное в органах милиции личное оружие.

118.

Технические условия заводского изготовления данной модели оружия никогда не предусматривали его крепления ни к какой деревянной кобуре.

119.

П.З. Ермаков и в этом случае умудрился соврать, приписав себе партийный стаж на один год, чтобы «быть ближе» к революционным событиям 1905 г.

120.

ЦДООСО. Ф. 41, оп. 2, д. 79, л. 7.

121.

«Латышами» обвиняемые и свидетели по делу называли всех тех, кто находился во внутренней охране ДОН.

122.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи, с. 343.

123.

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 34, л. 55.

124.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи, с. 162.

125.

Исповедь цареубийц, с. 187.

126.

В 1993 и 1998 г. группа ученых-энтузиастов из Центра «Уран» и Института геофизики Уральской Академии наук по инициативе доктора геолого-минералогических наук А.Н. Авдониной проводила научные изыскания на месте первичного захоронения Царской Семьи. Данная работа велась на основе различных геофизических методик и охватывала собой участок, прилегающий к заброшенному руднику, расположенному в Урочище «Четыре брата». В ходе этих работ были обнаружены некоторые предметы, идентичные найденным Н.А. Соколовым в 1919 г., а также 10 пуль и их оболочек к патрону револьвера Нагана обр. 1895 г.

127.

Корпус казенных лесничих был одним из структурных подразделений Министерства государственных имуществ.

128.

На одном из вариантов этой фотографии (переснятой с подлинника и представленной в книге А.И. Медведева «По долинам и по взгорьям» без имеющегося на таковом декоративного задника) кобура личного оружия П.З. Ермакова также имеет следы ретуши, с помощью которой обозначена ее крышка (клапан), а также свисающий вдоль бедра револьверный шнур укороченного образца.

129.

В дополнение к сказанному остается отметить, что при масштабном пересчете соотношения длины данной кобуры к длине находящегося в ней предполагаемого оружия П.З. Ермакова (в нашем случае револьвера Нагана обр. 1895 г. или пистолета Маузера К-96/12) таковая полностью соответствует длине штатного оружия, коим являлся упомянутый револьвер Нагана.

130.

Утвержденный как «Знак красноармейца и командира Красной Армии», этот отличительный символ, с введением красной пятиконечной звезды для ношения на головном уборе стал прерогативой исключительно командного состава РККА.

131.

В упомянутой уже автором книге А.И. Медведева имеется групповое фото красноармейцев Рабочего имени И.М. Малышева стрелкового полка, сделанное в Кунгуре в конце сентября 1918 г. В центре этого снимка запечатлен П.З. Ермаков, слегка оправившийся от полученного накануне ранения, в той же самой форменной одежде, подробное описание которой приводилось уже в тексте. Так вот, весьма интересной особенностью этого снимка является то, что на головных уборах сфотографированных бойцов уже имеются красноармейские звезды, а на груди их командира П.З. Ермакова – «Знак красноармейца и командира Красной Армии».

132.

Данное уголовное дело было возбуждено 19 августа 1993 г.

133.

Ранее – Центральный Музей Революции СССР.

134.

Приказ Реввоенсовета Республики № 15 (номер неизвестен) за 1923 г.

135.

А.Л. Борчанинов был единственным из всех перечисленных лиц, который не проживал в Екатеринбурге. Однако по долгу своей службы ему довольно часто приходилось бывать в этом городе.

136.

Поначалу было весьма сложно разобраться, кто есть кто на этом фото. Так, например, ознакомившись с этим снимком в середине 90-х, Ученый секретарь РЦХИДНИ (РГАСПИ) кандидат исторических наук Л.А. Лыкова идентифицировала личность А.Л. Борчанинова как В.К. Блюхера. Неизвестного с бородой (стоит крайним справа) – как Р.И. Берзина, а В.М. Быкова – как Ф.И. Голощекина...

137.

Над своей книгой «Последние дни Романовых», впервые выпущенной в Свердловске в 1926 г., П.М. Быков работал по поручению Уральского Истпарта, возглавляемого в то время его старшим братом В.М. Быковым. Второе издание книги, вышедшей в 1930 г., было фактически все уничтожено не без прямого на то указания И.В. Сталина.

138.

В своих многочисленных выступлениях П.З. Ермаков любил часто повторять, что под его непосредственным руководством все трупы Царской Семьи были обезображены серной кислотой и сожжены до пепла при помощи облитых керосином дров. И что именно благодаря ему «...был и I Крематорий над коронованным разбойником», явно намекая на то, что еще за три года до открытия в Петрограде первого в европейской части России крематория впервые «устроил» таковой на Урале.

139.

Император Николай II и Его Семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.) по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена. Книгоиздательство «Русь», 1921, с. 268.

140.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 400/Д1-573.

141.

На момент их встречи П.З. Ермакову еще не исполнился 51 год.

142.

Мэссии Р.К. Романовы. Последняя глава. Смоленск, издательство «Русич», 1997, с. 31–32.

143.

Выдержки из этой книги были напечатаны в переводе на русский язык в известных русских газетах зарубежья: «Наша страна» (Буэнос-Айрес) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

144.

Об этом и других приводимых в этом отрывке фактах П.З. Ермаков мог узнать только из стенограммы выступления Я.М. Юровского, выступившего 1 февраля 1934 г. на «Совещании Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале».

145.

На протяжении всего своего рассказа П.З. Ермаков пытался доказать, что он и Я.М. Юровский были главными действующими лицами в деле организации расстрела Царской Семьи и сокрытии следов этого преступления.

146.

Пушкарский Н.Ю. Всероссийский Император Николай II (1894–1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, «Соотечественник», 1995, с. 282.

147.

Чтобы у читателя не возникало каких-либо мыслей в отношении личности этой самой «служашей-большевички», автор хочет сразу же оговориться, что сей персонаж от начала и до конца является вымышленным. Так как при существовавшем режиме охраны и содержания в ДОН находившихся в нем узников никакие посторонние лица туда не допускались.

148.

В своих «неофициальных» рассказах о расстреле Царской Семьи и Ее верных слуг П.З. Ермаков постоянно упоминал С.П. Ваганова, что дало многим исследователям повод считать его одним из цареубийц.

149.

Видимо, Р. Хэллибертон что-то явно напутал. Ибо если представить, что П.З. Ермаков и С.П. Ваганов были вооружены пистолетами Маузера, которые действительно заряжаются из обоймы в 10 патронов, то почему их надо перезаряжать после производства шести выстрелов? И тем более непонятно, в какое, так сказать, место револьвера Нагана следовало бы Я.М. Юровскому пихать обойму? Ведь при зарядании револьвера этой системы патроны, расположенные в 7 каморках его барабана, никогда не вставлялись при помощи какой-либо обоймы!

150.

Пушкарский Н.Ю. Указ. соч., с. 284, 285.

151.

Там же, с. 286.

152.

Этим «одним из охраны» на деле был непосредственно сам П.З. Ермаков.

153.

Великая Княжна Анастасия Николаевна также была добита П.З. Ермаковым, который, встав ей ногами на обе раскинутые руки, произвел в нее смертельный выстрел из своего Нагана.

154.

Пушкарский Н.Ю. Указ. соч., с. 286.

155.

Открытый 7 ноября 1927 г. как Уральский Областной «Музей Революции», таковой в январе 1934 г. был переименован в Уральский областной Музей революции, а в 1939 г. – в Свердловский областной Музей революции.

156.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 400/Д1-573.

157.

Там же, 391/Д1-564.

158.

Там же, 392/Д1-565.

159.

Там же, 393/Д1-566.

160.

Свикке Ян Мартынович (наст. фам. Свикис) (1885–1976) – советский партийный деятель, участник трех революций. Уроженец хутора Свикиса (местечко Вецумниеки),

расположенного в Бауском уезде Курляндской губернии. Свою трудовую деятельность начал в 8 лет. С 1898 г. проживал в Риге, где работал в качестве рассыльного сначала в одной из колониальных лавок, а затем в магазине А. Фогта. В 1900 г., сдав экзамены на подмастерье кулинара, был командирован в Германию, где совершенствовал свои знания в этой области. До поездки за рубеж посещал Воскресную школу ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II при Рижском городском училище, в стенах которой впервые приобщился к революционной деятельности. По окончании этого учебного заведения получает звание и диплом народного учителя. В 1904 г. возвращается в Ригу и вступает в ряды партии социал-демократов Латвии (СДЛ). С 1905 г. работает народным учителем, с должности которого он неоднократно увольняется за политическую агитацию среди молодежи. Активное участие Я.М. Свикке в революционных событиях 1905 г. на территории Прибалтики заставляет его покинуть Ригу и выехать в Германию, где он продолжает свою учебу, окончив в Митвейде заводской техникум по специальности «Специалист по центральному отоплению». В 1908 г. возвращается в Ригу, где устраивается на работу в качестве управделами коммерческого училища Р.Р. Мурмана. С 1910 по 1912 г. работает на заводах Товарищества «Проводник», где занимает должность старшего писаря Расчетной конторы. С 1912 по 1915 г. работает в техническом бюро инженера А.И. Банкаина в качестве техника по центральному отоплению. В 1916 г. поступает в Московский Народный Университет им. А.Л. Шанявского, где учится на Общественно-юридическом факультете, совмещая свою учебу с работой Старшего бухгалтера Автомобильного отдела Всероссийского Земского Союза. По прошествии лет, в своей автобиографии Я.М. Свикке напишет, что 15 декабря 1916 г. он был арестован Московским Охранным Отделением за политическую деятельность и выслан в Административном порядке в Иркутскую губернию за принадлежность к СДЛ, а также за активную агитацию против войны и по подозрению в организации предполагаемой к выпуску рабочей газеты антиправительственного содержания. Так это было или нет, но в Центральном архиве Нижегородской области и по сей день хранится «Дело о крестьянине Курляндской губ. Бауского уезда, Нейгутской волости Яне Мартыновиче Свикке, высланном из Москвы за пропаганду войны». Во время событий Февральской смуты возвращается в Ригу, где продолжает заниматься активной политической деятельностью. В июле 1917 г. избирается членом Президиума Исполнительного комитета Курляндского временного земского совета, а в августе этого же года назначается на должность комиссара Рижской Народной Милиции. 20 мая 1918 г. Я.М. Свикке назначается на должность Заведующего Осведомительным отделом Средне-Сибирского Округного Комиссариата по военным делам, а начиная с 9 июня 1918 г. совмещает такую с должностью члена Высшей Военной Инспекции, обязанности которого он исполняет до 20 июля 1918 г. Но в то же самое время начиная с 10 июля 1918 г. Я.М. Свикке совмещает означенные выше обязанности члена Высшей Военной Инспекции с должностью Комиссара Полевой Типографии Штаба Уральского Военного Округа. После окончания Гражданской войны – на советской, партийной и преподавательской работе. С началом Великой Отечественной войны вместе с семьей эвакуирован в Москву, откуда направлен в город Кыштым Свердловской области. Незначительное время проработал на одном из военных заводов, после чего по предложению 1-го Секретаря Кыштымского РК ВКП(б) К.Г. Захарова был назначен лектором-пропагандистом Кыштымского РК ВКП(б). По роду своей деятельности выезжал читать лекции в эвакогоспитали, на предприятия оборонного значения и в различные советские учреждения. В 1942 г. по делам служебной надобности неоднократно выезжал в Свердловск, где встречался с П.З. Ермаковым.

Автор не исключает возможности того, что, «заручившись свидетельскими показаниями П.З. Ермакова» в 1942 г., у Я.М. Свикке со временем окончательно вызрела идея представить себя в роли «главного цареубийцы», под руководством которого был осуществлен расстрел Царской Семьи.

162.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 385/Д1-558.

163.

Завод № 217 (до января 1937 г. – завод «Геофизика») специализировался на разработке и производстве оптических приборов военного профиля. На основании решения ГКО СССР от 7 октября 1941 г. был эвакуирован в Свердловск, где всего в считанные дни было собрано все заводское оборудование, сразу же начавшее давать первую продукцию. В течение 1943 г. было разработано 17 видов вооружений, в числе которых был авиационный прицел с автоматическим набором высоты для самолетов-торпедоносцев. Кроме обеспечения авиации, флота и артиллерии оптическими приборами, рабочие завода по своей инициативе помогали фронту дефицитными деталями не своего профиля. Например, это предприятие выпускало минный упрощенный взрыватель (МУВ), приемник к станковому пулемету Максима, узел затвора к реактивной установке БМ-13 («Катюше») и танковую призму, ограждающую механика-водителя от пуль. Нельзя также не сказать и о том, что, движимые чувством патриотизма, заводчане на свои сбережения покупали сверхплановую продукцию, которая отправлялась на фронт, вооружив, таким образом, 10 артиллерийских батарей и 4 авиационных эскадрильи.

164.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 399/Д1-572.

165.

Там же, 384/Д1-557.

166.

Там же, 401/Д1-559.

167.

Там же, 403/Д1-576.

168.

Сутоцкий Сергей Борисович (1912–1974) – писатель, журналист. Член ВКП(б). Работал в редакции московской газеты, был ответственным редактором газеты «Советское искусство». В годы войны – сотрудник Института Маркса – Энгельса – Ленина. Принимал участие в составлении биографии И.В. Сталина (1946). В 50–60-е годы – сотрудник редакции газеты «Правда». Автор агитационно-познавательных произведений для молодежи по проблемам коммунистической идеологии, жизни и деятельности В.И. Ленина, в том числе книги «Книга великой жизни: Ленин Владимир Ильич. Краткая биография» (1955), «Слово – полководец» (1971), «Слово – строитель» (1974).

169.

Яковлев А. Товарищ Маузер. Сб. «Ленинская гвардия Урала». Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1967, с. 332.

170.

См. п. 11 Главы 3 «Товарищ Маузер» (12. 1884 – 06. 1918).

171.

Вероятнее всего, караульный внутренней охраны ДОН Я.М. Целмс.

172.

Ю.А. Жук. Гибель Романовых. По следам неразгаданных тайн. М., ООО Издательский дом «Вече», 2009, с. 27.

173.

Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Личный фонд П.З. Ермакова, 382/Д1-555.

174.

Там же, 406/Д1-579.

175.

Там же, 405/Д1-578.

176.

Там же, 364/Д1-566.

177.

Об этом факте свидетельствует адресованное П.З. Ермакову открытое письмо К.Т. Свердловой-Новгородцевой от 29 октября 1947 г. (ММИЕ. 365/Д1-537.) Это послание положило начало их переписке, продолжавшейся до самой смерти П.З. Ермакова, свидетельством чему несколько телеграмм и писем, ныне хранящихся в личном фонде П.З. Ермакова Муниципального музея истории Екатеринбурга. А так как к тому времени в живых остались немногие из тех, кто вместе с ней начинал свою революционную деятельность в Екатеринбургском Комитете РСДРП в 1905 г. (А.И. Парамонов, А.Н. Бычкова, П.З. Ермаков, Ф.Ф. Сыромолотов и др.), то все они были для нее – вдовы бывшего всесильного Председателя ВЦИК – не только ярким напоминанием ее давно ушедшей молодости, но и частью истории становления Советской власти на Урале. И именно поэтому она писала П.З. Ермакову в 1948 г.: «Дорогой Петр Захарович, сегодня я написала несколько писем в Свердловск, захотелось послать вам привет и пожелание здоровья. В марте 1949 г. исполняется 30 лет со дня смерти Якова Михайловича, тщательно ли подготовился музей (Государственный мемориальный музей Я.М. Свердлова в Свердловске. – Ю.Ж.) к этой годовщине? Надо бы, возможно, шире и глубже охватить город и область агитацией, пропагандой. Свердлов – это кусок истории партии, на живых примерах биографии легко знакомить людей с великой ролью нашей партии, с ее многолетней борьбой, с ее вождями. Уверена, что вы по-прежнему поможете музею всем, что в ваших силах. Рассчитываю в дни годовщины быть в Свердловске. Шлю привет. К. Свердлова. 3./XII 48 г.». (ММИЕ. 363/Д1-535.)

178.

В соответствии с записью, имеющейся в Личном листке по учету кадров, заполненном не ранее 1946 г., П.З. Ермаков указал, что имеет «жену и сына 37 лет».

179.

Неверов Л. П. (1904–1962) – уральский писатель, журналист, краевед. Родился он в Перми в 1904 году. Обучался в 1-й Пермской мужской гимназии, затем в Единой Трудовой Школе. С 1921 года работал в пермских губернских газетах «Звезда» и «На смену!». Учился на заочном отделении Исторического факультета Свердловского педагогического института, откуда перевелся в Свердловский коммунистический институт журналистики, где с 1939 по 1941 годы преподавал курс дисциплины «Информация в газете, несмотря на то, что самому Л.П. Неверову учебу в ВУЗе закончить не удалось. В годы Великой Отечественной войны Л.П. Неверов продолжал сотрудничать с центральными и местными газетами, а как партийный агитатор-пропагандист читал лекции по линии Свердловского Обкома ВКП(б). С 1948 года – директор Уральского музея революции (размещавшегося в то время в доме инженера Ипатьева, в котором в 1918 году была расстреляна Царская Семья), а после его расформирования – Ученым секретарем Свердловского областного краеведческого музея. С 1950 года работал рецензентом в Средне-Уральском книжном издательстве, но сам уже не писал. (За исключением участия в работе над книгой по краеведению «Исторические памятники Свердловска и области» в качестве одного из соавторов.) Последние годы жизни (с 1958 г.) был Ответственным секретарем журнала «Уральский следопыт». Умер в возрасте 58 лет от сердечного приступа. Похоронен в Свердловске.

180.

Яковлев А. Указ. соч., с. 319.

181.

Крайнова Е.В. Уральский Музей Революции. Россия. Романовы. Урал. (Сб. материалов Свердловского государственного историко-краеведческого музея (СГОИКМ), Екатеринбург. Банк культурной информации, 1993, с. 35, 36.

182.

В годы войны часть этой стены хранилась в помещении Вознесенской церкви, где в 1946 году открылся Свердловский областной историко-краеведческий музей. Некоторое время какая-то часть этой стены находилась и в Центральном архиве Октябрьской революции ГАУ при СМ СССР (в настоящее время – ГА РФ). Однако со временем, и тот и другой фрагменты были утрачены. (По непроверенным данным, та часть стены, которая находилась в Свердловске, в годы Великой Отечественной войны была пущена на растопку.)

183.

На этих открытках имелась пояснительная надпись приблизительно, одного содержания: «Чехо-словацкая делегация в помещении, где были казнены Романовы» и «Франко-бельгийская делегация в помещении, где были казнены Романовы». Но наряду с ними были и другие: «Передача Романовых Уралсовету» (репродукция картины худ. В.Н. Пчелина), «Бывший дом Ипатьева в момент заключения в нем Романовых», «Дом, где в 1918 году казнены Романовы», «г. Свердловск. Последний дворец последнего царя» и др.

184.

«Исповедь цареубийц», с. 310.

185.

Гаврилов Д.В., Боровиков Д.В. Расстрелян пролетарской рукой. Сб. «Убийство царской семьи Романовых». Свердловск, Издательство «Урал-Советы», 1991, с. 122.

186.

В целях восстановления истины не могу не сказать о том, что Д.В. Гаврилов при личной беседе со мной заявил, что узнал о его существовании со слов своего коллеги Д.В. Боровикова.

187.

Радзинский Э.С. Указ. соч., с. 455.

188.

Личный архив автора.

189.

Так в документе.

190.

Отдел документации СГОИКМ.

191.

Сама мысль о том, что П.З. Ермаков хранил свой «исторический пистолет» где-нибудь на чердаке или в подвале, кажется автору, более чем нелепой, так как каждый сотрудник ОГПУ (каковым в 1927 году, безусловно, являлся и П.З. Ермаков) мог иметь и хранить у себя дома свое личное оружие.

192.

См. Главу 1. Из истории пистолета Маузера К-96/12.

193.

Боровиков Д.В., Гаврилов Д.В. Указ. соч., с. 123.

194.

Там же.

195.

Ezell Edward. Handguns of the World. Stackpole Book, USA, 1981. Harrisburg, s. 390.